

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

*Сборник материалов Всероссийской
научно-практической конференции
30-31 мая 2016 г.*

Хабаровск, 2016

УДК 34
ББК я 54 (67)
Д 156

Издается по решению редакционно-издательского совета
Дальневосточного юридического института МВД России

Редакционная коллегия:

председатель
кандидат юридических наук *А.А. Андреев*;
заместитель председателя
кандидат юридических наук, доцент *М.А. Тулиглович*;
ответственный секретарь *В.К. Твердохлебова*;

члены редколлегии:
доктор юридических наук, профессор *Н.Е. Мерецкий*;
доктор юридических наук, доцент *А.Н. Дерюга*;
доктор юридических наук, профессор *Л.Н. Древаль*;
доктор педагогических наук, кандидат юридических наук,
доцент *И.С. Еремина*;
кандидат юридических наук, доцент *И.М. Антонов*;
кандидат юридических наук, доцент *С.Н. Воробей*;
кандидат юридических наук *А.В. Лунева*;
кандидат юридических наук *А.О. Швейгер*;
кандидат юридических наук *С.А. Ярошенко*

Д 156 **Актуальные** проблемы юридической науки и судебной практики : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 30-31 мая 2016 г. ; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России. – Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России, 2016. – 236с.

ISBN 978-5-9753-0215-1

Сборник содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции, в ходе которой освещались проблемные вопросы юридической науки и судебной практики.

Предназначен для широкого круга читателей.

УДК 34
ББК я 54 (67)

УДК 343.3/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИ УГРОЗЕ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Абубакиров Ф.М., доцент кафедры Хабаровского государственного университета экономики и права кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются вопросы квалификации, связанные с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, основанные на судебно-следственной практике. Предлагается анализ уголовно-правовых ситуаций на основе действующих постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: угроза; убийство; причинение тяжкого вреда здоровью; квалификация.

CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT OF THE THREAT BY MURDER OR CAUSING OF HEAVY HARM TO HEALTH

Abubakirov F.M., chair associate professor of the Khabarovsk State University of Economics and Law Kandidat nauk degree in Law, associate professor

The article deals with the issues of qualification associated with threat by murder or causing of heavy harm to health is based on judicial practice. The analysis of the criminal-legal situations, on the basis of existing decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: threat; murder; causing of heavy harm to health; qualifications.

Угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ при квалификации общественно опасных деяний рассматривают в двух аспектах: во-первых, как самостоятельную уголовно-правовую норму ст. 119 УК РФ; во-вторых, как средство преодоления сопротивления потерпевшего лица при совершении другого, как правило, более тяжкого преступления. При квалификации конкретных юридических фактов в судебно-следственной практике возникают следующие возможные варианты уголовно-правовой оценки: совершенное деяние квалифицируется только по ст. 119 УК РФ; угроза убийством или

причинением тяжкого вреда здоровью охватывается иной уголовно-правовой нормой; совершенное деяние квалифицируется по правилам реальной совокупности.

С учетом сложности квалификации исследуемой темы высшая надзорная инстанция уделяет ей постоянное внимание и неоднократно в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ давала разъяснения по вопросам уголовно-правовой оценки применения данной уголовно-правовой нормы. Тем не менее, в правоприменительной деятельности данный вопрос остается актуальным.

Статья 119 УК РФ – сложный по структуре состав преступления, включающий два альтернативных действия: угрозу убийством и угрозу причинением тяжкого вреда здоровью. Возможно, в связи с трудностью определения оценочного признака насилия по отношению к причинению вреда здоровью, статья 129 Уголовного кодекса Украины предусматривает ответственность только за угрозу убийством, если имелись реальные основания опасаться осуществления этой угрозы [5].

При определенном умысле и конкретизированных высказываниях с демонстрацией средств, подкрепляющих угрозу, как правило, квалификация не вызывает сомнений в судебно-следственной практике. Проблема применения ст. 119 УК РФ возникает при угрозе применения насилия, носившей неопределенный характер. В этих случаях следует руководствоваться судебным толкованием нормативного характера применительно к аналогичным случаям. Вопрос о признании в действиях лица угрозы причинения тяжкого вреда здоровью необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа угрожавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении применить физическое насилие, и т.п. [2, с. 21].

1. Статьей 119 УК РФ не предусмотрено в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание, совершение двух или более деяний. Согласно ст. 17 УК РФ, при совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление. Наказание назначается отдельно за каждое совершенное деяние, при этом окончательное наказание в соответствии с ч. 1 ст. 69 УК РФ не может превышать более чем наполовину максимальный срок или размер наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных деяний, предусмотренных ст. 119 УК РФ.

От совокупности преступлений следует отличать единое сложное преступление, состоящее из ряда тождественных угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершаемых в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего (потерпевших), объединенных единым умыслом и со-

ставляющих в своей совокупности единое продолжаемое преступление [2, п. 16; 4, п. 8].

2. При квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, необходимо на основании заключения эксперта устанавливать, является ли примененный при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. В соответствии со ст. 1 Федерального закона «Об оружии» под оружием следует понимать устройства и предметы как отечественного, так и иностранного производства, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели [6]. При наличии к тому оснований действия лица, применившего оружие при совершении деяний, предусмотренных ст. 119 УК РФ, должны дополнительно квалифицироваться по ст. 222 УК РФ.

Под предметами, используемыми в качестве оружия при совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, понимаются любые материальные объекты, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека [2, п. 23].

3. Применение в ходе совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью незаряженного, неисправного, непригодного оружия (например, учебного) либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т.п. может служить основанием для квалификации содеянного по ст. 119 УК РФ. Аналогичная уголовно-правовая оценка дана Верховным Судом РФ применительно к хулиганству [3, п. 3-4].

Вместе с тем в ряде случаев судебная практика решение вопроса ставит в зависимость от субъективного восприятия потерпевшего. Например, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, состав угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью отсутствует. Такой вывод можно сделать из судебного толкования применительно к насильственному грабежу или разбою [2, п. 23].

4. Действия лица, совершившего угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью с использованием собак или других животных, представляющих реальную опасность для жизни или здоровья человека, надлежит квалифицировать с учетом конкретных обстоятельств дела по ст. 119 УК РФ. Собаки или другие животные в аналогичных случаях рассматриваются в качестве материальных объектов, которыми, исходя из их свойств, можно причинить вред здоровью человека.

В судебно-следственной практике животных относят к предметам, используемым в качестве оружия. Так, Верховный Суд РФ дал следующие разъяснения нормативного характера. Действия лица, совершившего нападение с целью хищения чужого имущества с ис-

пользованием собак или других животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, либо с угрозой применения такого насилия, надлежит квалифицировать с учетом конкретных обстоятельств дела как разбой, совершенный с применением предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ) [2, п. 23]. В случаях, когда в процессе совершения хулиганства лицо использует животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, содеянное с учетом конкретных обстоятельств дела может быть квалифицировано по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ [3, п. 3].

5. Психическое насилие в виде угрозы убийством или причинением вреда здоровью может служить способом совершения другого преступления (разбоя, вымогательства, изнасилования, насильственных действий сексуального характера, нарушения неприкосновенности жилища и др.). Если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы, указанные действия охватываются диспозицией соответствующих статей и дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требуют (например, п. «в» ч. 2 ст. 131 и п. «в» ч. 2 ст. 132 УК РФ). В соответствии с правилами квалификации при конкуренции части и целого предпочтение отдается целому, поэтому дополнительной квалификации по статье 119 не требуется.

Иная ситуация при реальной совокупности преступлений, когда угроза насилием или убийством выступает средством (способом) сокрытия уже совершенного преступления. Так, Пленум Верховного Суда РФ разъясняет: «Если угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью была выражена после изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера с той целью, например, чтобы потерпевшее лицо никому не сообщило о случившемся, такие деяния подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 119 УК РФ и, при отсутствии квалифицирующих признаков, по ч. 1 ст. 131 УК РФ либо ч. 1 ст. 132 УК РФ [4, п. 3].

Специальными нормами предусмотрена повышенная ответственность за угрозу в отношении определенной категории лиц, когда происходит посягательство не только на личность потерпевшего, но и на другой объект: правосудие, порядок управления, установленный порядок прохождения военной службы. В таких случаях ответственность наступает по ст. 296, 309, 313, 318, 321, 333 УК, а ст. 119 УК РФ не подлежит применению.

6. В соответствии с ч. 1.1 ст. 63 УК РФ при назначении наказания за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного, суд может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ.

Подводя итог, следует отметить, что по количеству выявленных лиц, совершивших преступления против личности, предусмотренные гл. 16 УК РФ, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью занимает первое место после побоев. Ежегодно по Российской Федерации регистрируется от 80 до 100 тыс. преступлений, подпадающих под признаки ст. 119 УК РФ [1]. Статистические показатели приводятся без учета высокой латентности указанной группы преступлений.

Верховным Судом РФ подготовлен законопроект о декриминализации ряда статей УК РФ, в том числе ч. 1 ст. 119 (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) [7]. С учетом судебной статистики представляется преждевременным реализация данного предложения. Первоначально необходимо минимизировать данное общественно опасное деяние. Это будет криминологически обоснованным решением, а не волевым социально необоснованным, как это случилось с неоднократностью (ст. 16 УК РФ), конфискацией как видом наказания, первоначальной декриминализацией клеветы и др.

Складывается неадекватная ситуация, при которой на фоне продолжающейся криминализации преступлений экономической направленности, относящихся к категории небольшой и средней тяжести, поступают предложения о декриминализации преступлений этой же категории против личности. Кроме того, предлагаемое решение противоречит принципу гуманности (ч. 1 ст. 7 УК РФ), в соответствии с которым «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека». Данный принцип призван гарантировать и обеспечивать конституционное положение, прописанное в ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью».

Используемые источники

1. Статистические данные ГИАЦ МВД России по состоянию преступности 2005–2010 гг., 2010–2014 гг. URL: www/crimpravo.ru
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изм. от 03.03.2015).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности».
5. Уголовный кодекс Украины (в ред. от 02.03.2015). URL: http://kodeksy.com.ua/ka/ugolovnyj_kodeks_ukraini.htm

6. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» (в ред. от 21.07.2014). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2014).
7. URL: <https://mail.google.com/mail/u/0/#inbox/151adedd807a0de>

УДК 343.137.5

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ И УСИЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО
НАДЗОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Андрейкин А.А., старший прокурор учебно-методического отдела прокуратуры Хабаровского края

В статье рассматриваются некоторые проблемы производства предварительного расследования и прокурорского надзора по уголовным делам с участием несовершеннолетних и вносятся отдельные предложения по оптимизации данной уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; несовершеннолетние; прокурорский надзор.

TO THE QUESTION ABOUT IMPROVING THE QUALITY
OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND STRENGTHEN
THE PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE PRODUCTION
IN CRIMINAL MATTERS INVOLVING MINORS

Andreikin A.A., senior Prosecutor of the educational-methodical Department of the Prosecutor's office of Khabarovsk Territory

The article discusses some of the problems of production of preliminary investigation and prosecutorial supervision in criminal cases involving minors and offers some proposals for optimization of this criminal procedure.

Keywords: criminal trial; criminal justice; minor; public prosecutor's supervision.

Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что понимание большинством российских граждан возможности и необходимости современного общества жить в соответствии с конституционными нормами и законодательством является устойчивым социологиче-

ским трендом. В то же время повышенное общественное внимание к порядку и законности свидетельствует о неудовлетворенности людей этим аспектом социальной жизни [1, с. 49]. В связи с этим немаловажной задачей в процессе укрепления позиции России как современного правового государства является эффективная охрана и реализация прав несовершеннолетних в досудебных стадиях уголовного процесса, характер которого неизбежно затрагивает их конституционные и иные права и свободы.

Несовершеннолетний в силу возрастных особенностей не имеет возможности самостоятельно реализовывать свои права и законные интересы так же эффективно, как взрослый. Это в полной мере относится и к уголовному судопроизводству. Особенности интеллектуального и физиологического развития несовершеннолетних определяют необходимость более четкой законодательной регламентации их прав и обязанностей, осуществления не менее эффективных и качественных дознания и предварительного следствия, а также усиления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних.

В досудебных стадиях уголовного процесса часто затрагиваются такие важные конституционные права и свободы, как: равенство каждого перед законом и судом; судебная защита прав и свобод; право потерпевшего на государственную защиту от преступлений, на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба; право на свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; право на защиту своей чести и доброго имени; государственную защиту несовершеннолетних; право на получение квалифицированной юридической помощи и некоторые другие, что, в свою очередь, обуславливает необходимость совершенствования и прокурорского надзора в данной сфере, и производства предварительного расследования.

Обобщение практики прокурорского надзора и проведенное в связи с этим анкетирование прокурорских работников* позволили выделить типичные недостатки и нарушения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, которые отрицательно влияют на реализацию прав и законных интересов несовершеннолетних, ход и

* Были направлены запросы на имя прокуроров девятнадцати субъектов Российской Федерации, а также проанкетированы в процессе деятельности Хабаровского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих – учебно-методического отдела прокуратуры Хабаровского края 522 прокурорских работника из прокуратур различных субъектов Российской Федерации, в том числе слушатели курсов профессионального обучения из городских, районных и приравненных специализированных прокуратур Дальневосточного федерального округа и Восточной Сибири.

результаты расследования и решения по уголовным делам. Выявляемые в практике нарушения сформулированы респондентами следующим образом:

1) производство допросов несовершеннолетних без педагога или психолога, особенно в выходные дни, либо формальный характер их участия в данных следственных действиях; проведение допросов свыше времени, установленного в УПК РФ; допросы потенциальных подозреваемых (несовершеннолетних) в качестве свидетелей; неполные допросы несовершеннолетних, в особенности малолетних, что создает дальнейшие препятствия при рассмотрении данных уголовных дел в судах;

2) отсутствие экспертиз объективности показаний несовершеннолетних; несвоевременное ознакомление несовершеннолетних и их законных представителей с постановлениями о назначении и заключениями экспертиз; длительное производство экспертиз при относительно коротких сроках дознания;

3) волокита и нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства, необоснованное их продление;

4) формальный подход к разъяснению прав и обязанностей законного представителя и представляемого несовершеннолетнего (нередко права и обязанности несовершеннолетним вовсе не разъясняются); несвоевременное признание несовершеннолетних потерпевшими;

5) отсутствие законных представителей при осуществлении расследования, применение незаконных методов расследования; оказание психологического давления на несовершеннолетних подозреваемых, моральное давление на несовершеннолетних потерпевших со стороны недобросовестных родителей, позиция которых иногда влияет на изменение показаний несовершеннолетних потерпевших, что усложняет установление истины;

6) отсутствие должного внимания причинам и условиям, способствующим совершению преступлений для их профилактики; формальное отношение к качеству представлений, вносимых в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, отсутствие контроля за рассмотрением внесенных представлений; отсутствие взаимодействия с органами профилактики;

7) недостаточное изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого; неустановление условий их жизни и воспитания;

8) ненадлежащая защита несовершеннолетних потерпевших, в частности, по преступлениям против половой неприкосновенности; допущение в связи с этим на них давления, в том числе со стороны защиты;

9) участие иных представителей при наличии родителей, не лишенных родительских прав и не отстраненных от участия в деле;

10) необоснованность решений об избрании мер пресечения, в том числе заключения под стражу, а также некоторые другие нарушения закона.

Причинами вышеобозначенных нарушений УПК РФ респонденты назвали:

- 1) ложно понимаемые приоритеты работы, слабая профессиональная подготовка ряда лиц, осуществляющих расследование;
- 2) безответственность отдельных дознавателей и следователей при отсутствии контроля со стороны их руководителей;
- 3) недостаточное и неэффективное принятие мер по взаимодействию органов расследования с системой профилактики;
- 4) тенденциозность на привлечение к уголовной ответственности при недостаточности доказательств, необеспечение в полном объеме прав участников на досудебных стадиях, в том числе и потерпевших;
- 5) несовершенство норм уголовно-процессуального права;
- 6) незаинтересованность отдельных лиц, осуществляющих расследование, а также педагогов, психологов в обеспечении прав и интересов несовершеннолетних и некоторые другие причины.

Так, прокуратурой городского округа Химки Московской области установлено, что в связи с сообщением из детского сада 28 февраля 2013 г. дознавателем ОД УМВД по г.о. Химки с согласия прокурора по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, возбуждено уголовное дело в отношении П., нанесшего побои малолетнему С. Однако 19 августа 2013 г. дознавателем в связи с отсутствием ведомственного контроля за расследованием, в нарушение требований ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства и иных положений данного закона, уголовное преследование в отношении П. незаконно прекращено, а производство по делу приостановлено в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. В ходе расследования уголовного дела конкретные указания прокурора о производстве необходимых следственных действий в полном объеме не выполнялись, никакие процессуальные действия длительное время не проводились, в том числе длительно не признавался потерпевшим и не допрашивался малолетний С., не допрошены необходимые лица в качестве свидетелей, не получены результаты судебно-медицинской экспертизы, не решен вопрос о назначении иного лица в качестве представителя несовершеннолетнего в связи с отстранением от участия в уголовном деле законного представителя – матери потерпевшего, действовавшей не в интересах представляемого лица. Поскольку подозреваемый являлся ее сожителем, она пояснила, что последний причинил телесные повреждения потерпевшему, имевшему возраст 3 года и 11 месяцев, «занимаясь с ним приемами самообороны».

В другом примере 18 ноября 2013 г. Краснофлотским районным судом г. Хабаровска в порядке ст. 237 УПК РФ прокурору возвращено уголовное дело по обвинению несовершеннолетней И. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ, в связи с тем, что в ходе дознания не был привлечен к участию в уголовном судопроизводстве законный представитель.

При изучении прокурором Верхнебуреинского района Хабаровского края уголовного дела с обвинительным заключением по обвинению несовершеннолетнего Х. в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, установлено, что в нарушение п. 12 ст. 5 УПК РФ законным представителем несовершеннолетнего обвиняемого признан работник колледжа, где обучался Х. Вместе с тем несовершеннолетний обвиняемый на попечении данного учреждения не находился, у него имелся отец, не лишенный родительских прав, вопрос об участии которого в уголовном судопроизводстве в качестве законного представителя данного несовершеннолетнего следователем не рассматривался.

Подобные нарушения закона имеют место и по ряду других уголовных дел.

В связи с этим необходимо совершенствование не только методики прокурорского надзора при проверке итоговых решений по обозначенным уголовным делам, но и совершенствование методики проверки данных уголовных дел дознавателями, следователями и их руководителями перед направлением прокурору по результатам расследования.

При производстве предварительного расследования и осуществлении прокурорского надзора требуется принятие всеми соответствующими должностными лицами исчерпывающего перечня мер, направленных на качественное, эффективное и законное производство дознания и предварительного следствия. Это будет способствовать повышению правовой защиты, реализации прав и законных интересов несовершеннолетних и их представителей, защите потерпевших от преступлений, защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Используемые источники

1. Общественное мнение о состоянии законности, правопорядка и деятельности органов прокуратуры // Законность: состояние и тенденции в 2010–2014 гг. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению: науч. докл. / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015.

УДК 343.01

ОБЩИЕ НАЧАЛА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ:
ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

*Антонов И.М., доцент кафедры кандидат юридических наук,
доцент;*

*Бойко Н.В., доцент кафедры кандидат юридических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

В статье исследуются проблемные вопросы законодательной регламентации общих начал назначения наказания. Анализируются отдельные правила назначения уголовного наказания. Формулируется авторское определение понятия «назначение наказания». Авторы приходят к выводу о том, что законодательная формулировка общих начал назначения наказания несовершенна и требует корректировки.

Ключевые слова: общие начала; назначение наказания; правовая регламентация; правила назначения наказания; мера наказания; цели наказания.

GENERAL PURPOSE STARTING PENALTIES:
QUESTIONS LEGISLATIVE REGULATION

*Antonov I.M., chair associate professor Kandidat nauk degree in
Law, associate professor;*

*Boyko N.V., chair associate professor Kandidat nauk degree in Law
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russia)*

The article explores the problematic issues of legislative re-
glamentation of the general principles of sentencing. Are ana-
lyzed separate rule-la purpose of criminal punishment. Author
formulated the definition of "sentencing". The authors conclude
that legislative formulation of general principles of sentencing
is not perfect and requires adjustment.

Keywords: general principles; sentencing; legal registration;
sentencing rules; punishment; the purpose of punishment.

Назначение уголовного наказания нуждается в тщательной правовой регламентации с тем, чтобы виновные несли заслуженное наказание, было соблюдено требование справедливости и чтобы меры уголовно-правового воздействия использовались только тогда и

только в тех пределах, которые необходимы для достижения поставленных перед наказанием целей и задач. Принятие необоснованных решений относительно вида и размера наказания подрывает авторитет правосудия, влечет изменение или отмену приговора и существенные издержки морального и материального плана [6, с. 135]. При этом, как правильно отмечал Г.С. Гаверов, «ни в какой другой области отправления правосудия не допускается столько судебных ошибок, сколько при решении вопросов, связанных с назначением наказания» [1, с. 8-9].

Причины такого положения обусловлены несовершенством уголовного законодательства, связанного с регламентацией процесса назначения уголовного наказания, чрезвычайной сложностью самой судебной деятельности в сфере назначения наказания, недостаточной степенью научно-теоретической разработанности проблемы.

Сложность процесса назначения уголовного наказания в судебной практике обусловлена еще и тем, что, с одной стороны, суд обязан назначить виновному заслуженное наказание, а с другой – последнее не должно ущемлять его законные права и интересы. Помощь в решении этой дилеммы может оказать совершенный уголовный закон, правильное применение которого гарантирует назначение справедливого наказания виновному.

Назначение наказания представляет собой процесс избрания конкретной меры наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, осуществляемый судом в точном соответствии с уголовным законом. Избирая конкретную меру наказания виновному, суд обязан учитывать требования ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания».

В юридической литературе обращается внимание на то, что «не все положения ст. 60 УК РФ учитываются судами достаточно полно, отдельные общие начала назначения наказания не находят отражения в приговорах судов» [5, с. 29]. Опрос 477 судебных работников, проведенный в свое время проф. Л.Л. Кругликовым, показал, что каждый третий из них (31%) не удовлетворен существующей правовой регламентацией общих начал назначения наказания [6, с. 154]. Указанные обстоятельства позволяют утверждать о несовершенстве положений, изложенных в ст. 60 УК РФ, и свидетельствуют о необходимости их тщательного изучения в целях последующей корректировки.

Анализ законодательной формулировки ст. 60 УК РФ позволяет вычленить десять основных начал назначения уголовного наказания.

1. Наказание назначается в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ.
2. Наказание назначается с учетом положений Общей части УК РФ.

3. Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

4. Более строгое наказание, чем предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершенное преступление, может быть назначено по совокупности преступлений и по совокупности приговоров в соответствии со ст. 69 и 70 УК РФ.

5. Основания для назначения менее строгого наказания, чем предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ за совершенное преступление, определяются ст. 64 УК РФ.

6. При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления.

7. При назначении наказания учитывается личность виновного.

8. При назначении наказания учитываются обстоятельства, смягчающие наказание.

9. При назначении наказания учитываются обстоятельства, отягчающие наказание.

10. При назначении наказания учитывается его влияние на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

Остановимся на некоторых из этих правил (общих начал) подробнее.

В соответствии с первым и вторым правилами (ч. 1 ст. 60 УК РФ) наказание назначается в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ, и с учетом положений его Общей части.

Такая формулировка представляется не совсем точной. Ни одна из санкций статей Особенной части Уголовного кодекса РФ не может дать четкого и ясного представления о границах наказания, которое может быть назначено за предусмотренное этой статьей преступление. Большинство из них (по подсчетам Л.Л. Кругликова, каждые три из четырех) не содержит указаний в части минимума описываемых видов наказаний, т.е. не обладает остаточной определенностью [4, с. 278].

Кроме того, санкции статей Особенной части не содержат полного набора наказаний, которые суд вправе назначить виновному. Такие виды наказаний, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, могут быть назначены виновному в совершении преступления и без указания на них в санкции статьи Особенной части УК РФ.

Не зря в свое время И.М. Гальперин и Ю.Б. Мельникова утверждали, что среди причин, по которым суды крайне медленно устраняют недостатки в применении дополнительных мер наказания, не

последнее место занимает упрощенное представление о пределах назначения наказания как синониме понятия санкции статьи [2, с. 4-5].

Третье правило закрепляет в общих началах принцип экономии репрессии и ориентирует суды на ограничение наказания минимумом, необходимым и достаточным для достижения его целей.

Четвертое и пятое начала устанавливают исключения из первого общего правила о пределах назначения наказания и отсылают к ст. 64, 69 и 70 УК РФ. На наш взгляд, указанные положения не имеют самостоятельного значения (поскольку регламентированы в других статьях УК) и могут быть исключены из общих начал назначения наказания.

Шестое правило (учет характера и степени общественной опасности преступления) отражает требования индивидуализации и равенства уголовной ответственности и наказания. Согласно этим требованиям, наказание должно в максимальной степени соответствовать тяжести совершенного преступления; наказания, назначаемые за равные по степени тяжести преступления, должны быть равными (Ю.Д. Блувштейн, В.Л. Чубарев, В.А. Никонов и др.).

Верховные суды СССР, РСФСР, РФ неоднократно обращали внимание на необходимость всестороннего учета при назначении наказания характера и степени общественной опасности преступления, называли определяющие их критерии. В частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» отмечалось, что при учете характера и степени общественной опасности преступления надлежит исходить из того, что характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом РФ объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступления, а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного.

В доктрине уголовного права высказано мнение (Т. Непомнящая) о том, что в данном случае Пленум Верховного Суда излишне сузил круг критериев, определяющих характер общественной опасности преступления, и что к последним следует также отнести характер и размер преступных последствий, способ посягательства, содержание мотивов и целей преступления.

Более правильным представляется мнение ученых (А.В. Наумов, Е.Ю. Антонова, А.В. Ищенко и др.), считающих критерием, определяющим характер общественной опасности преступления, социальную ценность объекта преступного посягательства. При этом не вызывает сомнений то, что способ посягательства, характер и размер преступных последствий, форма вины, содержание мотивов и целей оказывают существенное влияние на общественную опасность каж-

ного конкретного преступления. Только относятся они не к качественной, а к количественной стороне этой опасности.

Сходная позиция нашла отражение в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», в п. 1 которого указывается, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла либо неосторожности. Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления.

Седьмое общее правило назначения наказания указывает на необходимость учета судом личности виновного. Закон не дает ответа на вопрос о том, какие именно обстоятельства, характеризующие личность, следует учитывать и оценивать суду при назначении наказания. Разъяснения по этому поводу даны Верховным Судом РФ.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 к «сведениям о личности, которые подлежат учету при назначении наказания, относятся характеризующие виновного сведения, которыми располагает суд при вынесении приговора. К таковым могут, в частности, относиться данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников)». При этом «суды не должны учитывать в качестве отрицательно характеризующих личность подсудимого данные, свидетельствующие о наличии у него погашенных или снятых в установленном порядке судимостей».

Представляется интересным мнение А.С. Горелика, полагавшего, что сведения о личности виновного следует делить на три группы: 1) нашедшие отражение в характере и степени общественной опасности деяния; 2) входящие в число обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание; 3) все остальные [3, с. 147]. Отметим, что

оценивая личность конкретного виновного, суд должен учитывать только третью группу.

Иначе говоря, данные о личности, проявившиеся в деянии, входящие в число смягчающих и отягчающих обстоятельств, и иные данные должны учитываться отдельно друг от друга. Это вызвано тем, что объединение всех сведений о личности при назначении наказания неизбежно приведет к двойному, а то и к тройному учету одних и тех же обстоятельств. Результатом такого подхода может стать назначение слишком сурового или слишком мягкого наказания.

Десятое правило назначения наказания закрепляет в общих началах принципы личной (персональной) ответственности и гуманизма. Ограничения и лишения, связанные с наказанием, предназначаются персонально осужденному, поэтому при избрании конкретной меры наказания суду необходимо оценить ее влияние на условия жизни его семьи. Учету подлежат сведения о количественном составе семьи, возрасте, состоянии здоровья, материальном положении ее членов.

Требование учета влияния назначаемого наказания на исправление осужденного, на наш взгляд, повторяет положения ст. 43 УК РФ. Наказание во всех случаях применяется исключительно в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений. Исходя из этого, указание в правилах назначения наказания на одну из целей последнего представляется излишним.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательная формулировка общих начал назначения наказания несовершенна и требует корректировки.

Используемые источники

1. Гаверов Г.С. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976.
2. Гальперин И.М., Мельникова Ю.Б. Дополнительные наказания. М., 1981.
3. Горелик А.С. Взаимоотношение обстоятельств, влияющих на размер наказания // Вопросы уголовной ответственности и наказания. Красноярск, 1986.
4. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003.
5. Непомнящая Т. Учет судами общих начал назначения наказания // Уголовное право. 2001. № 3.
6. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 2 / под ред. А.И. Коробеева. Владивосток, 1999.

УДК 343.232

КРИТЕРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО

Антонова Е.Ю., заведующий кафедрой Хабаровского государственного университета экономики и права доктор юридических наук, доцент

В настоящей статье автор, рассмотрев возможность расширения системы преступлений с административной преюдицией, деления уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки, установления уголовно-правовых санкций в отношении коллективных субъектов, показывает необходимость выработки единых критериев общественной опасности деяния.

Ключевые слова: уголовная политика; общественная опасность; административная преюдиция; преступление; уголовный проступок; коллективный субъект.

THE CRITERIA OF SOCIAL DANGER OF THE ACT AND ITS IMPACT ON LAWMAKING

Antonova E.Y., chair head of the Khabarovsk State University of Economics and Law Doctor of Law, associate professor

In this article the author, considered the possibility of extending the system of crimes with administrative prejudice, division of criminal acts in the crime and criminal offenses, establish criminal sanctions in regard to collective subjects, shows the need to develop uniform criteria of social danger of the act.

Keywords: criminal policy; public danger; administrative prejudice; crime; criminal offense; the collective subject.

Уголовно-правовая политика (как, собственно говоря, и любая правовая политика государства) должна быть, во-первых, научно обоснованной; во-вторых, криминологически (социально) обусловленной; в-третьих, последовательной; в-четвертых, системной. Только при соблюдении данных условий можно выработать оптимальные, эффективные механизмы защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Но, к сожалению, как справедливо указывают М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, большинство уголовно-политических решений, в

том числе новые законы, принимаются в условиях высокой степени неопределенности знания о масштабах, характере и степени реальности криминальных угроз и способов защиты от них [2, с. 29]. Немаловажным в этой связи представляется решение вопроса о критериях общественной опасности.

Следует констатировать, что в настоящее время нет единства мнения относительно критериев общественной опасности. А ведь именно общественная опасность является основанием криминализации деяний, выделения привилегированных, квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений, построения санкций уголовно-правовых норм. Кроме того, характер и степень общественной опасности кладется в основу категоризации преступлений, учитывается при применении института освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания, а также при назначении наказания. Отсутствие четкого представления относительно критериев общественной опасности нередко приводит к необоснованным законодательным решениям. Например, без учета степени общественной опасности деяния законодатель дифференцировал ответственность за различные виды мошенничества; выделил в самостоятельный состав преступления пособничество в совершении террористического акта (ч. 3 ст. 205.1 УК РФ), установив за него более строгое наказание (от десяти до двадцати лет лишения свободы), чем за сам факт совершения террористического акта (от восьми до пятнадцати лет лишения свободы) и др.

Более подробно остановимся на некоторых вопросах, которые сегодня получили широкое обсуждение в научной общественности.

1. Возвращение в уголовное законодательство административной преюдиции. В последнее время оживился интерес к вопросу о реанимации административной преюдиции. Собственно говоря, таковая уже сегодня присутствует в целом ряде статей уголовного законодательства (ст. 151.1, 212.1, 314.1 УК РФ), хотя первоначально УК РФ отказался от данного института.

После того как в Послании Президента РФ Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. прозвучало обращение к Государственной Думе «поддержать предложения Верховного Суда России о декриминализации ряда статей Уголовного кодекса и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние», процесс рассмотрения соответствующих законопроектов активизировался.

Не вдаваясь в подробный анализ всех существующих аргументов *pro et contra* относительно административной преюдиции, остановимся на главных.

Основной аргумент противников административной преюдиции заключается в том, что совершение двух или более административных правонарушений не способны изменить их социальную сущность и увеличить степень общественной опасности.

В противовес этому аргументу указывается на то, что сущность деяния с административной преюдицией заключается в том, что лицо, совершившее административное правонарушение, будучи предупрежденным о возможных уголовно-правовых последствиях в случае повторного совершения им такого же нарушения, демонстрирует более стойкую антиобщественную направленность, субъективно оценивает совершаемое повторное деяние именно как преступление, осознавая его противоправность. Таким образом, по мнению сторонников административной преюдиции, в данных составах преступлений речь идет о специальном субъекте преступления [6, с. 84].

Для того чтобы определить, в каких случаях необходима административная преюдиция, требуются серьезные научные исследования. Считаем, что для решения вопроса о расширении системы преступлений с административной преюдицией следует решить несколько принципиальных вопросов, а именно: увеличивается ли степень общественной опасности административного правонарушения, совершенного неоднократно? Во всех ли случаях?

2. Деление уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки.

В научной литературе все чаще можно встретить утверждение о том, что разделение всех общественно опасных деяний на преступления и проступки преследует цели достижения более точной социально правовой оценки деяния, производимой с учетом характера и степени его общественной опасности, большей дифференциации и индивидуализации ответственности, более целенаправленной организации профилактической работы [4, с. 72].

Деление уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки применяется, например, в Германии, Испании, Австрии, Нидерландах, Норвегии и других государствах. В Уголовном кодексе Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V также было произведено такое деление [5].

Так, в соответствии со ст. 10 УК РК уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки. В частности, преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное УК РК под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы или смертной казни. Уголовным проступком признается совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу

причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста.

Казахский законодатель положил два критерия в основу деления уголовных правонарушений на уголовные проступки и преступления, а именно степень общественной опасности и наказуемость. С практической точки зрения можно заключить, что единственным критерием, по которому данные уголовные правонарушения могут отличаться друг от друга, является характер наказуемости. Формулировки же «не представляющее большой общественной опасности», «причинившее незначительный вред» являются оценочными и не имеют единого толкования. Нужны четкие критерии общественной опасности.

Еще один аргумент в пользу такого деления уголовных правонарушений заключается в том, что в отношении лиц, совершающих уголовные проступки, не должен применяться такой вид наказания, как лишение свободы. На наш взгляд, такой аргумент является неубедительным. Данную проблему вполне можно решить путем градации видов наказаний в зависимости от категории преступлений. Тем более что УК РФ в нынешней редакции этот вопрос уже фактически решил. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств.

Кроме того, считаем, что разделение уголовно наказуемых деяний на преступления и уголовные проступки стирает грань между преступлениями и административными правонарушениями.

3. Установление уголовной ответственности юридических лиц.

В последние годы не только на теоретическом, но и законодательном уровнях наметилась тенденция расширения сферы деликтоспособности юридических лиц. Так, если в законодательных актах советского периода была закреплена лишь гражданская ответственность юридических лиц, то в Кодексе РФ об административных правонарушениях 2001 г. были регламентированы нормы об административной ответственности коллективных образований. Таким образом, к возможности применения правосстановительных (гражданско-правовых) санкций к юридическим лицам добавились карательные (административные) меры воздействия. По своей юридической природе административная и уголовная ответственность очень близки, что усиливает мысль о возможности расширения сферы уголовной деликтоспособности за счет признания юридических лиц субъектами преступления (уголовной ответственности).

Противники же корпоративной уголовной ответственности считают, что у законодателя нет никаких препятствий для усиления ответственности юридических лиц в рамках существующих видов административного наказания (например, повысив верхний предел штрафа) или закрепления новых видов административного наказания (в том числе за новые составы административных правонарушений) для юридических лиц в КоАП РФ. Но с таким мнением сложно согласиться.

Действительно, административные и уголовно-правовые отношения имеют единую природу, обусловлены общим генезисом, публичным характером и охранительной направленностью. Вместе с тем близость данных отношений еще не дает оснований для их отождествления. С одной стороны, они совместно входят в охранительный блок правовой системы, а с другой стороны, не поглощаются друг другом, взаимно дополняют установленный в государстве режим охраны общественных отношений от деяний, обладающих различным уровнем общественной опасности [3].

Представляется, что привлечение коллективных образований к административной ответственности за совершение деяний, по степени общественной опасности соответствующих преступлениям, не решает всех существующих проблем.

Во-первых, система объектов уголовно-правовой охраны шире объектов, охраняемых иными отраслями права.

Во-вторых, степень общественной опасности преступления выше, чем у иных, в том числе административных правонарушений. Считаем, что потенциал иных отраслей права недостаточен для нейтрализации повышенной общественной опасности деятельности коллективных образований.

При этом полагаем, что уголовная ответственность должна наступать как в случае совершения деяний, посягающих на наиболее ценные общественные отношения, блага, интересы, охраняемые только рамками уголовного закона (например, жизнь, конституционный строй, мир и безопасность человечества), так и в случае совершения деяния, которое по характеру общественной опасности соответствует и преступлению, и административному правонарушению (и УК РФ, и КоАП РФ призваны охранять здоровье граждан, окружающую среду, собственность и др.), но по степени общественной опасности признается преступным. Гражданско-правовые и административные санкции оказываются в таких ситуациях не только неэффективными (бесполезными), но и неуместными, поскольку происходит несовпадение в степени общественной опасности.

В частности, необходимость и целесообразность применения к коллективным образованиям уголовно-правовых санкций возникают в случаях, когда деяния влекут за собой тяжкие последствия (смерть человека, причинение вреда здоровью человека различной степени

тяжести, крупный (особо крупный) материальный (финансовый, экономический) вред (ущерб); вред окружающей среде (например, массовая гибель животных, водных биоресурсов, существенное изменение радиоактивного фона, загрязнение окружающей среды и др.) и т.д.).

Это подтверждается и тем обстоятельством, что по конструкции объективной стороны многие административные правонарушения имеют формальный состав, т.е. не требуют таких последствий. В случае же наступления последствий либо совершения деяний в крупном (особо крупном) размере, неоднократно, некоторые административные правонарушения перерастают в разряд уголовно наказуемых (например, нарушение законодательства о труде и об охране труда; нарушение санитарно-эпидемиологических требований; незаконная рубка, повреждение лесных насаждений; нарушение правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов; продажа товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества и др.).

Отметим, что перечисленные и некоторые другие правонарушения предусматривают ответственность не только в отношении индивидуальных, но и коллективных субъектов. На этом примере прослеживается нарушение правила законодательной техники, в соответствии с которым в процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность в видах юридической ответственности.

Есть и такие административные правонарушения, за совершение которых ответственности подлежат только юридические лица, а физические лица, совершившие эти деяния от имени и (или) в интересах юридического лица, подлежат уголовной ответственности. Например, **статья 6.15 КоАП РФ** (Нарушение правил оборота инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ) аналогична **ст. 228.2 УК РФ**; **ст. 6.16 КоАП РФ** (Нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, хранения, учета, реализации, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры) – **ст. 228.2 УК РФ**; **ст. 6.19 КоАП РФ** (Создание юридическим лицом условий для торговли детьми и (или) эксплуатации детей) – **ст. 127.1 УК РФ**; **ст. 6.20 КоАП РФ** (Изготовление юридическим лицом материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних и оборот таких материалов или предметов) – **ст. 242.1 УК РФ**; **ч. 1, 4 ст. 14.17 КоАП РФ** (Промышленное производство этилового спирта в объемах, превышающих квоты; Промышленное производство или оборот

этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции без соответствующей лицензии, а равно с нарушением условий, предусмотренных лицензией) – ст. 171.1 УК РФ; ст. 19.23 КоАП РФ (Подделка документа, удостоверяющего личность, подтверждающего наличие у лица права или освобождение его от обязанности, а равно подделка штампа, печати, бланка, их использование, передача либо сбыт) – ст. 327 УК РФ; ст. 19.28 КоАП РФ (Незаконное вознаграждение от имени юридического лица) – ст. 204, 290 УК РФ.

Соответственно, совершение одного и того же деяния (по степени общественной опасности являющегося преступлением) влечет две самостоятельные ответственности: административную – в отношении коллективного образования, уголовную – в отношении физического лица. На наш взгляд, это есть не что иное, как квазиуголовная ответственность, то есть применение административно-правовых мер воздействия за деяния, объявленные законодателем преступлением [1].

Отсутствие системного подхода в законотворческой деятельности можно проиллюстрировать на следующих примерах.

Статья 6.10 КоАП РФ (в ред. от 03.02.2015 № 7-ФЗ) предусматривает административную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ.

В свою очередь, статья 151 УК РФ регламентирует ответственность лишь за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ. В этой статье ни слова не говорится о вовлечении несовершеннолетнего в систематическое употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ. Соответствующие изменения не были внесены и в ст. 230 УК РФ (Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). Получается, что привлечение лица к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление новых потенциально опасных психоактивных веществ возможно лишь в случае расширительного толкования категории «одурманивающие вещества» в ст. 151 УК РФ.

Статья 15.27.1 КоАП РФ (введена Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ) предусматривает административную ответственность только юридических лиц за оказание финансовой поддержки терроризму. В свою очередь, уголовное законодательство разделяет категории «финансирование терроризма» (ст. 205.1 УК РФ) и «финансирование экстремистской деятельности» (ст. 282.3 УК РФ). Возникает вопрос, будет ли юридическое лицо подлежать административной ответственности в случае оказания финансовой поддержки экстремистской деятельности?

Перечень таких несоответствий, отрицательно влияющих на эффективность применяемых правовых мер к субъектам (индивидуальным и коллективным), совершающим общественно опасные деяния, можно продолжать.

Представляется, что при разработке концепции уголовной политики в целом и уголовного законодательства, в частности, необходимо выработать единые критерии оценки общественной опасности преступления и лица, его совершившего. Прежде чем вносить изменения в законодательство, необходимо разработать национальную концепцию его развития. Только последовательная, системная, научно обоснованная концепция позволит привести отечественное законодательство в соответствие с международными правовыми нормами, обеспечит преемственность в видах юридической ответственности, устранил противоречивость уголовно-правовых норм.

Используемые источники

1. Антонова Е.Ю. Квазиуголовная корпоративная ответственность // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Дальневосточном регионе: сб. мат-лов междунаrod. научно-практич. конф. (Хабаровск, 29-30 мая 2014 г.). Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2014.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014.
3. Генрих Н.В. О связи уголовно-правовых и административно-деликтных отношений // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: мат-лы VI Российского конгресса уголовного права (Москва, 26-27 мая 2011 г.). М., 2011.
4. Рогова Е.В. Социальная обусловленность категории уголовного проступка в современном уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 3.
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 09.04.2016). URL: <http://online.zakon.kz/>
6. Чемеринский К.В. Административная преюдиция как средство криминализации деяний (на примере норм с бланкетной диспозицией) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 1 (42).

УДК 343.123.1

ОРГАНИЗАЦИОННО-КОНТРОЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

*Арепьева Т.А., следователь отдела Следственного управления
УМВД России по г. Воронежу кандидат юридических наук*

В статье рассматривается организационно-контрольная деятельность начальника подразделения дознания, исходя из его полномочий, закрепленных в нормативных актах.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность; начальник подразделения дознания; дознаватель; полномочия; предварительное расследование.

ORGANIZATIONAL-CONTROL ACTIVITY OF THE HEAD OF DIVISIONS OF INQUIRY

*Arepieva T.A., investigator of Investigative management of the
Department of Interior Ministry of Russia across the city of Voronezh
Kandidat nauk degree in Law*

The article deals with the organizational and control activities of the Chief of the inquiry unit on the basis of its powers under the regulations.

Keywords: criminal procedure; the head of investigation unit; the investigator; the authority; the preliminary investigation.

Анализ базовой для уголовно-процессуального института начальника подразделения дознания нормы, закрепленной в ст. 40.1 УПК РФ, позволяет выделить следующие наиболее важные для начальника подразделения дознания направления уголовно-процессуальной деятельности:

- 1) процессуальная организация расследования преступления в форме дознания;
- 2) процессуальное руководство работой дознавателя;
- 3) процессуальный контроль над деятельностью дознавателя;
- 4) устранение процессуальных нарушений, допущенных дознавателем;
- 5) личное осуществление уголовного преследования;
- 6) охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Полагаем возможным объединение в одном основном направлении деятельности начальника подразделения дознания следующих направлений: процессуальной организации расследования преступления в форме дознания; процессуального руководства работой дознавателя; процессуального контроля над деятельностью дознавателя; устранения процессуальных нарушений, допущенных дознавателем. Поскольку руководство – это не только ведущая, направляющая, регулирующая, но и организующая деятельность [10, с. 893], метод процессуального контроля [8, с. 77] наряду с устранением процессуальных нарушений, указанное основное направление деятельности данного участника процесса назовем *организационно-контрольным*.

Использование же некоторыми авторами применительно к совокупности указанных направлений деятельности начальника подразделения дознания термина «организационная функция» [9, с. 34], на наш взгляд, не вполне удачно, так как он не учитывает контроль в качестве составляющей деятельности упомянутого участника уголовного процесса.

Следует отметить, что тенденция к укрупнению основных направлений деятельности некоторых участников уголовного судопроизводства прослеживалась в литературе и раньше.

О единстве таких направлений деятельности, как процессуальный контроль за расследованием и процессуальное руководство, и их неразрывной взаимосвязи в свое время применительно к начальнику следственного отдела говорил Д.А. Влезько, критикуя их выделение в два самостоятельных направления [2, с. 12].

В отношении этого же участника уголовного судопроизводства, процессуальное положение которого было положено в основу процессуального статуса начальника подразделения дознания, Э.И. Воронин подчеркивал, что его процессуальное руководство предварительным следствием есть составная часть процессуального контроля [3, с. 123].

Итак, с учетом сказанного основные направления деятельности начальника подразделения дознания будут выглядеть следующим образом: организационно-контрольное, личное осуществление уголовного преследования, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве [4, 5, с. 9].

Данные основные направления, по сути, характеризуют функции начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве. Организационно-контрольная функция начальника подразделения дознания осуществляется разными способами: с помощью процессуальной организации расследования преступления в форме дознания; процессуального руководства работой дознавателя; процессуального контроля над деятельностью дознавателя и устранения процессуальных нарушений, допущенных дознавателем [6, с. 113].

Деятельность, осуществляемая начальником подразделения дознания в ходе выполнения указанной функции, носит ведомственный характер, впрочем, как и ее составляющие. В литературе уже обращалось внимание на эту черту применительно к процессуальному контролю начальника подразделения дознания за деятельностью дознавателя [7, с. 52].

Процессуальная организация расследования преступления в форме дознания выражается, прежде всего, в следующих процессуальных действиях начальника подразделения дознания: поручение дознавателю проверки сообщения о преступлении, принятия по нему решения, выполнения неотложных следственных действий, производства дознания по уголовному делу (п. 1 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ); передача уголовного дела другому дознавателю (п. 2 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ) и др.

Процессуальное руководство работой дознавателя особенно хорошо прослеживается в таком процессуальном действии начальника подразделения дознания, как дача дознавателю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, об избрании в отношении подозреваемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения (п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ). Указанные процессуальные средства воздействия начальника подразделения дознания на дознавателя обусловлены необходимостью оптимального выполнения последним уголовно-процессуальных норм.

Процессуальный контроль начальника подразделения дознания за деятельностью дознавателя является разновидностью ведомственного процессуального контроля, который, как верно отмечает А.Б. Абрамов, вместе с прокурорским надзором и судебным контролем образует контрольно-ревизионную деятельность уголовно-процессуального производства по уголовному делу [1, с. 19].

Процессуальный контроль начальника подразделения дознания за деятельностью дознавателя связан, прежде всего, с проверкой материалов уголовного дела, с дачей указаний о производстве следственных и процессуальных действий (п. 1, 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК РФ). Сущность его, как и сущность иных его видов в досудебном производстве, заключается в «систематической процессуальной деятельности, направленной на обеспечение объективности, всесторонности, полноты расследования, а также законности, обоснованности и своевременности действий следователя» [2, с. 11].

Устранение начальником подразделения дознания процессуальных нарушений, допущенных дознавателем, главным образом, характеризуется такими процессуальными действиями начальника подразделения дознания, как отмена необоснованных постановлений дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу (п. 3, ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ); обращение к прокурору с ходатайством об отмене незаконных или необоснованных постановлений

дознателя об отказе в возбуждении уголовного дела (п. 4, ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ).

Все рассмотренные направления деятельности начальника подразделения дознания (процессуальная организация расследования преступления в форме дознания; процессуальное руководство работой дознавателя; процессуальный контроль над деятельностью дознавателя; устранение процессуальных нарушений, допущенных дознавателем) являются опосредованными формами уголовного преследования, осуществляемого начальником подразделения дознания в ходе дознания.

Используемые источники

1. Абрамов А.Б. Проблемы соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля обеспечения безопасности личности в современном российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
2. Влезько Д.А. Проблемы организационных функций начальника следственного отделения (отдела) в расследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002.
3. Воронин Э.И. Процессуальные полномочия следователя органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1973.
4. Насонова И.А., Арепьева Т.А. Начальник подразделения дознания как участник уголовного судопроизводства: монография / под ред. О.А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2014.
5. Насонова И.А., Степанова Т.А. К вопросу о понятии начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе // Научный портал МВД России. 2012. № 4 (20).
6. Насонова И.А., Степанова Т.А. Полномочия начальника подразделения дознания в российском уголовном процессе: понятие и классификация // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 2.
7. Рудов Д.Н. Ведомственный контроль за организацией и производством дознания // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2012. № 2.
8. Таджиев Х.С. Прокурорский надзор и ведомственный контроль за расследованием преступлений: вопросы теории и практики. Ташкент: Фан, 1985.
9. Филиппова Е.В. О правовой регламентации процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения дознания при выявлении и расследовании экономических преступлений // Российский следователь. 2012. № 1.
10. Юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. 2-е изд. М.: Институт новой экономики, 2009.

УДК 343.37

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Батрова Т.А., профессор кафедры Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя доктор юридических наук, кандидат юридических наук, доцент

Введение института несостоятельности физических лиц породило опасения относительно роста числа преступлений в этой сфере. Статья посвящена проблемам квалификации правонарушений при банкротстве физического лица. Автор отмечает несоответствие используемых законодателем понятий и вносит предложения по совершенствованию норм УК РФ.

Ключевые слова: преступление; банкротство физических лиц; правонарушения; мнимые сделки; сокрытие имущества.

OBJECTIVE EVIDENCE OF WRONGFUL ACTIONS AT BANKRUPTCY OF THE PHYSICAL PERSON

Batrova T.A., chair professor of the Ryazan branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia Doctor of Law, Kandidat nauk degree in Law, associate professor

Introduction of institute of insolvency of natural persons has generated fears concerning growth of number of crimes in this sphere. Article is devoted to problems of qualification of illegal actions at bankruptcy of the natural person. The author notes discrepancy of the concepts used by the legislator and makes suggestions for improvement of standards of the criminal code of Russian Federation.

Keywords: crime; bankruptcy of natural persons; illegal actions; imaginary deals; concealment of property.

Изменение Федерального закона от 26 февраля 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. от 29.12.2015) в части введения института несостоятельности физических лиц (далее – ЗоН) породило опасения относительно роста числа преступных проявлений в этой сфере. Корректировка дефиниций соответствующих статей УК РФ дает возможность осуществлять уголовное преследо-

вание граждан, однако квалификация соответствующих деяний, опирающаяся на толкование норм Общей части УК РФ и ст. 195 УК РФ, в условиях принципиально иного подхода законодателя к видам и содержанию процедур банкротства физических лиц может создать определенные трудности для правоприменителя.

Объектом рассматриваемого преступления является установленный порядок осуществления банкротства, а также интересы кредиторов. Предмет преступления, как следует из ч. 1 ст. 195 УК РФ, образуют:

1) имущество, имущественные права или имущественные обязанности. Проблема заключается в том, что новая редакция ГК РФ, с одной стороны, исходит из широкой трактовки имущества, относя к нему вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права. Отождествление имущества и имущественных прав прослеживается и в ЗоН (ст. 20.3). С другой стороны, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) наряду с результатами работ и оказания услуг выведены из категории имущества и имущественных прав, что может создать трудности при квалификации. Впрочем, этот просчет законодателя частично компенсировал Пленум Верховного Суда РФ, который указал на то, что при реализации процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан, «под имуществом также понимаются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» (п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»).

Не может являться предметом преступления имущество должника, не включаемое в соответствии со ст. 131, 132, 213.25 ЗоН в конкурсную массу, а именно: имущество, изъятое из оборота; имущественные права, связанные с личностью должника; имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии со ст. 446 ГПК РФ. Не может признаваться таковым и имущество, находящееся в собственности иных лиц, но временно находящееся у должника, а именно, переданное должнику в доверительное управление, находящееся у него в аренде, по договору ссуды; денежные средства клиентов, переданные ими предпринимателю. Однако предметом проверки может стать правомерность изменения его правового режима посредством совершения мнимых и притворных сделок.

Отдельную проблему может составлять правовой режим общей совместной собственности, который предполагает сначала разграничение имущества, находящегося в личной собственности каждого из супругов, и имущества, находящегося в совместной собственности

(ст. 34 СК РФ), при том, что права на него могут быть зарегистрированы лишь на одного из них. Согласно ч. 1 ст. 36 СК РФ, имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из них во время брака в дар, в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам, является его собственностью. Однако дарение между супругами в силу правового режима их имущества (дар с формально-юридической точки зрения приобретен на общие деньги) будет признано мнимой сделкой. Сложнее ситуация, когда один из супругов будет ссылаться на дар со стороны третьих лиц для сокращения общего имущества, доля из которого рассматривается как объект взыскания.

Общие предпосылки для решения проблем с общим имуществом супругов были созданы путем включения в перечень документов, представляемых при наличии таковых должником вместе с заявлением, копий свидетельства о заключении брака или о его расторжении, если оно выдано в течение трех лет до даты подачи заявления; копии брачного договора (при наличии), соглашения или судебного акта о разделе общего имущества, соответственно заключенного и принятого в течение трех лет до даты подачи заявления) (ч. 3 ст. 213.4 ЗоН).

2) информация об имуществе, его размере, местонахождении и т.п., что особенно актуально в отношении движимого имущества;

3) документы бухгалтерского и налогового учета, предусмотренные действующим законодательством, отражающие экономическую деятельность должника. При этом следует учитывать, что индивидуальный предприниматель, ведущий учет доходов или доходов и расходов и (или) иных объектов налогообложения в порядке, установленном налоговым законодательством, может не вести бухгалтерский учет (ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»).

Учитывая, что состав преступления сформулирован как материальный, объективную сторону преступления образуют противоправное деяние, общественно опасные последствия и причинная связь между ними. Несмотря на то, что законодатель говорит о неправомерных действиях, преступным может быть и бездействие виновного лица, если речь идет о непредставлении информации об имуществе. В целом же законодатель говорит о различных способах совершения деяния, в том числе:

1) о сокрытии, т.е. полном или частичном утаивании имущества или сведений о нем, а равно бухгалтерских и иных учетных документов. Особой формой сокрытия имущества следует признавать изменение его правового статуса путем совершения мнимых сделок купли-продажи, дарения, аренды, ссуды «задним числом» в случаях, когда переход прав на имущество не подлежит государственной регистрации;

2) передаче во владение иным лицам, предполагающей оформление договоров аренды, ссуды, доверительного управления;

3) об отчуждении имущества, т.е. передаче его в собственность на основании договоров купли-продажи, мены, дарения, ренты и пожизненного содержания с иждивением, займа, а также внесения в качестве вклада в уставный (складочный капитал) либо пая в паевой фонд кооператива. Специфическими формами отчуждения имущества являются передача его в залог, а также выдача поручительства путем создания обязательства перед кредитором (изначально с намерением подвести имущество под взыскание этим кредитором);

4) уничтожении имущества, а равно учетных документов;

5) о фальсификации (полной или частичной подделке) бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность предпринимателя путем внесения в них искаженных данных, подмены документов и т.п.;

6) неправомерном удовлетворении имущественных требований отдельных кредиторов заведомо в ущерб другим кредиторам (ч. 2 ст. 195) посредством совершения сделок с имуществом, включая зачет встречного однородного требования, направленных на полное или частичное погашение задолженности в нарушение порядка, установленного ст. 213.17 ЗоН.

Говоря об общественно опасных последствиях, следует учитывать, что уголовную ответственность влечет только причинение крупного ущерба, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей (примечание к ст. 169 УК РФ). Согласно ст. 2 ЗоН, вред, причиненный имущественным правам кредиторов, может выражаться в уменьшении стоимости или размера имущества должника и (или) увеличении размера имущественных требований к должнику, а также иных последствиях совершенных должником сделок или юридически значимых действий либо бездействия, приводящих к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества. При этом речь идет о совокупной оценке причиненного ущерба, отражающегося на составе и размере образуемой конкурсной массы. Некоторые трудности могут возникнуть при установлении причинной связи между деянием лица и наступившими последствиями. В частности, высказывается мнение о том, что не всегда обоснованно причислять к преступным сделкам неравноценные сделки отчуждения должником ценных бумаг, поскольку если продажная цена ценных бумаг соответствует их новой (более низкой) рыночной стоимости, то крупный ущерб – следствие не их неравноценного отчуждения, а падения их курса [2, с. 43].

Особое значение имеет определение временных границ совершения преступных действий. Коллизии в решении данного вопроса порождает несоответствие смысловой нагрузки названия и содержа-

ния ст. 195 УК РФ «Неправомерные действия при банкротстве». Исходя из буквального толкования названия ст. 195 УК РФ, они ограничены моментом принятия арбитражным судом заявления о признании гражданина банкротом и вынесением определения о завершении реструктуризации долгов гражданина или реализации имущества гражданина, то есть собственно реализуемыми процедурами банкротства. Однако дефиниция ч. 1 и 2 указанной статьи позволяет осуществлять уголовное преследование лица и за действия, совершенные до обращения в суд с указанным заявлением, поскольку содержит указание на признаки банкротства, которые, очевидно, возникают до подачи такого заявления.

Место совершения преступления в рассматриваемом случае не имеет четко выраженных границ, поскольку неправомерные действия при банкротстве производятся путем заключения ряда взаимосвязанных сделок с имуществом должника, направленных на достижение преступной цели [1, с. 11]. В связи с этим местом совершения преступления гражданином-должником следует признать место его жительства, а местом совершения преступления финансовым управлением – место производства по делу о несостоятельности.

Таким образом, изменения законодательства о несостоятельности (банкротстве), а также гражданского законодательства в условиях несовершенства законодательной техники при формулировании названия и дефиниции ст. 195 УК РФ способны создать проблемы правоприменителям, которые и без этого оказываются в сложной ситуации, сталкиваясь с трудностями в доказывании факта совершения неправомерных действий, особенно совершаемых в форме заключения мнимых и притворных сделок. Для устранения возникших коллизий целесообразно изложить название ст. 195 в следующей редакции: «Неправомерные действия при наличии признаков банкротства», а также изъять положение об имущественных правах из дефиниции ч. 1 ст. 195 УК РФ, учитывая современную трактовку имущества, содержащуюся в ГК РФ.

Используемые источники

1. Овчинникова О.В. Особенности доказывания по уголовным делам о неправомерных действиях при банкротстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.
2. Шишко И.В. Неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 7.

УДК. 343

ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Беляева Л.И., профессор кафедры Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор

В работе рассматриваются обстоятельства, обуславливающие посягательства на сотрудников полиции. Анализируется поведение сотрудников полиции, провоцирующее посягательства.

Ключевые слова: посягательство на сотрудника полиции; виктимность полицейского; обстоятельства, обуславливающие посягательства; правомерные и неправомерные контакты полицейского.

ATTACKS ON POLICE OFFICER: CAUSES AND PREVENTION

Belyaeva L.I., chair professor of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia Doctor of Law, professor

In this paper we consider the circumstances that cause attacks on police officers. We analyze the behavior of the police, provoking attacks.

Keywords: assault on a police officer; police victimization; circumstances that contribute to abuse; lawful and unlawful contact police.

Посягательства различного рода на сотрудников полиции – одна из проблем современности, требующая внимания. Ежегодно значительному числу полицейских причиняется вред различной тяжести или смерть. Безусловно, обеспечение безопасности сотрудников полиции от криминальных посягательств – насущный вопрос. Решая его, необходимо выявлять и учитывать обстоятельства, способствующие таким посягательствам.

Как показывает изучение данной проблемы, существует 2 группы условий, способствующих таким посягательствам: внешние (относящиеся к среде функционирования органов внутренних дел и полиции, в частности) и внутренние (относящиеся к самим органам внутренних дел). Следует признать, что в настоящее время ряд посягательств на жизнь сотрудников совершается на почве негативных

процессов, развивающихся в общественных отношениях. Не последнюю роль играет то, что в общественном мнении формируется негативный образ сотрудника органов внутренних дел в целом: популяризируется противоправная деятельность полицейских; насаждается мнение о низком профессиональном и моральном уровне; замалчиваются факты грамотных действий в экстремальных условиях, проявления высокой ответственности и героизма; принижается роль органов внутренних дел в реальном обеспечении общественного порядка и общественной безопасности [1, с. 236–239.]. Это способствует формированию и распространению неуважительного, пренебрежительного, а в ряде случаев и агрессивного отношения к сотрудникам полиции, что находит проявление в посягательствах на их жизнь и здоровье.

Исследователями установлено, что среди мотивов и целей преступных посягательств на жизнь и здоровье сотрудников органов внутренних дел преобладают следующие: стремление избежать ответственности за совершенное правонарушение (55%), месть сотруднику за его служебную деятельность, хулиганский мотив. К числу других оснований, стимулирующих посягательства, относятся: стремление нападающих освободить задерживаемых правонарушителей (6,6%); ненависть к правоохранительным органам (5,1 %); намерение устранить или нейтрализовать сотрудника на будущее, чтобы он своей служебной деятельностью не создавал препятствий к реализации криминальных планов (4,5%); завладеть оружием (2,2 %) и т.п. [2, с. 85–86]

Средства, которые используют посягающие, разнообразны: оружие (любое), физическая сила, взрывчатые вещества, животные, транспортные средства и др.

Как правило, преступники действуют в одиночку (73,8%), реже – вдвоем (20,4%), втроем (4,1%), вчетвером и более (1,7%) [3, с. 333–335].

Установлено, что каждое второе такое посягательство осуществляется на улицах и дорогах, в парках, скверах; 22% посягательств – в жилых помещениях, а кроме того, в нежилых помещениях, лифтах, на платформах и т.п.

Вместе с тем существенное значение имеет деятельность самих полицейских, в ряде случаев способствующая агрессивному поведению окружающих, стимулирующая ее. Поводом для агрессии со стороны правонарушителей в основном служат: действия сотрудников по пресечению правонарушения; попытка доставления в орган внутренних дел или местную администрацию или физическое задержание правонарушителя; проверка документов и т.п., в особенности, если при этом нарушаются установленные правила профессионального поведения, что выражается в нарушении требований дисциплины, соблюдения приемов специальной тактики, обеспечивающих личную безопасность.

В деятельности сотрудников полиции, к несчастью, имеют место факты грубого нарушения конституционных прав граждан, связанные с применением недозволенных методов деятельности, превышением должностных полномочий, оскорблением и унижением окружающих, излишне репрессивными мерами воздействия и неоправданной жестокостью.

Необходимо понимать, что проявление агрессии, насилия по отношению к сотруднику полиции, посягательство на его жизнь возможны даже при правомерных контактах с населением, в особенности с правонарушителем. Из этого следует, что полицейский должен быть готов к обеспечению своей личной безопасности. Закон дает ему для этого возможность применить физическую силу, специальные средства, оружие [5], исключая при этом уголовную ответственность [4], что предполагает совершение действий в строгом соответствии с законом.

Однако необходимо подчеркнуть, что наиболее характерными ситуациями, повышающими риск посягательства на сотрудников полиции, являются правомерные контакты, которые совершаются с нарушением установленных правил: проверка документов, необходимая оборона, задержание правонарушителя и другие, предусмотренные ст. 12–33 ФЗ «О полиции». При этом агрессивность вызывается грубым, нетактичным поведением полицейских, излишней суровостью и отсутствием гуманности.

В ряде случаев сами сотрудники склонны к агрессии и репрессивным мерам воздействия, что создает конфликтные ситуации и в итоге способствует посягательствам на полицейских.

Особо следует отметить, что в определенных ситуациях полицейский неизбежно становится объектом посягательства. Это рано или поздно происходит, если имеют место неправомерные (сотрудничество с криминальными элементами, покровительство их деятельности, взяточничество и др.) контакты с правонарушителями, а также неправильное, правонарушающее обращение (применение) с оружием.

Рассматривая вопрос о посягательствах на полицейских, следует принимать во внимание, что: 1) имеющаяся статистика реальной картины все-таки не дает. Определенная часть посягательств остается латентной. В ряде случаев сотрудники, подвергшиеся посягательству, скрывают это, что способствует рецидивным проявлениям; 2) известная часть посягательств могла и не иметь места при условии иного поведения самих полицейских.

Все сказанное позволяет заключить, что посягательства на сотрудников полиции обуславливаются следующими обстоятельствами:

- особенностями (спецификой) профессиональной деятельности;
- низким уровнем правосознания (общего и, в особенности, профессионального);

- низким морально-нравственным уровнем;
- низким уровнем профессиональной выучки.

Низкий уровень правосознания, недостаточно высокая правовая подготовка способствуют формированию и развитию правового нигилизма, внутренних установок на безответственность, безнаказанность, вседозволенность. При этом неизбежными являются лишь посягательства, обусловленные спецификой профессиональной деятельности, высоким уровнем виктимности профессии. Очевидно, что виктимность сотрудника полиции predetermined, а потому предупредить ее в принципе и невозможно, но ее возможно и необходимо преодолевать, что обеспечивается личной дисциплинированностью и высокой профессиональной подготовкой. Сознательному выбору профессии полицейского, связанной с рисками, должно соответствовать сознательное и ответственное поведение, снижающее уровень рисков и сужающее возможность стать объектом посягательства.

Используемые источники

1. Бычков В.В. О причинах насилия в отношении сотрудников органов внутренних дел // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. М., 2013. Ч. II.
2. Музюкин А.П., Павлухин А.Н. и др. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа. М., 2007.
3. Сафронов А.Д. Преступность в России и криминальная безопасность органов внутренних дел. М., 2003.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 01.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

УДК 343.133.3

ОБ ЭТАПАХ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С СОСТАВЛЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

*Буров Ю.В., инспектор отдела УГИБДД ГУ МВД России
по Воронежской области кандидат юридических наук*

В работе рассматривается структура окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения. Она представлена в виде этапов, на которых выполняются определенные процессуальные действия.

Ключевые слова: порядок предварительного следствия с составлением обвинительного заключения; защиты прав и законных интересов; классификация; ознакомление участников процесса с материалами уголовного дела; прокурор; этапы; структура.

ABOUT THE STAGES OF COMPLETION OF PRELIMINARY INVESTIGATION WITH DRAFTING OF ACCUSATORY CONCLUSION

*Burov Y.V., inspector of the department of the UGIBDD of the
Ministry of Internal Affairs of the Russia in Voronezh region
Kandidat nauk degree in Law*

The structure of completion of preliminary investigation is in-process examined with drafting of accusatory conclusion. She is presented as the stages on that certain judicial actions are executed.

Keywords: order of preliminary investigation with drafting of accusatory conclusion; protection of rights and legal interests; classification; acquaintance of participants of process with materials of criminal case; public prosecutor; stages; structure.

Этапы окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения – это те относительно самостоятельные части (системы процессуальных действий), на которые делится окончание предварительного расследования с составлением обвинительного заключения и которые характеризуются общей направленностью на проверку всесторонности, полноты и объективности проведенного расследования, включая проверку и оценку доказательств,

свидетельствующих в пользу виновности лица, на выявление и восполнение пробелов, допущенных в ходе предварительного расследования, и создание условий для дальнейшего движения уголовного дела в судебных стадиях, а также специальными задачами и особенностями деятельности, свойственными каждой данной части.

Несмотря на различный подход авторов к структурированию окончания предварительного расследования с составлением обвинительного заключения, очевидно, что все они справедливо рассматривают данную форму не в качестве одномоментного акта, а как ряд процедур. Общим является и то, что среди этапов завершающей части предварительного расследования выделяют процессуальные действия, выполняемые следователем, прокурором, а также заинтересованными участниками уголовного процесса, их защитниками и представителями. Причем процессуальные действия, выполняемые в этой части следователем и заинтересованными участниками уголовного процесса, защитниками и представителями последних, очевидно связаны с направлением уголовного дела с обвинительным заключением прокурору [2, с. 61]. Действия же прокурора связаны с принятием решения по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением. В связи с этим структуру окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения можно представить в виде двух блоков процессуальных действий:

- 1) направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору;
- 2) проверка прокурором поступившего от следователя уголовного дела с обвинительным заключением и принятием в связи с этим решений.

Каждый из них может быть разбит на этапы.

Анализ ч. 1 ст. 215 УПК РФ позволяет говорить о том, что рассматриваемая форма окончания предварительного следствия начинается с уведомления участников уголовного процесса, предпосылкой и условием которого является внутреннее убеждение следователя в том, что все следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства достаточны для составления обвинительного заключения. Кроме того, изучение уголовных дел показало, что в подавляющем большинстве случаев документом, ограничивающим завершающую часть предварительного следствия от иных его частей, является протокол уведомления об окончании следственных действий.

Уведомительный этап включает в себя следующие процессуальные действия, выполняемые последовательно друг за другом:

- уведомление об окончании следственных действий обвиняемого;
- уведомление об окончании следственных действий защитника, законного представителя, если они участвуют в уголовном деле;

- уведомление об окончании следственных действий потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей (ст. 215 УПК РФ).

Следующий процессуальный этап рассматриваемой формы окончания предварительного следствия носит познавательный характер. Этот ознакомительный этап окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения включает следующие фрагменты, последовательно сменяющие друг друга:

1) ознакомление потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с материалами уголовного дела;

2) ознакомление обвиняемого, его защитника, а также законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого с материалами уголовного дела.

Третий этап, представленный как процессуальными действиями, выполняемыми следователем (например, принятие решения об отказе или удовлетворении заявленного ходатайства путем вынесения соответствующего постановления), так и действиями, осуществляемыми участниками уголовного процесса (например, принесение ходатайств), имеет своей целью, с одной стороны, обеспечить права участников уголовного процесса, особенно в части применения средств уголовно-процессуальной защиты и использования возможности повлиять на итоги предварительного расследования с учетом своих интересов; с другой стороны, дать дополнительную возможность следователю скорректировать расследование в интересах установления истины по делу с учетом новых обстоятельств, заявленных участниками уголовного судопроизводства [4, с. 42].

Следующий этап, завершающий блок процессуальных действий, связанных с направлением уголовного дела с обвинительным заключением прокурору, непосредственно связан с составлением этого документа. Он является обязательной структурной единицей процедуры окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения по любому уголовному делу с такой формой окончания. Данной позиции придерживаются все авторы, занимающиеся исследованием данного вопроса. Задачи рассматриваемого этапа полностью определяются значением обвинительного заключения, которое по-разному оценивается в литературе. Выделяется процессуальное (юридическое, правовое, процессуально-правовое) [1, с. 296; 6, с. 5; 7, с. 292], техническое [6, с. 5; 7, с. 292], справочно-техническое [6, с. 5], общественно-политическое значение [3, с. 17].

На четвертом этапе окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения следователем осуществляется обобщение и подведение итогов по уголовному делу, которые способствуют уяснению существа дела, проверке следственного материала.

Следующие два этапа представляют собой процессуальную деятельность, осуществляемую прокурором, и включают в себя:

- проверку законности и обоснованности обвинительного заключения в рамках прокурорского надзора;
- действия прокурора после утверждения обвинительного заключения по направлению уголовного дела в суд.

Таким образом, проанализировав действующее уголовно-процессуальное законодательство по исследуемому вопросу, полагаем целесообразным выделить следующие процессуальные этапы окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения:

- 1) уведомительный этап;
- 2) ознакомительный этап;
- 3) фиксация и рассмотрение ходатайств и иных заявлений обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей;
- 4) составление обвинительного заключения;
- 5) проверка законности и обоснованности обвинительного заключения в рамках прокурорского надзора;
- 6) действия прокурора после утверждения обвинительного заключения по направлению уголовного дела в суд.

Уведомительный, ознакомительный этапы, фиксация и рассмотрение ходатайств обвиняемого и его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, составление обвинительного заключения охватываются границами первого блока процессуальных действий при завершении предварительного следствия с составлением обвинительного заключения (направление следователем уголовного дела с обвинительным заключением прокурору).

Что же касается последних двух этапов, то они относятся ко второму блоку процессуальных действий (проверка прокурором поступившего от следователя уголовного дела с обвинительным заключением и принятие в связи с этим решений) [5, с. 217].

В заключение следует отметить, что все структурные единицы окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения, включая процессуальные этапы, определяются сущностью данной формы завершения расследования, механизмом ее реализации, реальными условиями ее осуществления.

Используемые источники

1. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. 2-е изд. М., 2004.
2. Буров Ю.В., Насонов А.А. О понятии окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения // Закон и право. 2012. № 5.

3. Мариупольский Л.А., Статкус В.Ф., Тульчина В.С. Обвинительное заключение в советском уголовном процессе. М., 1969.
4. Насонова И.А., Буров Ю.В. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения: монография / под ред. О.А. Зайцева. М.: Юрлитинформ, 2012.
5. Насонова И.А., Буров Ю.В. Процессуальные действия на этапе окончания предварительного следствия // Общество и право. 2008. № 3.
6. Питерцев С.К. Составление обвинительного заключения. СПб., 1998.
7. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1962.

УДК 343.851

ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРИЧИНЕНИЮ УМЫШЛЕННОГО ВРЕДА СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ В МЕСТАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

*Васильченко А.В., доцент кафедры кандидат медицинских наук;
Гареев А.М., профессор кафедры доктор медицинских наук,
профессор;
Лонцакова А.Р., доцент кафедры кандидат юридических наук
(Уфимский юридический институт МВД России)*

В работе рассматриваются профилактические мероприятия, направленные на противодействие причинению умышленного вреда своему здоровью заключенными, представлен анализ особенностей проявлений несутцидального аутоагрессивного поведения в зависимости от наличия и степени выраженности психических расстройств, среды социальной изоляции.

Ключевые слова: умышленный вред своему здоровью; заключенные; профилактика.

ISSUES OF COMBATING WILLFUL INFLICTION OF HARM TO HEALTH IN PRISONS

*Vasilchenko A.V., chair associate professor, Kandidat nauk degree in
Medicine;
Gareyev A.M., chair professor Doctor of Medicine, professor;
Lonshchakova A.R., chair associate professor Kandidat nauk degree in Law
(Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)*

In paper considered of preventive measures aimed at counteracting the intentional infliction of harm to the health of prisoners, presents an analysis of the features displays nesuitsidalnogo autoaggressive behavior depending on the presence and severity of mental disorders, social isolation environment.

Keywords: intentional damage to their health; prisoners; prevention.

Заключение под стражу оказывает выраженное психотравмирующее действие на человека, способствуя формированию у него повышенного уровня агрессии, одной из распространенных форм которой является его аутодеструктивное поведение [2].

Аутоагрессивное поведение несуйцидальной направленности – достаточно распространенное явление как среди лиц, не проявляющих признаки психических расстройств, так и среди лиц с психическими расстройствами и может являться признаком психического расстройства либо быть обусловлено стремлением к уклонению от уголовной ответственности или отбывания наказания [5].

Самоповреждения при психопатологических расстройствах, сопровождающихся выраженным психотическим состоянием, отличаются причинением значительного вреда своему здоровью и зачастую ведут к утрате функции органа [4].

Самоповреждения у лиц без признаков психопатологических расстройств преимущественно характеризуются незначительным ущербом своему здоровью. Так, наиболее часто встречаются такие последствия нанесения самоповреждений, как: резаные раны, проникающие ранения грудной клетки и брюшной полости, инородные тела желудочно-кишечного тракта, ушибленные раны головы [1].

Среди наиболее частых самоповреждений лиц с пограничными психическими расстройствами – самопорезы (как правило, нескольких областей), кровоподтеки и раны от ударов тупым предметом, ссадины от расчесов, ожоги от сигарет, следы от укусов иглами [3].

К аутоагрессивному поведению несуйцидальной направленности склонны лица, которые отрицательно характеризуются администрацией учреждений исполнения наказаний, имеют неоднократные наказания за систематические нарушения режима содержания. Чаще всего данные явления происходят в тюрьмах и следственных изоляторах, а также в исправительных учреждениях строгого режима [6].

Значительное распространение получило сокрытие фактов умышленного причинения и вреда своему здоровью, мимикрия самоповреждений под иные виды соматических заболеваний.

Серьезность проблемы обусловлена тем, что при расследовании членовредительства возникают определенные сложности установле-

ния собственно факта притворного поведения осужденных. Ситуацию усугубляет рост доли квалифицированного членовредительства с хорошим знанием анатомии и физиологии человека, применением медицинских инструментов и препаратов, что еще более затрудняет их распознавание.

Структура способов умышленного причинения вреда своему здоровью с течением времени претерпела значительные изменения. Широко распространенные ранее способы членовредительства перестали применяться в местах заключения по причине простоты их распознавания. На смену им пришли новые способы, затрудняющие определение умышленности причинения вреда своему здоровью. Это обуславливает необходимость разработки современных диагностических алгоритмов, позволяющих своевременно определить умышленный характер причинения вреда своему здоровью и способствующих профилактике данных явлений.

Обладая специальными медицинскими знаниями, специалист способен внести значительный вклад в исследование обстоятельств конкретного членовредительства, к получению новых данных, оценке доказательств и, как следствие, вынесению законных решений.

Проблема выявления фактов членовредительства предопределяет необходимость решения вопроса о правомерности проведения расследования, а также о последующем доказательственном значении сведений, полученных в результате его проведения, о привлечении специалиста, выборе возможностей, объема и способов проведения экспертного исследования.

Профилактика самоповреждений в местах социальной изоляции должна носить комплексный характер и быть дифференцированной в зависимости от возраста, мотивов и способов членовредительства.

Мероприятия по своевременной и правильной диагностике аутоагрессии несуицидального характера могут способствовать разработке оптимальных методов профилактики данного явления. Это обуславливает необходимость совершенствования выявления умышленного причинения вреда своему здоровью, проведения занятий по повышению грамотности персонала уголовно-исполнительной системы.

Используемые источники

1. Васильченко А.В., Гареев А.М., Лонцакова А.Р. Судебно-медицинские аспекты выявления фактов членовредительства в местах лишения свободы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 4.
2. Дебольский М.Г., Матвеева И.А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы // Психология и право. 2013. № 3.

3. Ласовская Т.Ю. Самоповреждающее поведение у лиц с пограничным личностным расстройством (обзор литературы) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2011. № 6.
4. Польская Н.А. Акты самоповреждения у пациентов с пограничными психическими расстройствами // Экспериментальная психология. 2015. № 3.
5. Севрюков В.Т., Кравченко И.В. Диагностика несуицидального аутоагрессивного поведения в судебно-психиатрической практике // Медицинское право. 2014. № 5.
6. Шабанов В.Б., Кашинский М.Ю. Влияние состояния здоровья на аутодеструктивное поведение лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы пенициарной медицины. ВИЧ/СПИД в местах лишения свободы: мат-лы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 23-24 ноября 2006 г.) / Департамент исполнения наказаний МВД Республики Беларусь. Минск, 2006.

УДК 343.13

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ПРЕДСТОЯЩИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

*Габдрахманова Е.С., преподаватель Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия*

Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является весьма востребованным институтом для правоприменения, но требующим усовершенствования. В статье рассмотрены проблемы данного института и проведен анализ предстоящих законодательных изменений, позволяющих усовершенствовать институт.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве; законопроект; особый порядок судебного разбирательства; судебные решения.

PLEA AGREEMENT: PROSPECTIVE CHANGES

*Gabdrakhmanova E.S., lecturer of the Far Eastern branch of the
Russian State University of Jurisdiction*

Special procedure of deciding when there is a plea agreement is very relevant institution, but it need some improvement. Prob-

lems of this institution are elucidated in this article. Prospective changes provided an opportunity to improve the institution are analyzed.

Keywords: plea agreement; draft law; special procedure of trial; court holdings.

С момента вступления в силу гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) [6] прошло более пяти лет. Как и любое законодательное новшество? институт не лишен пробелов и противоречий, поэтому он сохраняет большой правоприменительный потенциал.

Принятые в целях разъяснения порядка применения норм гл. 40.1 УПК РФ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3] и приказ Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» [4] не разрешили всех вопросов, определяющих реализацию соглашения о сотрудничестве на досудебном и судебном этапах уголовного судопроизводства. Устойчивая практика его применения еще толком не сформирована, поэтому актуальность изучения досудебного соглашения очевидна [2].

Не в полной мере исследованы проблемы и недостатки определенных положения закона: неточность законодательного определения досудебного соглашения о сотрудничестве, отсутствие конкретизации категорий уголовных дел, на которые распространяется данный институт, недостаточные гарантии прав и законных интересов сторон досудебного соглашения о сотрудничестве, определение временных границ заявления ходатайства о сотрудничестве и заключения досудебного соглашения, необходимость заключения нового досудебного соглашения в случае изменения обвинения, возможности его дополнения и прекращения.

В связи с этим законодатель предпринял попытку урегулировать и конкретизировать некоторые положения уголовно-процессуального закона, касающиеся данного института. Так, в первом чтении нижней палаты парламента депутаты поддержали и приняли проект федерального закона № 812345-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по вопросу совершенствования порядка досудебного соглашения о сотрудничестве)». [5]. Данным законопроектом предлагается внести изменения в несколько статей УПК РФ.

В частности, изменения коснутся содержания досудебного соглашения о сотрудничестве, а именно «обязательства подозреваемого или обвиняемого содействовать в раскрытии и расследовании не только преступлений, в совершении которых он подозревается или обвиняется, но и иных преступлений, не связанных с деянием, за которое он привлекается к уголовной ответственности» (ч. 2 ст. 317.1 законопроекта).

Далее расширяться полномочия прокурора. «В случае обжалования подозреваемым или обвиняемым, его защитником постановления следователя, руководителя следственного органа об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, прокурор истребует находящиеся в производстве материалы проверки сообщения о преступлении и материалы уголовного дела и проверяет законность и обоснованность принятого следователем, руководителем следственного органа решения. Если прокурор признает постановление следователя, руководителя следственного органа об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве незаконным или необоснованным, он отменяет его и заключает досудебное соглашение о сотрудничестве. О принятом решении прокурор уведомляет подозреваемого или обвиняемого и его защитника» (ч. 5 ст. 317.1 законопроекта).

Также теперь «в случае сообщения лицом, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, сведений лишь о собственном участии в совершенном деянии или о действиях лиц, которых невозможно привлечь к уголовной ответственности (в случае смерти, объявления розыска подозреваемого, обвиняемого, иное), либо сведений, уже известных органам предварительного расследования, а также в случае отказа от дачи показаний, изобличающих соучастников и (или) участников иных преступлений, не связанных с деяниями, за которые подозреваемый или обвиняемый привлекается к уголовной ответственности, а равно при выявлении других данных о невыполнении подозреваемым или обвиняемым обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор вправе вынести постановление о прекращении такого соглашения» (ч. 5 ст. 317.4 законопроекта)

Изменения, вносимые законопроектом, касаются и института пересмотра приговора, в частности, он дополняется новым основанием для пересмотра приговора, а именно – невыполнение осужденным обязательств досудебного соглашения о сотрудничестве.

Рассматриваемый законопроект конкретизирует и применение института досудебного соглашения, внося изменения не только в гл. 40.1, но и в другие статьи Уголовно-процессуального кодекса, по большей мере в общие положения.

В основном изменения устраняют некоторые недостатки определенных положений закона, расширяет полномочия и гарантии сторон досудебного соглашения о сотрудничестве, конкретизирует основания обжалования приговоров, принятых в порядке, предусмотренном гл. 40.1 УПК РФ, определяет основание и процессуальное прекращение досудебного соглашения, что, несомненно, делает привлекательным данный институт для его дальнейшего правоприменения.

Используемые источники

1. Головизнин М.А. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. URL: <http://www.dissercat.com/content/>
2. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: нормативно-правовое регулирование и практика применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/>
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. 11 июля.
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» Текст приказа официально опубликован не был. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257288/>
5. Проект федерального закона № 812345-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по вопросу совершенствования порядка досудебного соглашения о сотрудничестве)». URL: <http://asozd.duma.gov.ru/>
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 02.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

УДК 343.9

СОСТОЯНИЕ ТЯЖКОЙ НАСИЛЬСТВЕННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ
ОКРУГЕ: АНАЛИЗ СТАТИСТИКИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

*Галкин Д.В., и.о. заведующего кафедрой Пятого факультета
повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Хабаровск)
кандидат юридических наук*

В статье представлен анализ статистических сведений о регистрации убийств и причинений тяжкого вреда здоровью на территории Дальневосточного федерального округа в период с 2006 по 2015 г. Сформулированы отдельные факторы, повлиявшие на снижение преступности в указанный период.

Ключевые слова: насильственные преступления; преступления против личности; состояние, динамика и факторы преступности.

STATE OF SERIOUS VIOLENT CRIME IN THE
FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT:
STATISTICAL ANALYSIS FOR THE LAST 10 YEARS

*Galkin D.V., candidate of chair head of the Fifth faculty of advanced
training IPK Academy of the IC of Russia (Khabarovsk) Kandidat
nauk degree in Law*

The analysis of statistical data on the registration of murder and grievous bodily harm in the Far Eastern Federal District from 2006 to 2015. Formulated individual factors that influenced the drop in crime during this period.

Keywords: violent crimes; crimes against the person; the state, dynamics and factors of crime.

Работа правоохранительной системы, включая оперативно-розыскную, следственную и судебную деятельность, находит отражение в данных уголовной статистики. Статистика преступности разнородна и не всегда объективно показывает реальную криминальную ситуацию. Наименее латентными, а значит, наиболее достоверными из всех видов преступлений, являются тяжкие преступления против личности: убийства и причинения тяжкого вреда здо-

ровью [4]. Рассмотрим, как менялась статистика по этим преступлениям в течение последних десяти лет: с 2006 по 2015 г. включительно.

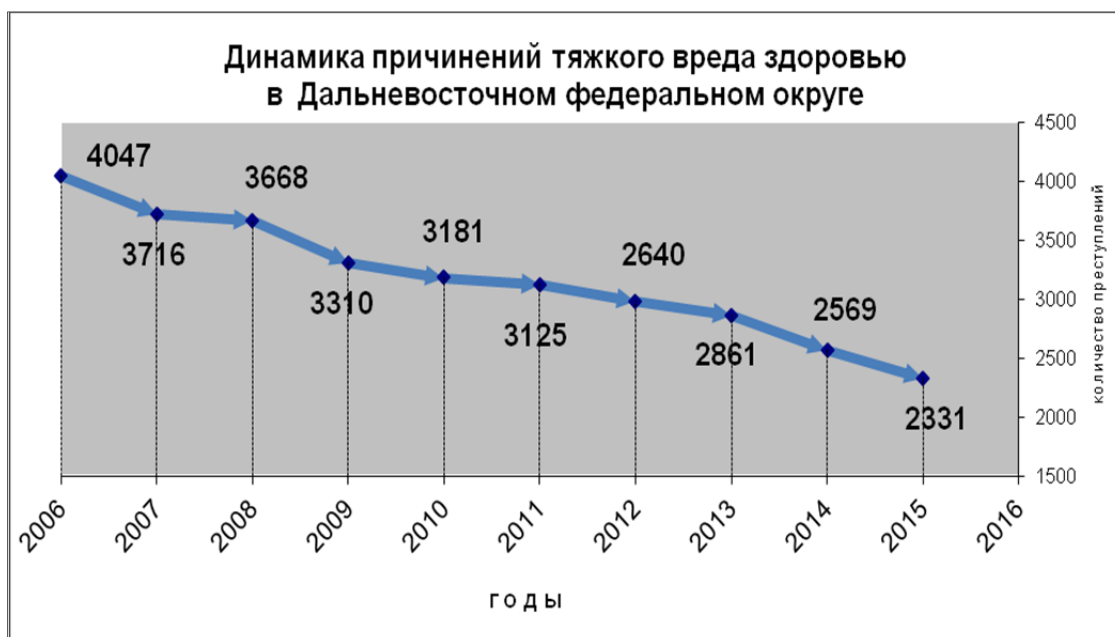
Число зарегистрированных убийств и покушений на убийство в течение последних десяти лет непрерывно и последовательно снижалось. В 2015 г. в ДФО зарегистрировано 889 убийств и покушений на убийство, что является минимумом за последние десять лет. По сравнению с 2006 г., число убийств сократилось почти в 3 раза! (с 2321 до 889).

В то же время относительный уровень убийств в Дальневосточном федеральном округе по сравнению с другими регионами страны остается очень высоким. В 2015 г. в среднем по регионам Российской Федерации зарегистрировано 7,6 убийства на каждые 100 тысяч жителей, а в ДФО – 14,3 убийства.

Высокий уровень убийств на Дальнем Востоке, безусловно, влияет на напряженность работы следственных органов СК России и среднюю нагрузку на одного следователя. С другой стороны, эти цифры говорят о возможности дальнейшего сокращения числа убийств на Дальнем Востоке по мере его выравнивания с общероссийскими значениями. Из числа убийств и покушений на убийство, предварительное следствие по которым окончено, с обвинительным заключением прокурору направлены 96,7%.

Аналогичный феномен можно наблюдать и в статистике умышленных причинений тяжкого вреда здоровью. При общероссийском показателе, в 2015 г. составляющем 20,5 преступления на 100 тыс. жителей, в Дальневосточном округе зарегистрировано 37,5 преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ.

Таким образом, уровень тяжких насильственных преступлений против личности на Дальнем Востоке России почти в два раза превышает аналогичный общероссийский показатель. Анализ статистических данных за период с 2006 по 2015 г. показывает, что этот феномен имел место и в предыдущие годы, а значит, не утратит актуальности в ближайшей перспективе [1].

Несмотря на высокий уровень в расчете на душу населения, объем зарегистрированных фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью так же, как и число убийств, снизился в 2015 г. до минимальных значений за последние 10 лет. Таких преступлений зарегистрировано 2331, что на 42% меньше по сравнению с 2006 г. В число этих преступлений входит 541 случай умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Оценивая достоверность статистических сведений в части преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, необходимо отметить, что латентность в этом сегменте невелика. Это тяжкие преступления, которые, как правило, представляют угрозу для жизни. В подавляющем большинстве случаев потерпевшие обращаются за медицинской помощью, а в таких случаях предусмотрено обязательное информирование правоохранительных органов.

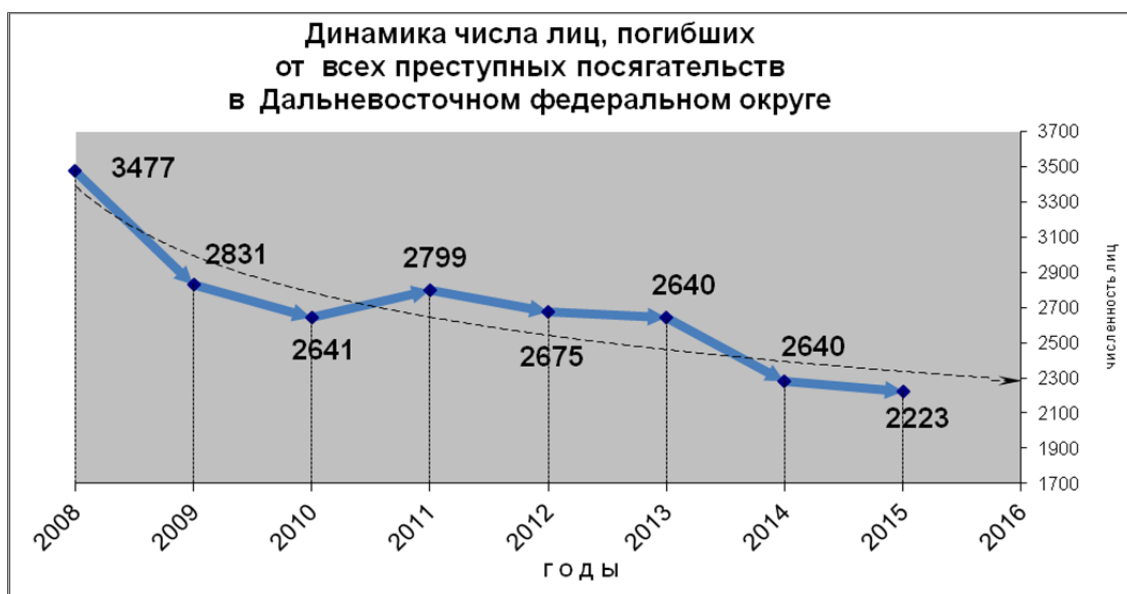
Снижение в 2015 г. числа убийств, причинений тяжкого вреда здоровью и изнасилований отметил Председатель СК России А.И. Бастрыкин на расширенном заседании коллегии Следственного комитета РФ [3]. Кроме того, данные о числе убийств, зарегистрированных правоохранительными органами, полностью соответствуют медицинской статистике, которая фиксирует причину смерти [5].

Следственная практика подтверждает приведенные сведения. Подавляющее большинство убийств и причинений тяжкого вреда

здоровью совершается в типичной оперативно-следственной ситуации: кухня – алкоголь – внезапная ссора между собутыльниками – нож или другое подручное орудие. Подобные преступления в большинстве своем совершаются так называемыми «социально неблагополучными» лицами и в отношении таких же лиц. Эта гипотеза также подтверждается данными уголовной статистики: по итогам 2015 г. 64% всех тяжких преступлений на территории ДФО совершены лицами, ранее совершавшими преступления и привлекавшимися к уголовной ответственности.

Представленные сведения позволяют сделать вывод о том, что одним из главных факторов снижения насильственной преступности стал рост среднего уровня материального благосостояния в течение последних 15 лет [2].

Кроме статистики рассмотренных видов преступлений, с 2006 г. в России ведется отдельный учет лиц, погибших в результате преступных посягательств, независимо от квалификации действий виновных по той или иной статье УК РФ.

Всего в 2015 г. на территории ДФО от различных преступных действий и бездействий погибло 2223 человека, снижение по сравнению с 2006 г. составило 36%. Еще 3074 лицам в результате преступлений причинен тяжкий вред здоровью.

Таким образом, к 2016 г. на Дальнем Востоке России сложилась относительно благополучная криминальная обстановка. Об этом свидетельствует кардинальное снижение уровня преступного насилия в обществе. За последнее десятилетие в три раза сократилось число убийств, почти в два раза – случаев причинения тяжкого вреда здоровью. Общее число погибших от всех видов преступлений снизилось на треть. В то же время, по сравнению с западными региона-

ми России, а тем более с другими развитыми странами, уровень насильственной преступности в ДФО остается еще очень высоким.

Данная тенденция привела к сокращению нагрузки на основные подразделения правоохранительных органов (участковые, уголовный розыск, следствие), что в рамках прежнего объема финансирования позволяет уделять больше времени профилактической работе. К сожалению, значительная часть высвободившихся ресурсов правоохранительных органов направлена не на профилактику преступности, а на дополнительную бюрократическую работу.

Используемые источники

1. Галкин Д.В. Состояние и основные причины преступности несовершеннолетних на территории Дальнего Востока России по итогам 2014 года // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: материалы междунар. науч.-практ. конф. (13 февраля 2015 г., Москва) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 45-49.
2. Галкин Д.В. Феномен региональной преступности в Хабаровском крае и некоторые условия его формирования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию образования ДВЮИ МВД России (Хабаровск, 22-23 сентября 2011 г.). Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2011.
3. Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/1019446>
4. Прогноз развития криминальной ситуации на территории Амурской области до 2016 года с учетом изменений социально-экономических условий. М.: ВНИИ МВД России, 2013.
5. Центральная база статданных Росстата. URL: <http://www.gks.ru>

УДК 343.9

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

*Гирийчук В.В., старший преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются и анализируются проблемы производства следственного действия «контроль и запись переговоров» с применением специальных технических средств.

Ключевые слова: специальные технические средства; контроль и запись переговоров; следственное действие; доказательства.

PRODUCTION PROBLEMS INVESTIGATIVE ACTIONS WITH THE USE OF SPECIAL TECHNICAL MEANS INTENDED FOR SECRET INFORMATION

*Giriychuk V.V., senior lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law*

This article discusses and analyzes the problems of an investigative action - monitoring and recording of conversations in criminal proceedings with the use of special technical means.

Keywords: special equipment; control and recording of conversations; investigative action; evidence.

Федеральный закон РФ «О полиции» обязывает сотрудников полиции применять достижения науки и техники в своей деятельности, к которым следует отнести и специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации. До недавнего времени они применялись лишь в оперативно-розыскной деятельности. Но, учитывая современные условия, необходимость повышения эффективности расследования преступлений, сопутствующие этому трудности, побуждающие к поиску новых средств, а также специфику деятельности лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, применение следственных действий, производство которых, так или иначе, связано с ограничениями конституционных прав и свобод человека и гражданина, неизбежно.

Одним из таких следственных действий является контроль и запись переговоров, которое сочетает в себе черты оперативно-розыскного мероприятия – прослушивание телефонных переговоров. Широкое использование человеком телефонной связи, в том числе и в криминальных целях, обуславливает потребность в ее тайном прослушивании для достижения целей борьбы с преступностью [3].

Результаты проведенного нами исследования показывают, что на практике следственные органы не всегда используют контроль и запись переговоров и весь набор имеющихся специальных технических средств. Причины различны: 26,8% следователей ссылаются на отсутствие современных специальных технических средств, 25% заявляют об отсутствии информации о новых разработках в области специальных технических средств и их возможностях, 14% опро-

шенных считают недостаточным правовое регулирование применения специальных технических средств, 12,8% уверены, что причина в ограниченном использовании специальных технических средств в следственных действиях, 7,9% испытывают трудности в процессуальном оформлении результатов их применения и другие причины.

Для большей наглядности сравним имеющиеся статистические данные.

В 2002 г. Ю.В. Гаврилин и Е.С. Дубоносов провели опрос сотрудников следственных подразделений. Его результаты показали, что в период до введения УПК РФ в действие всего 4,5% из них осуществляли рассматриваемое следственное действие [2, с. 25].

Анкетированием, проведенным Е. Шишовым и А. Сычевым в 2006 г., установлено, что контроль и запись переговоров в процессе предварительного следствия осуществляли уже 67,1% опрошенных следователей [9].

В 2008 г. в суде было рассмотрено 4,1 тыс. ходатайств о контроле и записи телефонных и иных переговоров (в 2006 г. – 5,9 тыс., в 2007 г. – 4,6 тыс.) [5].

По нашим данным, в настоящее время 64,7% следователей используют возможности специальных технических средств в уголовном судопроизводстве путем применения в своей практике контроля и записи переговоров. При этом применяют по каждому делу 2,9% следователей, по каждому второму делу – 12,3%, по каждому пятому делу – 14,7%, по каждому десятому делу – 9,6%, по каждому двадцатому – 25,2%, не применяют – 35,3%.

Это означает, что наряду с заметным увеличением применения контроля и записи переговоров на предварительном следствии с момента его введения в УПК РФ в настоящее время имеется тенденция к снижению этого показателя.

При этом статистика применения ст. 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» имеет стойкую тенденцию к увеличению. Так, в 2014 г. в областных и равных им судах Российской Федерации рассмотрено 307, 6 тыс. ходатайств, из них «об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, – 290,8 тыс., или 91,5% от количества рассмотренных материалов (в 2012 г. – 211,6 тыс. материалов, или 92,9 %; в 2013 г. – 231,2 тыс. материалов, или 87,3 %); удовлетворено 98,5%» [6].

В чем причины происходящего? Рассмотрим сопутствующие этому следственному действию проблемы.

Во-первых, несмотря на то, что в п.14¹ ст.5 УПК РФ и закреплено понятие контроля телефонных и иных переговоров как прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм, но до сих пор

среди ученых нет единого мнения по содержанию этого процессуального действия [4, с. 9; 7, с. 230].

Во-вторых, многие процессуалисты утверждают, что в данном следственном действии отсутствует определяющий признак следственного действия – непосредственное извлечение информации лично следователем путем непосредственного контакта со следами. В качестве субъектов, непосредственно участвующих в исполнении следственного действия, выступают сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Следователь не может тайно прослушивать переговоры, ибо следственное действие – это всегда правоотношение между его участниками. Включение оперативно-розыскных мероприятий, по их мнению, в систему следственных действий может разрушить всю процессуальную систему [8].

И наконец, самое главное, на наш взгляд, – производство этого следственного действия обладает «определенной технической сложностью» [4, с.10], связанной с применением специальных технических средств для фиксации акустической информации, передаваемой по линиям электросвязи, применение которых ограничивает конституционные права человека и гражданина, в связи с чем для его проведения, как и для оперативно-розыскных мероприятий, необходимо судебное решение.

Кроме того, как верно отмечает С.А. Шейфер, современное законодательство предоставляет следователю право давать органу дознания обязательные для исполнения поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (в том числе и о прослушивании), которым следователи часто пользуются, избегая сложной процедуры контроля переговоров, предусмотренной ст. 186 УПК РФ [8].

Также следует отметить, что решение о производстве контроля и записи телефонных и иных переговоров должно содержать фамилию, имя и отчество лица, чьи телефонные и иные переговоры подлежат контролю и записи (п. 3 ч. 3 ст. 186 УПК РФ), то есть контроль и запись осуществляются применительно к переговорам того или иного лица, а не к переговорам, ведущимся с того или иного телефонного номера [1].

Между тем на практике информация, содержащаяся в телефонных переговорах, очень активно используется. По результатам нашего исследования, такую информацию, передаваемую сотовой связью, используют в своей деятельности 57,9% следователей, а передаваемую посредством проводных телефонов – 45%. При этом наиболее существенное значение для раскрытия и расследования преступлений имеет информация, полученная при помощи средств сотовой связи (56,4%), уступая лишь криминалистическим учетам (64,8%), немаловажное значение имеют также и средства проводной связи, предоставляя 30,6% такой информации.

Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что информация, полученная из телефонных переговоров, имеет существенное значение в получении доказательств и в целях оптимизации процесса доказывания необходим научный подход к решению проблем, связанных с применением контроля и записи переговоров. Время заставляет правоохранные органы активнее применять современные специальные технические средства в правоохранительной деятельности. По некоторым данным, с применением технических средств правоохранными органами России раскрывается более 75% преступлений, совершенных в условиях неочевидности [10]. В такой ситуации контроль и запись переговоров можно рассматривать как средство повышения эффективности с научно обоснованными методами применения специальных технических средств в уголовном судопроизводстве.

Используемые источники

1. Вилкова Т.Ю. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10.
2. Гаврилин Ю.В., Дубоносов Е.С. Использование контроля и записи телефонных и иных переговоров в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие. М., 2003.
3. Иванов В.В. Становление и развитие правового регулирования оперативно-розыскного мероприятия «прослушивание телефонных переговоров» в деятельности отечественных правоохранительных органов // Российский следователь. 2015. № 8.
4. Ковтун Ю.А. Обеспечение прав и законных интересов личности при контроле и записи переговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
5. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2008 году (уголовные дела) // Российская юстиция. 2009. № 7.
6. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции (за 2012, 2013 и 2014 годы). URL: <http://www.cdep.ru/index.php>
7. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.Г. Глебова, Е.А. Зайцевой. М., 2006.
8. Шейфер С.А. Следственные действия - правомерны ли новые трактовки? // Lex russica. 2015. № 10.
9. Шишов Е., Сычев А. Контроль и запись переговоров следственное действие или оперативно-розыскное мероприятие // Уголовное право. 2006. № 6.
10. URL: <http://www.ido.edu.ru/development/lectures/208/P7.html>

УДК 343.3

СТАТЬЯ 282 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Горбунова Н.В., старший преподаватель Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции

Статья посвящена особенностям конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, а также анализу признаков объективной стороны, позволяющих разграничить составы преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282 УК РФ.

Ключевые слова: ненависть; вражда; направленность действий; призывы к экстремизму.

ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF THE CONSTRUCTION OF CORPUS DELICTI AND QUESTIONS OF QUALIFICATION

Gorbunova N.V., senior lecturer of the Far Eastern branch of the All-Russian State University of Justice

The article is devoted to the features of construction of corpus delicti stipulated by article 282 of the Criminal code and analysis of the objective elements that allows to delimit offences stipulated by article 280 and 282 of the Criminal code of the Russian Federation.

Keywords: hatred; hostility; course of action; calls for extremism.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, описывается законодателем как «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц...». На неудачность указанной формулировки не раз обращалось внимание в научной литературе. Действительно, при квалификации деяния по ст. 282 УК РФ возникают вопросы о том, какие именно действия могут включаться в объективную сторону рассматриваемого состава и могут ли они образовывать совокупность с иными деяниями, с какого момента преступление считается оконченным и каковы стадии его совершения.

Формулировка «действия (деяния), направленные на ...» используется законодателем при описании объективной стороны и

иных общественно опасных деяний. В частности, это относится к ст. 241 «Организация занятия проституцией», ст. 278 «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти», ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», ст. 281 «Диверсия», ст. 357 «Геноцид». Кроме того, указанная формулировка используется при конструировании некоторых норм общей части Уголовного кодекса РФ, в частности, при формулировании понятия покушения (ч. 3 ст. 30), добровольного отказа от преступления (ст. 31) и отдельного обстоятельства, смягчающего наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61).

Не конкретизируя действия, характеризующие объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, уголовный закон указывает лишь на их направленность. Как отмечает Е.П. Сергун, под «направленностью» можно понимать как цель совершения определенных действий, так и предмет преступного посягательства, входящий в структуру объекта преступления [3, с. 106]. В соответствии с п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [2] преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается только с прямым умыслом и с целью возбудить ненависть либо вражду, а также унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Нам же представляется, исходя из анализа контекста, в котором законодатель использует словосочетание «действия, направленные на ...», что указанная формулировка означает не цель деяния, а последующие действия и их результат, на осуществление которых непосредственно направлено предусмотренное диспозицией статьи деяние. По сути, речь идет о покушении на возбуждение ненависти или вражды как формы экстремизма с точки зрения Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [4], поэтому состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ, относится к числу усеченных, в котором момент окончания преступления перенесен на более ранний этап деяния.

Согласно абз. 4 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11, «предусмотренное ч. 1 ст. 282 УК РФ преступление считается оконченным с момента совершения хотя бы одного действия, направленного на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц...». В комментариях к Уголовному кодексу РФ указывается, что по конструкции объективной стороны рассматриваемый состав преступления относится к числу формальных. Между тем такие составы преступлений, как разбой (ст. 162), вымогательство (ст. 163), посяга-

тельство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), также считающиеся оконченными с момента начала действий, указанных в диспозиции соответствующей нормы, признаются усеченными.

В усеченном составе преступления момент окончания преступления перенесен на стадию приготовления (бандитизм – ст. 209 УК РФ) или на стадию покушения (разбой – ст. 162 УК РФ); от формальных составов усеченные составы отличаются тем, что прямым умыслом виновного охватываются не только действия, входящие в состав преступления, но и дальнейшие, направленные на тот же объект действия и их результат, находящийся за пределами данного состава преступления.

Это в полной мере применимо и к формулировке «действия, направленные на...», так как умыслом виновного охватываются не только сами действия, но и их результат. Последний должен обязательно носить общественно опасный характер, и именно по этой причине законодатель сконструировал состав подобным образом, тем самым подчеркнув повышенную опасность указанного деяния, и предусмотрел возможность наступления уголовной ответственности на более ранней стадии преступной деятельности.

Для установления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, большое значение имеет не только характер указанных в диспозиции действий, но и способ их проявления. В частности, представляется затруднительным отграничение призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК) от действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды (ст. 282 УК). Не содержит критериев такого отграничения и судебная практика. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, «под публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, включая сеть Интернет) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности» (п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 11).

Строго говоря, следуя смыслу Закона о противодействии экстремистской деятельности, деяние, предусмотренное ст. 280 УК РФ, есть призывы к экстремистской деятельности, а деяние, предусмотренное ст. 282 УК РФ, – действия, направленные на экстремистскую деятельность. В случае призывов к возбуждению ненависти или вражды статья 282 УК РФ будет специальной нормой по отношению к ст. 280 УК РФ.

Нам представляется, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, предполагает только вербальные

действия (по аналогии с преступлениями «hate speech» в зарубежных странах). Иной более широкий подход к содержанию действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, означал бы сложность, а в некоторых случаях и невозможность отграничения ст. 282 УК РФ от иных составов преступлений. В частности, в случае нанесения расистских изображений и высказываний на памятник, охватываются ли указанные действия только ст. 282 УК РФ или их необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 214 УК РФ или ст. 243 УК РФ либо речь идет о совокупности преступлений?

Во избежание конкурирования уголовно-правовых норм целесообразно подразумевать под действиями, направленными на возбуждение ненависти или вражды, именно выражение своего мнения устным, письменным или визуальным способом. При этом указанные действия должны вызывать ненависть, то есть быть провокационными. Если в тексте речи содержатся призывы к действиям экстремистской направленности, деяние надлежит квалифицировать по ст. 280 УК РФ. При этом необходимо отметить неудачность формулировки диспозиции указанной статьи, поскольку осуществление призывов возможно в отношении не всех действий, составляющих экстремизм. Так, невозможны призывы к возбуждению ненависти или вражды (например, фраза «Давайте расклеивать листовки с негативным изображением иностранцев» фактически является приготовлением к совершению преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, на уровне обнаружения умысла, приискания соучастников). О том же самом идет речь в случае призывов к публичному оскорблению представителя власти – несмотря на то, что закон относит указанное деяние к экстремистской деятельности, его следует квалифицировать как приготовление по ст. 319 УК РФ, а не по ст. 280 УК РФ.

Можно согласиться с Т.А. Боголюбовой в том, что призывы представляют собой «умышленную целенаправленную подстрекательскую деятельность виновного» [1, с. 63], поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ подстрекать можно только к совершению конкретного преступления.

Призывами, таким образом, именуются не все действия, а только те, которые побуждают к изменению конституционного строя, нарушению равенства и так далее, причем указанные действия должны быть насильственными и весьма конкретными, поскольку субъективная сторона ст. 280 УК РФ предполагает прямой конкретизированный умысел, в отличие от ст. 282 УК РФ, где умысел носит неопределенный характер и значение имеет только факт осознания виновным возбуждающего ненависть или вражду характера совершаемых им действий. Призывы к неконкретизированным действиям, носящие общий характер, например фразы типа «Избавим страну от нерусских», следует квалифицировать по ст. 282 УК РФ.

Используемые источники

1. Боголюбова Т.А. Расследование и предупреждение преступлений, предусмотренных статьей 280 УК РФ: метод. пособие // Противодействие экстремистской деятельности. Основные направления, криминологические проблемы, правовые основы: сб. Курск, 2004.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.
3. Сергун Е.П. Актуальные вопросы теории и практики применения ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» // Правовая культура. 2011. № 1 (10).
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

УДК 342.922:343.136

ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ДОЗНАВАТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

*Загвоздкин Н.Н., начальник кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук*

В статье анализируется наличие у дознавателей органов внутренних дел административных полномочий в виде задержания, доставления и личного досмотра, закрепленных в Федеральном законе «О полиции» и в ведомственных нормативно-правовых актах МВД России, с точки зрения их соответствия уголовно-процессуальному статусу дознавателя.

Ключевые слова: административные полномочия; дознаватель; личный досмотр; органы внутренних дел; полиция; следователь; уголовное судопроизводство.

THE ADMINISTRATIVE POWERS OF INVESTIGATORS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

*Zagvozdkin N.N., head of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law*

The article analyzes the presence of the investigators of internal Affairs bodies administrative authority in the form of detention, conveyance and personal inspection, as enshrined in the Federal law «About police» and in the departmental regulatory legal acts of the MIA of Russia, from the point of view of their conformity with the criminal procedure status of the inquirer.

Keywords: administrative authority; the investigator; personal inspection; internal Affairs bodies; police; investigator; criminal justice.

Опрос дознавателей территориальных органов внутренних дел Приморского края показал, что многие из них привлекались руководством других служб ОВД к производству одной из мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях – личному досмотру (п. 3 ч. 1 ст. 27.1, 27.7 Кодекса РФ об административных правонарушениях [3]). В частности, дознаватели (в большинстве своем женщины) производят личный досмотр административных правонарушителей-женщин в целях обнаружения и изъятия наркотических средств. Распространенность в целом по России такого рода практики нуждается в правовой оценке с точки зрения ее соответствия действующему законодательству.

Обратимся к уголовно-процессуальным основам статуса дознавателя. В соответствии с п. 7 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ [8] дознаватель – должностное лицо органа дознания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания, а также иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом. По буквальному толкованию иные (помимо дознания) полномочия дознавателя – только уголовно-процессуальные. В «статусной» ст. 41 УПК РФ подробно перечисляются такие полномочия. В части 2 указанной статьи особо оговаривается запрет на возложение полномочий по проведению дознания на лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Исходя из систематического толкования норм КоАП РФ и УПК РФ, полагаем, что данный запрет распространяется и на административную деятельность.

Изменения, внесенные в ст. 41 УПК РФ, позволяют однозначно говорить о тенденции «выравнивания» статуса следователя и дознавателя в части процессуальной самостоятельности и независимости. Так, в соответствии с Федеральным законом от 14 декабря 2015 г. № 380-ФЗ [10] дознаватель наделен правом обжаловать с согласия начальника органа дознания решения прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта или обвинительного поста-

новления, о направлении уголовного дела для производства дознания в общем порядке (п. 1² ч. 3 ст. 41 УПК РФ).

Приказ МВД России от 21 ноября 2012 г. № 1051 «Вопросы организации деятельности подразделений дознания (организации дознания) территориальных органов МВД РФ» [7] не содержит каких-либо упоминаний об административном направлении деятельности. Обращение к ранее действовавшим приказам МВД России от 3 августа 2006 г. № 606 [4] и от 6 августа 2007 г. № 697 [5] также не дает оснований утверждать о наличии у дознавателей каких-либо административных полномочий [1; 2].

Вывод о наличии административных полномочий у дознавателей ОВД, являющихся сотрудниками полиции, вытекает из содержания Федерального закона «О полиции» [9]. В числе основных направлений деятельности полиции названы, например, предупреждение и пресечение административных правонарушений, производство по делам об административных правонарушениях (п. 2 и 5 ч. 1 ст. 2). Указанные направления конкретизированы, например, в обязанности полиции пресекать административные правонарушения и осуществлять производство по делам об административных правонарушениях (п. 11 ч. 1 ст. 12); составлять протоколы об административных правонарушениях (п. 8 ч. 1 ст. 13), осуществлять личный досмотр граждан и другие виды досмотра (п. 16 ч. 1 ст. 13).

Разумеется, данные нормы носят обобщенно-обезличенный характер и формально распространяются на всех сотрудников полиции, независимо от специализации тех или иных служб и подразделений (уголовный розыск, участковые уполномоченные, патрульно-постовая служба и т.д.).

Действующий приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и по административному задержанию» [6], содержащий соответствующий перечень уполномоченных лиц, в ряде подпунктов наделяет указанными полномочиями должностных лиц подразделений дознания на уровне Управления МВД России по субъекту (пп. 3.6), отдела МВД по району (пп. 4.15), линейных отделов МВД на транспорте (пп. 5.10). Во всех случаях идет ссылка на составы административных правонарушений, перечисленные в ч. 1 ст. 23.3 и п. 1 ч. 2 ст. 28.3, ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

Обратимся к указанным нормам. В части 1 ст. 23.3 КоАП РФ определена компетенция ОВД (полиции) по рассмотрению дел об административных правонарушениях. В пункте 1 ч. 2 ст. 28.3 в качестве должностных лиц, уполномоченных составлять административные протоколы, названы должностные лица ОВД (полиции), причем без конкретизации служб и подразделений. Часть 1 ст. 20.25 предусматривает ответственность за неуплату административного

штрафа. Таким образом, две первых нормы носят общий характер. Третья предусматривает конкретное административное правонарушение. Во всех трех случаях связь с деятельностью подразделений дознания ОВД не просматривается.

В пункте 2 названного приказа закреплено, что должностные лица, перечисленные в Перечне, осуществляют административное задержание в соответствии с пп. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ. Административное задержание применяется для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении (ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ). Личный досмотр осуществляется в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения (ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ). Личный досмотр осуществляется должностными лицами, указанными в ст. 27.2, 27.3 (ч. 2 ст. 27.3 КоАП РФ), то есть уполномоченными осуществлять доставку и административное задержание.

Подробное изложение норм КоАП необходимо для постановки главного вопроса: какое отношение дознаватели ОВД имеют к перечисленным административным мерам – доставлению, задержанию, досмотру?

Дознаватель как сотрудник полиции вправе задерживать административного правонарушителя. Однако здесь, на наш взгляд, необходимы серьезные оговорки. Во-первых, такая деятельность не является для него профильной, она может носить вынужденный характер – случайное стечение обстоятельств, привлечение к мероприятиям по охране общественного порядка и т.п. Во-вторых, досмотр задержанного, составление административного протокола явно не входят в функции дознавателя и должны осуществляться другими должностными лицами ОВД.

Подводя итоги, полагаем, что пункты 3.6, 4.15 и 5.10 приказа МВД России от 5 мая 2012 г. № 403, наделяющие дознавателей административными полномочиями, должны быть исключены из него как не соответствующие уголовно-процессуальному статусу дознавателя.

Используемые источники

1. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. Ф.К. Зиннурова. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013.
2. Есина А.С. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие. М.: Эксмо, 2012.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 05.04.2016) // Российская газета. 2001. 31 декабря.
4. Приказ МВД России от 3 августа 2006 г. № 606 «Об утверждении Основных направлений совершенствования деятельности подраз-

- делений дознания ОВД Российской Федерации на 2006-2011 годы и плана их реализации». Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Приказ МВД России от 6 августа 2007 г. № 697 «О мерах по совершенствованию деятельности ОВД по производству предварительного расследования в форме дознания». Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 6. Приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и по административному задержанию» (в ред. от 10.02.2016) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 36.
 7. Приказ МВД России от 21 ноября 2012 г. № 1051 «Вопросы организации деятельности подразделений дознания (организации дознания) территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации». Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
 8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.03.2015) // Российская газета. 2001. 22 декабря.
 9. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 13.07.2015, с изм. от 14.12.2015) // Российская газета. 2011. 10 февраля.
 10. Федеральный закон от 14 декабря 2015 г. № 380-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ в части наделения дознавателя правом обжалования некоторых решений прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом или обвинительным постановлением» // Российская газета. 2015. 16 декабря.

УДК 343.233

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 124 УК РФ

Замалева С.В., преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

В настоящей статье анализируется субъект преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ. Автор приходит к выводу, что субъектом данного преступления являются именно медицинские работники, в чьи обязанности входит оказание медицинской помощи.

Ключевые слова: неоказание помощи; больной; медицинский работник.

TO QUESTION ON THE SUBJECT A CRIME
UNDER ART. 124 OF THE CRIMINAL CODE

Zamaleeva S.V., lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article analyzes the subject of a crime under Art. 124 of the Criminal Code. The author concludes that the subject of this crime are just health professionals, whose responsibilities include the provision of medical care.

Keywords: failure to render aid; the patient; the health worker.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, является лицо, на котором лежит обязанность по оказанию помощи в соответствии с законом или специальным правилом. Как правило, это врачи и другие медицинские работники. Нормативными актами обязанность по оказанию такой помощи может быть возложена и на иных лиц.

В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РСФСР субъектами неоказания помощи больному могут быть не только врачи, но и другой медицинский персонал, на обязанности которого возложено оказание помощи больному [1, с. 10]. Такие обязанности специальными правилами и инструкциями возложены на фельдшеров, медицинских сестер, провизоров и т.п. При этом для квалификации по ст. 124 УК РФ не имеет значения, работают ли эти лица в момент неоказания помощи или находятся в отпуске, в рабочее или нерабочее время они отказались от предоставления медицинских услуг.

Медицинский персонал, в обязанности которого не входит оказание медицинской помощи (сиделки, зубные техники, регистраторы и т.п.), субъектами рассматриваемого преступления быть не могут. За неоказание помощи больным они несут ответственность на общих основаниях, т.е. при наличии всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ [8, с. 396].

На основании ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» на сотрудника полиции также возлагается обязанность оказывать первую медицинскую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная медицинская помощь не может быть получена

ими своевременно или отсутствует. Неисполнение такой обязанности следует квалифицировать как неоказание помощи больному.

В юридической литературе существуют и другие точки зрения по вопросу определения специального субъекта анализируемого преступления.

Так, А.С. Горелик категорически утверждал, что субъектом неоказания медицинской помощи могут быть только медицинские работники, т.е. лица, имеющие определенные медицинские звания. При этом автор подчеркивал, что если говорить о неоказании помощи больным вообще, то обязанность лежит на всех лицах, имеющих медицинские звания. Однако непосредственно медицинскую (лечебную) помощь могут оказать только те, кто занимается лечебной деятельностью [2, с. 300-301].

С.И. Никулин считает, что субъектом неоказания помощи больному, прежде всего, являются врачи, а также руководители туристических групп, специально выделенные члены экспедиций, зимовок и др. Автор указывает, что лица медицинского персонала, которые по роду своей деятельности не оказывают медицинской помощи (фармацевт, лаборант, санитарка), за рассматриваемое преступление ответственности не несут; их бездействие в соответствующих случаях может квалифицироваться по ст. 125 УК РФ [9, с. 317].

По мнению Т.В. Кирпиченко, в качестве субъекта неоказания медицинской помощи больному необходимо рассматривать медицинского и фармацевтического работников [3, с. 117]. Близкой точки зрения придерживался А.Н. Красиков, который считал, что субъектом неоказания помощи больному может быть лицо, имеющее право на занятие медицинской и фармацевтической деятельностью и осуществляющее такую деятельность в государственной, муниципальной или частной системе здравоохранения [4, с. 116].

Д.Ю. Мамонтов полагает, что, если закон или специальное правило предусматривает обязанность оказать помощь больному, то такое лицо должно признаваться субъектом ст. 124 УК РФ вне зависимости от того, является оно медицинским работником или нет. Целый ряд федеральных законов устанавливает обязанность оказать помощь больному (в том числе доврачебную) для следующих субъектов: сотрудников МВД, сотрудников спасательной службы МЧС, судебных приставов, сотрудников ведомственной охраны, частных детективов и охранников, сотрудников организаций, осуществляющих деятельность с использованием источников ионизирующего излучения. Кроме того, по мнению Д.Ю. Мамонтова, под специальным правилом, исходя из буквального толкования закона, следует понимать узаконенное основание для деятельности в определенных условиях и при соответствующих обстоятельствах, к которым следует отнести приказы, правила, инструкции, устанавливающие обязанность оказывать медицинскую помощь больному [5, с. 61-62].

В связи с этим отметим, что существует большое количество ведомственных нормативных правовых актов, в соответствии с которыми представители различных профессий обязаны оказывать медицинскую доврачебную помощь: лица, эксплуатирующие электроустановки; работники полиграфических организаций; операторы, занятые на работах с опасным грузом, и т.п.

А.И. Пискун и Д.Ю. Мамонтов считают, что множество различных мнений о субъекте не оказания помощи больному обусловлено неопределенностью вида и объема помощи, которую необходимо оказать больному. Разделяем мнение ученых о том, что для устранения существующих в законодательстве и теории противоречий в части установления субъекта не оказания помощи больному в первую очередь необходимо определить вид помощи, которую субъект обязан оказать больному [5, с. 63].

При этом А.И. Пискун считает, что круг указанных в ст. 124 УК РФ лиц, обязанных оказывать помощь по закону или специальному правилу, неоправданно широк. Характеристика специального субъекта не оказания помощи больному нуждается в уточнении. По его мнению, субъектом не оказания помощи больному могут быть медицинские работники (врач, фельдшер, акушерка, медсестра). Другие лица (в том числе и представители медицинского персонала, в обязанности которых не входит оказание медицинской помощи) субъектами рассматриваемого преступления быть не могут. За не оказание помощи больным они должны нести ответственность на общих основаниях (при наличии соответствующих признаков) – по ст. 125 УК РФ [7, с. 124-126].

И.О. Никитина отмечает, что в судебной практике чаще других встречаются случаи не оказания помощи со стороны именно медицинских работников. Это объясняется тем, что для медицинских работников лечебная деятельность – основная профессиональная функция, которую они исполняют надлежащим или ненадлежащим образом, а для спасателей, сотрудников полиции и пожарных служб – дополнительная, не основная. Учитывая изложенные доводы, И.О. Никитина полагает, что субъектом преступления, заключающегося в не оказании помощи больному, следует считать только медицинских работников. Что касается иных лиц, в чьи профессиональные обязанности входит оказание медицинской помощи, а также лиц из числа медицинского персонала, которые по роду своей деятельности не оказывают медицинской помощи (лаборанты, санитарки и др.), ученый предлагает их бездействие в соответствующих случаях квалифицировать по ст. 125 УК РФ [6, с. 130].

Анализ зарубежного законодательства также показывает, что в большинстве стран субъектом рассматриваемого преступления являются именно медицинские работники. Такой подход считаем оправданным, т.к. медицинские работники проходят специальную теоретическую и практическую подготовку, позволяющую оказать

больному эффективную медицинскую помощь. Более того, именно врачей закон обязывает оказывать медицинскую помощь.

Таким образом, мы солидарны с мнением ученых, которые считают, что субъектом неоказания помощи больному являются именно медицинские работники, в чьи обязанности входит оказание медицинской помощи.

Используемые источники

1. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1961. № 4.
2. Горелик А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964.
3. Кирпиченко Т.В. Уголовная ответственность за оставление в опасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983.
4. Красилов А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996.
5. Мамонтов Д.Ю. Субъект неоказания помощи больному // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 18. 2008.
6. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
7. Пискун А. И. Субъект неоказания помощи больному // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 1.
8. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008.
9. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2008.

УДК 343.137.2

О ВОЗМОЖНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОПУЩЕННЫХ СРОКОВ ПРИ ДОЗНАНИИ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

Зотова М.В., адъюнкт Воронежского института МВД России

В статье анализируется возможность применения норм о продлении и восстановлении пропущенных сроков при заявлении подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; дознание в сокращенной форме; подозреваемый; дознаватель; ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме; продление и восстановление пропущенных сроков.

ABOUT THE POSSIBILITY OF RECOVERY OF MISSED DEADLINES IN THE INQUIRY IN ABBREVIATED FORM

Zotova M.V., post graduate of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article analyzes the possibility of application of norms of the extension and restoration of missed terms in the statement of the suspect of the petition for manufacture of inquiry in abbreviated form.

Keywords: criminal proceedings; the inquiry in abbreviated form; the suspect; the interrogating officer; the request for the production of inquiry in abbreviated form; extension and restoration of missed deadlines.

Введение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» гл. 32.1 УПК РФ «Дознание в сокращенной форме» означало одновременное появление нового уголовно-процессуального института, новых правоотношений, нового вида уголовно-процессуальной деятельности, новой уголовно-процессуальной формы.

Данная форма сформулирована в соответствии с принципами уголовного судопроизводства (гл. 2 УПК РФ) и действует в порядке его предназначения (ст. 6 УПК РФ): защищает права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защищает личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Дознание в сокращенной форме в качестве уголовно-процессуальной деятельности представляет собой систему действий, направленных на расследование очевидных и несложных преступлений в условиях процессуальной экономии. Системность применительно к дознанию в сокращенной форме означает не только взаимосвязь и взаимозависимость составляющих указанного вида уголовно-процессуальной деятельности, но и определенный порядок, в котором должны совершаться действия, его образующие.

В качестве уголовно-процессуального института дознание в сокращенной форме представляет собой систему норм, регулирующих правоотношения, возникающие в связи с расследованием преступлений (одного или нескольких), указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ при условии возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, признания подозреваемым своей вины, характера, размера причиненного преступлением вреда и неоспаривания правовой оценки деяния, приведенной в постановлении о возбуждении

уголовного дела, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство дознания в сокращенной форме.

Существуют некоторые проблемы применения общих норм к дознанию в сокращенной форме, в том числе и при подаче подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме.

Так, возникают вопросы о возможности применения норм, регламентирующих процессуальные сроки, к сокращенной форме дознания, а именно норм, содержащихся в ст. 129 и ч. 1 ст. 130 УПК РФ.

Вообще, следует отметить, что процессуальные сроки рассматриваются в уголовном судопроизводстве с учетом требования разумности, которое по-разному трактуется в литературе. Одни авторы утверждают, что разумный срок уголовного судопроизводства является принципом уголовного судопроизводства [1, с. 48], другие не считают его таковым [3, с. 41].

Итак, по общим нормам ст. 129 УПК РФ «Соблюдение и продление срока» срок не считается пропущенным, если жалоба, ходатайство или иной документ до истечения срока сданы на почту, переданы лицу, уполномоченному их принять, а для лиц, содержащихся под стражей или находящихся в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, либо в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, если жалоба или иной документ до истечения срока сданы администрации места предварительного заключения либо медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, и может быть продлен в случаях и порядке, установленных УПК РФ. Согласно ч. 1 ст. 130 УПК РФ «Восстановление пропущенного срока», пропущенный по уважительной причине срок должен быть восстановлен на основании постановления дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело.

Глава 32.1 УПК РФ не оговаривает возможность применение норм о продлении и восстановлении пропущенных сроков.

А.Н. Арестова, затрагивая вопрос о правомерности использования норм закона о пропущенных сроках и их восстановлении, совершенно справедливо указывает, что «возможности продления срока заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме УПК РФ не предусматривает» [2, с. 33].

Предположим, что ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме направляется подозреваемым посредством почтовой связи. Тогда с учетом времени нахождения ходатайства в пути срок его поступления дознавателю будет выходить за пределы предусмотренного законом.

Подозреваемый имеет право воспользоваться правом на восстановление срока нахождения ходатайства в пути как непропущенно-

го, ссылаясь на ст. 129 УПК РФ, так как он, соблюдая установленный законом срок, заявил ходатайство о производстве дознания в сокращенной форме и не нарушил нормы гл. 32.1 УПК РФ (именно «заявил» ходатайство, как указано в ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ).

На какие же нормы закона дознаватель должен ссылаться при ответе на ходатайство подозреваемого о продлении и восстановлении сроков: ст. 129, 130 или ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ?

Если должностное лицо примет решение по ходатайству, основываясь на ст. 129 и 130 УПК РФ, продлит и восстановит сроки дознания, то сроки его производства нельзя будет считать сокращенными, так как они будут приближены к общему порядку, и поэтому не может стоять вопрос о применении норм гл. 32.1 УПК РФ.

Думается, моментом заявления подозреваемым ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме нужно считать его представление должностному лицу, а применение норм закона по восстановлению и продлению сроков при производстве дознания в сокращенной форме недопустимо.

Используемые источники

1. Азаров В.А., Рожков Д. Г. Обеспечение разумного срока уголовного производства в суде первой инстанции: монография. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2013.
2. Арестова Е.Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Российская юстиция. 2013. № 11.
3. Насонова И.А. К вопросу о разумности расширения системы принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 1.

УДК 343.9

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ, СОПРЯЖЕННОМ С ОСТАВЛЕНИЕМ В ОПАСНОСТИ

Зубенко Е.В., старший преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

В статье исследуются тактические особенности подготовки и проведения допроса подозреваемого в дорожно-транспортном преступлении, сопряженном с оставлением в опасности. Рассматриваются возможности установления психологического контакта, вопросы, подлежащие выяснению.

Ключевые слова: допрос; подозреваемый; дорожно-транспортное преступление; оставление в опасности.

TACTICAL FEATURES OF PREPARATION
AND CARRYING OUT INTERROGATION
OF THE SUSPECT OF THE ROAD AND TRANSPORT
CRIME INTERFACED TO LEAVING IT IS IN DANGER

Zubenko E.V, senior lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law

In article tactical features of preparation and carrying out interrogation of the suspect of the road and transport crime interfaced to leaving are investigated it is in danger. The possibilities of establishment of psychological contact, questions which are subject to examination are considered.

Keywords: the interrogation; suspected; a road and transport crime; leaving is in danger.

Вопросы, касающиеся процессуальной регламентации допроса и тактики его проведения, постоянно исследуются в правовой литературе. В настоящей статье нам хотелось бы остановиться на тактических особенностях подготовки и проведения допроса подозреваемого в совершении дорожно-транспортного преступления, сопряженного с оставлением потерпевшего в опасности. Ответственность за данный вид преступления предусмотрена ст. 125 УК РФ. Указанные неправомерные деяния довольно часто совершаются на дорогах нашей страны и периодически становятся достоянием общественности. В среднем около тысячи раз каждый месяц в нашей стране водители, совершив дорожно-транспортное происшествие, скрываются и оставляют пострадавших в опасном для жизни или здоровья состоянии [3].

Если подозреваемый задержан непосредственно, после того как он, совершив ДТП, не оказал помощи пострадавшим и пытался скрыться, то ему практически невозможно продумать свою систему защиты. Поэтому тактически правильно будет как можно быстрее организовать его допрос. В этих условиях от подозреваемого следователь может получить правдивые и полные показания.

Когда преступник не задержан по «горячим следам», а его причастность выявлена значительно позже, после проведения комплекса следственно-оперативных мероприятий, он имеет возможность тщательно продумать сложившуюся ситуацию и определить линию защиты; у него было время воспользоваться советами друзей, консуль-

тацией адвоката; решить, какие обстоятельства дела следует изменить с тем, чтобы обосновать свою непричастность. Прежде чем провести допрос подозреваемого в этой ситуации, необходимо к нему тактически подготовиться. Следователь в ходе сбора доказательств о виновности лица параллельно получает информацию о личности преступника, это поможет ему в установлении психологического контакта во время допроса.

Процесс общения между следователем и подозреваемым может усложнить отрицательное эмоциональное состояние допрашиваемого и его негативное отношение к следователю. Следователь своим поведением должен снять установки неприязненного отношения и недоверия подозреваемого.

Как отмечает П.М. Зуев, в начале допроса важно, чтобы допрашиваемый почувствовал, что расследованием занимается человек, глубоко разбирающийся в технике и процессах дорожного движения. Автор полагает, что не следует начинать допрос с выяснения обстоятельств совершения происшествия. Сначала надо отвлечь лицо беседой об особенностях и сложности труда водителя, расспросить о работе, взаимоотношениях с членами коллектива, бытовых условиях, а затем перейти к выяснению обстоятельств совершения происшествия, предоставив ему полностью высказаться о происшедшем [2, с. 49].

Сильное психологическое воздействие на подозреваемого этой категории уголовных дел оказывает предъявление доказательств. При демонстрации в качестве таковых результатов экспертиз (например, по идентификации следов обуви, обнаруженных на месте происшествия, и следов обуви преступника; исследованию микрочастиц с транспортного средства и одежды пострадавших и др.) необходимо пояснить, в чем их значение. Убеждение допрашиваемого, что подозрение его в преступлении подтверждается доказательствами, благоприятствует успеху допроса. Так, Г.А. Зорин справедливо полагает, что сам факт наличия в кабинете следователя вещественных доказательств, связанных с расследуемым делом, свидетельствует об осведомленности следователя, о понимании им механизма преступного действия [1, с. 73]. Действительно, преступнику, входящему в кабинет следователя и видящему там предметы, имеющие отношение к его делу, например, одежду потерпевшего со следами лакокрасочного покрытия, схожими по цвету с окраской его автомобиля, или сложенные на полке отделившиеся фрагменты деталей автомобиля (боковые зеркала заднего вида, фрагменты передней оптики, бампер и др.), психологически трудно будет давать ложные показания, так как у него создастся впечатление о знании следователем всей картины происшедшего события. В связи с этим мы солидарны с мнением А.А. Шаевича, полагающего, что нередко психологический контакт успешно устанавливается допрашиваю-

щими интуитивно, сообразно ситуации, однако наличие качественной теоретической базы позволит делать это эффективнее [4, с. 418].

Учитывая характер преступления, от подозреваемого необходимо получить показания: о событиях, предшествовавших ДТП; самом характере ДТП и механизме его образования; о его действиях после ДТП, связанных с неоказанием помощи пострадавшим.

Проведенный анализ судебно-следственной практики расследования позволил выделить следующие объяснения (ситуации) происшедшего события, приводимые подозреваемыми, которые оправдывают бездействие с их стороны по неоказанию помощи пострадавшим:

1) испугался происшедшего ДТП, решил, что пострадавший погиб, так как удар автомобиля о тело был очень сильным, и поэтому уехал с места ДТП;

2) хотел оказать помощь пострадавшему, но, осмотрев последнего, понял, что тот погиб, после чего уехал с места ДТП;

3) полагал возможным оказание помощи пострадавшему очевидцами, которые находились на месте ДТП;

4) решил, что наехал на какое-то препятствие или переехал что-либо, например ветку, и поехал дальше, посчитав, что ничего серьезного не случилось, и только впоследствии, осмотрев автомобиль, догадался о происшедшем ДТП;

5) испугался, что очевидцы устроят в отношении его самосуд за совершенное ДТП, где пострадали люди, поэтому скрылся, опасаясь за свою жизнь.

В первой и второй ситуации, если предположить, что пострадавший погиб непосредственно после дорожно-транспортного происшествия от полученных в нем травм, отсутствует опасное состояние для его жизни или здоровья, что влечет освобождение подозреваемого от уголовной ответственности по ст. 125 УК РФ в связи с отсутствием события преступления. Необходимо сопоставить и проанализировать его показания о «сильном ударе» с протоколом осмотра автомобиля, где зафиксированы механические повреждения. Далее выяснить у него, имелись ли какие-либо препятствия для того, чтобы он остановился на месте ДТП, как этого требует п. 2.5 Правил дорожного движения РФ.

Также при второй ситуации целесообразно выяснить у допрашиваемого лица, как он убедился, что пострадавший погиб, по каким признакам, какие действия он предпринял (проверял пульс, прислушивался к дыханию), имеет ли он соответствующие медицинские познания, навыки. Кроме того, стоит предложить ему описать местоположение трупа, позу (схематически зарисовать, как приложение к протоколу допроса), одежду, после чего сопоставить с протоколом осмотра места происшествия, в котором зафиксированы данные обстоятельства, а также с заключением судебно-

медицинской экспертизы о времени смерти потерпевшего. Неточности в показаниях подозреваемого могут служить основанием для выдвижения версии об их ложности.

По третьей версии следователь должен выяснить у допрашиваемого, почему тот считает, что очевидцы, если они и были, должны оказывать помощь пострадавшим. Такую помощь обязаны осуществлять лишь сотрудники медицинских учреждений и правоохранительных органов, то есть только те лица, которым это вменяется в обязанность в соответствии с их служебной деятельностью. Либо это лица, поставившие пострадавших в опасное состояние, такие как водители, совершившие ДТП. Здесь следователю также необходимо устанавливать и допрашивать свидетелей, явившихся очевидцами преступления.

По четвертой версии следователю надлежит в дальнейшем для проверки полученных показаний провести следственный эксперимент на предмет установления видимости пешехода с водительского места автомобиля или другого источника опасности, с которым произошло столкновение или наезд (переезд), а также оценить наличие и характер механических повреждений автомобиля.

Если подозреваемый выдвигает версию о том, что он испугался расправы очевидцев за совершенное им ДТП, то в этом случае следователю целесообразно выяснить, как, по свидетельству допрашиваемого, действовали очевидцы, на каком основании он решил, что ему самому угрожает опасность; останавливал ли он автомобиль и пытался ли предпринять какие-либо действия по оказанию помощи пострадавшим.

Указанные вопросы и ответы на них наглядно покажут состоятельность или несостоятельность предлагаемой подозреваемым версии, продиктованной желанием избежать ответственности за содеянное преступление.

Таким образом, допрос подозреваемого по делам ДТП, связанным с оставлением в опасности, является одним из важнейших следственных действий. Его проведение возможно лишь после тщательной подготовки, включающей в себя анализ собранных доказательств, изучение личности допрашиваемого, постановку вопросов, определение тактических приемов и т.д.

Используемые источники

1. Зорин Г.А. Руководство по тактике допроса: учеб.-практ. пособие. М., 2001.
2. Зуев П.М. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий: учеб. пособие. М., 1990.
3. Официальный сайт ГИБДД МВД России. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/>

4. Шаевич А.А. Психологический контакт в криминалистической теории и практике, его связь с социальной психологией // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат-лов 20-й Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 1. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015.

УДК 343.85

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ЛИЦАМИ,
НАХОДЯЩИМИСЯ В МЕСТАХ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Илло Д.А., начальник цикла Дальневосточного межрегионального учебного центра ФСИН России кандидат юридических наук

В рамках данной статьи автором рассматриваются вопросы, касающиеся так называемых пенитенциарных преступлений. Обозначаются причины роста данных преступлений, усиления противоправных действий в отношении сотрудников ИУ. В статье приводятся статистические данные ФСИН России, вскрываются проблемы, касающиеся механизма совершения преступлений данной категории.

Ключевые слова: пенитенциарные преступления; места изоляции от общества; статистика; уголовные дела; причины преступлений.

CRIMES COMMITTED BY PERSONS
IN PLACES OF ISOLATION FROM SOCIETY

Illo D.A., cycle head of the Far Eastern interregional training centre of the Federal penitentiary service of Russia Kandidat nauk degree in Law

In this article the author discusses the issues concerning the so-called prison of crimes. Indicated the reasons for the growth of these crimes, gain illegal acts against employees of correctional institutions. The article presents statistical data of the Federal penitentiary service of Russia, reveals the problems concerning the mechanism of committing crimes of this category.

Keywords: prison crimes; designated isolation from society; statistics; criminal cases; the causes of crime.

Преступления, совершаемые спецконтингентом в исправительных учреждениях и следственных изоляторах, достаточно долгое время представляют проблему, несмотря на усилия правоохранительных органов. Учитывая статистические данные о состоянии преступности в ИУ и СИЗО ФСИН России, следует согласиться с Ю.С. Фоминым, который справедливо полагает, что даже применение самой строгой меры уголовного наказания к лицам, совершившим преступление, не способствует снижению роста преступности в пенитенциарной системе, и уровень пенитенциарной преступности остается достаточно высоким [5].

Так, в 2006 г. лицами, содержащимися в местах изоляции от общества, было совершено 1360 преступлений, соответственно в 2007 г. – 1256 преступлений, в 2008 г. – 1044 преступления, в 2009 г. – 983 преступления, в 2010 г. – 1024 преступления, в 2011 г. – 889 преступлений, в 2012 г. – 961 преступление, в 2013 г. – 974 преступления, в 2014 г. – 861 преступление [3], в 2015 г. – 935 преступлений [4]. Несмотря на некоторое снижение уровня преступности, остается значительным количество преступлений, совершенных лицами, состоящими на профилактических учетах.

При этом необходимо обратить особое внимание на то, что выше приведены официальные цифры; сколько преступлений осталось латентными, приходится только догадываться, поскольку руководству учреждений, в которых совершено преступление, во многих случаях невыгодно предавать огласке данную информацию.

Так, 10 марта 2016 г. следственными органами Следственного комитета РФ по Приморскому краю возбуждено уголовное дело в отношении исполняющего обязанности начальника ФКУ ИК-29 ГУФСИН России по Приморскому краю. Он подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). По версии следствия, 23 сентября 2015 г. подозреваемый, для того чтобы скрыть недостатки в организации работы по обеспечению правопорядка во вверенном ему учреждении, укрыв от регистрации преступления, совершенные на территории исправительной колонии. В частности, сотрудниками медицинской помощи исправительной колонии зафиксирован факт передозировки осужденным наркотического средства, а также факт незаконного приобретения, хранения и употребления последним наркотического средства. Кроме того, подозреваемый укрыв от регистрации и тот факт, что 27 октября 2015 г. один из следственно-арестованных применил насилие в отношении представителя власти. В результате преступных действий подозреваемого не были своевременно приняты меры к раскрытию указанных преступлений и виновные не привлечены к уголовной ответственности за их совершение [2].

К сожалению, этот случай далеко не единственный. Так, согласно опросу, проведенному С.А. Хохриным, более 61% осужденных уверены, что преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, раскрываются только в одном случае из пяти. Основной причиной этого респонденты называют низкий уровень и неукомплектованность оперативного аппарата. Осужденные уверены, что сотрудники УИС стремятся скрыть сам факт преступления, чтобы не портить статистической отчетности (44,9%) [6].

При сохраняющейся в течение последних четырех лет тенденции к уменьшению численности лиц, находящихся в местах изоляции от общества, по состоянию на 1 апреля 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 651 464 чел. [3]. При этом ухудшается их криминогенная характеристика, образуются группировки отрицательной направленности, негативное влияние которых на других осужденных стало более открытым и дерзким. Не обеспечивается полная трудовая занятость осужденных. Ужесточается характер совершаемых правонарушений в местах лишения свободы, местах заключения под стражу. Более того, рост преступности в стране обуславливает концентрацию в исправительных учреждениях лиц, представляющих повышенную опасность не только для общества, но и для персонала учреждений, а также для осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Все это не может не отражаться на состоянии режима в местах лишения свободы. Как следствие этого, обстановка в исправительных учреждениях остается достаточно сложной.

Существенно не меняется в течение многих лет структура преступности в местах лишения свободы. В ней по-прежнему преобладают убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, побег и действия, дезорганизирующие работу ИУ.

За 2015 г. спецконтингентом в местах изоляции от общества совершено 2 захвата заложников (ст. 206 УК РФ); 56 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (ст.111 УК РФ), из них 25 – повлекших смерть потерпевших (ч. 4 ст. 111 УК РФ); 20 убийств (ст. 105 УК РФ); 124 побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ), причем из них 8 побегов из-под охраны; 3 факта массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ) [4].

В исправительных учреждениях сохраняется тенденция к активизации противоправных действий осужденных, направленных на дестабилизацию деятельности учреждений, противодействие сотрудникам. Продолжается рост числа случаев применения насилия в отношении сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности. Серьезной проблемой остается пресечение поступлений к осужденным средств мобильной связи и колюще-режущих предметов, экстремистской литературы. Сохраняется устойчивая

тенденция к увеличению числа осужденных, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

В 2015 г. в 56 территориальных органах УИС (2014 г. – 54) зарегистрировано 188 (2014 г. – 187) случаев применения насилия, оскорблений, угроз, хулиганских действий осужденных в отношении работников ИУ с причинением вреда здоровью 46 сотрудникам (2014 г. – 58), в том числе 2 (2014 г. – 2) случая в отношении женского персонала. По данным фактам возбуждено 247 (2014 г. – 196) уголовных дел, в том числе 21 (2014 г. – 9) по ст. 318 УК РФ, 63 (2014 г. – 33) по ст. 319 УК РФ, 163 (2014 г. – 154) по ст. 321 УК РФ, из них 11 (2014 г. – 12) преступлений с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, по ч. 3 ст. 321 УК РФ [1].

Таким образом, статистические данные свидетельствуют о росте преступлений, совершенных осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми в местах изоляции от общества. При этом можно предположить, что официальная статистика по ним весьма далека от реальной картины, так как этому во многом способствуют сами сотрудники мест лишения свободы. В связи с этим руководством ФСИН России и других правоохранительных органов в последнее время все больше внимания уделяется недопущению и пресечению подобных действий.

Используемые источники

1. Обзор ФСИН России от 25 февраля 2016 г. № 03-9613 «О соблюдении мер безопасности сотрудниками ИУ при осуществлении служебной деятельности».
2. Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Приморскому краю. URL: <http://primorsky.sledcom.ru/news/item/1021763/> (дата обращения: 23.04.2016).
3. Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika> (дата обращения: 11.06.2015).
4. Приказ ФСИН России от 25 марта 2016 г. № 204. Приложение: Решение коллегии ФСИН России «Об итогах деятельности УИС в 2015 году и задачах на 2016 год».
5. Фомин Ю.С. Проблемы расследования преступлений, совершенных в условиях исправительных учреждений, в современных условиях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Хохрин С.А. Предупреждение пенитенциарной преступности: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2016. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.288

ВИДЫ ПОВЕДЕНИЯ, СОДЕЙСТВУЮЩЕГО
РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Кашипов Р.М., начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В статье автором рассмотрены виды и юридические последствия позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление. Проведен анализ различных видов поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступлений, предусмотренных уголовным законодательством России.

Ключевые слова: преступление; посткриминальное поведение; смягчающие обстоятельства; явка с повинной; активное содействие раскрытию и расследованию преступления.

PROMOTING BEHAVIORS DETECTION AND INVESTIGATION
OF CRIMES AND THEIR PENAL CONSEQUENCE

Kashapov R.M., chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law, associate professor

In this article the author reviewed the types and legal consequences of post-positive behavior of the person who committed Presto-prisoners. The analysis of different types of behavior, a promotional-ment to disclose and investigate crimes provided by the Criminal legislative-Russian stances.

Keywords: crime; behavior of post-mitigating; extenuating circumstances; voluntary surrender; active contribution to revelation and investigation of crimes.

Анализ регистрируемой преступности за последние пять лет свидетельствует об изменении тенденций в развитии криминальной ситуации. В 2011 г. в России было зарегистрировано 2404,8 тыс. преступлений, или на 8,5% меньше, чем за АППГ; в 2012 г. их число составило 2302,2 тыс. преступлений, или на 4,3% меньше, чем за АППГ; в 2013 г. – 2206,2 тыс. преступлений, или на 4,2% меньше, чем за АППГ; в 2014 г. – 2166,4 тыс. преступлений, или на 1,8% меньше, чем

за АППГ. В 2015 г. криминальная ситуация несколько осложнилась – зарегистрировано 2388,5 тыс. преступлений, или на 9 % больше, чем за АППГ*.

Число раскрытых преступлений составило: в 2011 г. – 1311,8 тыс., что на 8,3% больше, чем в 2010 г.; в 2012 г. – 1252,8 тыс. преступлений, что на 4,5 % меньше, чем в 2011 г.; в 2013 г. – 1238,3 тыс. преступлений, что на 1,2% меньше, чем в 2012 г.; в 2014 г. – 1176,4 тыс. преступлений, что на 5,0%, меньше, чем в 2013 г.; в 2015 г. – 1254,7 тыс. преступлений, что на 5,9 % больше, чем в 2014 г. [2].

В структуре преступности за предыдущий год преобладают преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, оружия, экономической, террористической и экстремистской направленности. При этом особую тревогу вызывает рост количества преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан, в том числе фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. За истекший год 42,6% всех зарегистрированных преступных деяний составили кражи.

Эффективность уголовной политики прямо зависит от совершенствования работы органов предварительного расследования, участия граждан в выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании преступлений, от правильного применения законодательства. Очевидно, что в деле раскрытия и расследования преступлений ведущую роль играет уголовно-процессуальное законодательство. Однако это не означает, что уголовное право не обладает возможностями влиять в той или иной степени на результативность деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений. Такие возможности имеются в действующем уголовном законе.

В настоящее время вопрос о возможностях уголовного права в раскрытии и расследовании преступлений недостаточно исследован. Уголовно-правовые нормы, влияющие на раскрываемость преступлений, если и анализировались, то в ином аспекте, разрозненно и применительно к другим институтам уголовного права. Это положение нельзя признать отвечающим нуждам уголовно-правовой борьбы с преступностью на современном этапе.

Посткриминальное поведение виновного имеет большое значение для раскрытия и расследования преступления. Часто ход и результаты предварительного расследования в немалой степени зависят от того, содействует ли виновный раскрытию и расследованию преступления или, напротив, активно противодействует ему.

В пункте «и» ст. 61 УК РФ законодатель, не раскрывая содержания, перечислил виды поведения, содействующего раскрытию и

* Сведения за 2015 г. представлены с учетом статистических данных Крымского федерального округа.

расследованию преступления, – явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

Также следует выделить виды поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступлений, не предусмотренные непосредственно в норме уголовного закона, но охватываемые диспозицией этих норм: а) выдача орудий и средств совершения преступления; б) задержание и доставление в правоохранительные органы соучастников преступления; в) указание места захоронения трупа (например, по убийствам); г) содействие розыску предметов преступления (например, оружия, наркотических средств, документов и т.д.); д) содействие в отыскании вещественных доказательств; е) указание места сокрытия похищенного имущества, каналов его приобретения и сбыта.

Содержание перечисленных в п. «и» ст. 61 УК РФ видов поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступлений, очевидно для правоприменителя и не должно вызывать затруднений при их установлении.

Кроме того, в п. 29, 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 обращается внимание судов и правоохранительных органов на виды поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступления (явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления) [1].

Под явкой с повинной, которая в силу п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание, следует понимать добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении, сделанное в письменном или устном виде [1, п. 29].

Активное способствование раскрытию и расследованию преступления следует учитывать в качестве смягчающего наказания обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, если лицо о совершенном с его участием преступлении либо о своей роли в преступлении представило органам дознания или следствия информацию, имеющую значение для раскрытия и расследования преступления (например, указало лиц, участвовавших в совершении преступления, сообщило их данные и место нахождения, сведения, подтверждающие их участие в совершении преступления, а также указало лиц, которые могут дать свидетельские показания, лиц, которые приобрели похищенное имущество; указало место сокрытия похищенного, место нахождения орудий преступления, иных предметов и документов, которые могут служить средствами обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела) [1, п. 30].

В части 1 ст. 62 УК РФ указано, что при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ,

и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса.

Диспозиция ст. 75 УК РФ предусматривает возможность освобождения лица, в случае позитивного посткриминального поведения, в том числе поведения, способствующего раскрытию и расследованию преступления, – явки с повинной, способствования раскрытию и расследованию преступления.

Кроме того, виды поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступления, указаны в примечаниях к ст. 127.1, 178, 204, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 291, 291.1, 322.2, 322.3 УК РФ.

В указанных статьях законодатель говорит о «способствовании раскрытию совершенного преступления», об «активном способствовании раскрытию и (или) расследованию преступления», о «способствовании раскрытию совершенного преступления и выявлению других лиц», об «активном способствовании раскрытию или пресечению преступлений».

Считаем, что рассматриваемый перечень статей нужно дополнить ст. 205, 275, 276, 278, 282.3 УК РФ. В примечаниях к этим статьям хотя и не указано о способствовании раскрытию и (или) расследованию преступления, но такое поведение усматривается из толкования примечаний.

Так, в примечании к ст. 205 УК РФ одним из условий, перечисленных законодателем, является своевременное предупреждение органов власти или иным способом способствование предотвращению осуществления террористического акта; в примечании к ст. 275 УК РФ – добровольное и своевременное сообщение органам власти или иным образом способствование предотвращению дальнейшего ущерба интересам РФ; в примечании к ст. 282.3 УК РФ – своевременное сообщение органам власти или иным образом способствование предотвращению либо пресечению преступления, которое лицо финансировало, а равно способствование пресечению деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации, для обеспечения деятельности которых оно предоставляло или собирало средства либо оказывало финансовые услуги.

Термины «иным образом способствование предотвращению, пресечению» и т.д. в той или иной степени подразумевают действия лица, входящие в способствование им как раскрытию, так и расследованию преступления.

Таким образом, российское законодательство стимулирует лицо, совершившее преступление, к видам поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступления, и предусматривает позитивные уголовно-правовые последствия такого поведения:

1) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ (ч. 1 ст. 62 УК РФ);

2) возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК РФ);

3) освобождение от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ (ст. 127.1, 178, 204, 205, 205.3, 210, 212, 228, 228.3, 275, 276, 278, 282.3, 291, 291.1, 322.2, 322.3 УК РФ).

Используемые источники

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 20.02.2016).
2. Состояние преступности в России за 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 гг. // Официальный сайт МВД России. URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 20.02.2016).

УДК 343.97

НАСИЛЬСТВЕННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Кернаджук И.В., доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

Статья посвящена выявлению причин и условий, способствующих совершению насильственной и корыстно-насильственной преступности несовершеннолетних, исследованию причин роста латентной насильственной преступности. Рассматриваются виды групп несовершеннолетних и влияние лидера на совершение данных преступлений, а также влияние криминальной среды и криминальной субкультуры на правосознание несовершеннолетних.

Ключевые слова: насильственная и насильственно-корыстная преступность; группы несовершеннолетних; лидер; правосознание.

VIOLENT JUVENILE CRIME

Kernadzhuk I.V., chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law

The article identifies the causes and conditions conducive to the Commission of violent and selfish and violent juvenile crime, the study of the reasons for the growth latent of violent crime. We consider the types of groups imperfectly-year-old and the leader's influence on the Commission of these crimes, as well as influencetion of the criminal environment and criminal subculture in the consciousness of the not-adult.

Keywords: violent and violent acquisitive crime; minor group; the leader; the sense of justice.

Криминальная ситуация в России в начале XXI столетия остается сложной. В последнее время наблюдается рост криминализации несовершеннолетних. Серьезной проблемой для общества становится насильственная преступность несовершеннолетних. Насилие для них становится нормой, выступающей в роли одного из способов самоутверждения. Проблема насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и их предупреждения вызывает особый интерес не только у криминологов, но и практических работников правоохранительных органов. Необходимость защиты общества от насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, определяется, в первую очередь, повышенной степенью общественной опасности личности таких подростков и, во вторую очередь, тем, что под угрозу ставятся наиболее значимые для человека ценности – жизнь и здоровье.

На сегодняшний день насильственная преступность несовершеннолетних приобрела новые качества: организованность, жестокость, дерзость. Особенно это касается таких преступлений, как убийство, причинение вреда здоровью различной тяжести. Нередко при совершении корыстно-насильственных преступлений применяется оружие.

Необходимо отметить рост латентной насильственной преступности. Она представляет собой скрытую (естественную) и незарегистрированную (искусственную) преступность. Масштабы естественной латентной преступности несовершеннолетних огромны. Она в десятки раз превышает зарегистрированную преступность. Львиную долю данной преступности составляют насильственные и корыстно-насильственные преступления. Латентная преступность несовершеннолетних является одним из важных факторов, детерминирую-

щих дальнейший рост преступности, порождающих безнаказанность за совершенные противоправные деяния и правовой нигилизм.

Появляются новые формы насильственных и корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетних, растет количество этих видов преступлений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой. Данную групповую преступность условно можно разделить на несколько групп, в зависимости от состава и лидера в группе.

Первую группу (подростковая) составляют лица в возрасте 14-18 лет, хотя к ним могут примыкать и несовершеннолетние лица в возрасте от 10 до 14 лет. Лидером является лицо этого же возраста. В большинстве случаев характерными для данной группы являются случайные насильственные и ситуативные корыстно-насильственные преступления.

Вторую группу (смешанную юношескую) так же, как и первую группу, составляют лица в возрасте 14-18 лет, в нее могут входить и лица, не достигшие 14 лет, а также лица старше 18 лет, но которые в силу психического, физического или умственного отставания в развитии не могут занимать в ней лидирующее положение. Данная группа, как и первая, как правило, совершает случайные ситуативные насильственные и корыстно-насильственные преступления. Данные преступления совершаются в связи с потребностью в самореализации, в демонстрации своих способностей и возможностей, в самоутверждении и признании в группе посредством завоевания авторитета. Кроме того, для данной группы характерно совершение спланированных преступлений, но они не являются регулярными.

Третью группу (смешанную) составляют как несовершеннолетние лица, так и лица, достигшие 18-летнего возраста, где лидирующее положение может занимать как несовершеннолетний, так и взрослое лицо. Преступная деятельность в ней направлена на удовлетворение потребностей как личных, так и групповых. Ей свойственно в большей степени совершение корыстно-насильственных преступлений и преступлений материального характера (кражи, грабежи, причинение вреда различной тяжести, вымогательство и т.д.).

Четвертую группу (смешанную с преступной направленностью) составляют как несовершеннолетние лица, так и лица, достигшие 18-летнего возраста, где лидирующее положение занимает лицо, ранее отбывавшее наказание в виде лишения свободы либо находящееся в определенной зависимости от таких лиц. Данная преступная группа более опасна и более организована, в ней отмечается большая сплоченность, в некоторой степени профессионализм, спланированность, регулярность совершения преступлений. Преступная деятельность в ней направлена на удовлетворение потребностей как личных, так и групповых. Лиц, входящих в данную группу, характе-

ризует общность криминальных взглядов и интересов, поддержка в совместной преступной деятельности, преступная романтика, подмен ценностных ориентиров на эмоционально насыщенные атрибуты и «понятия».

В деятельности данных групп важную роль играет лидер. Именно от тех умственных и психофизиологических качеств, которыми наделена личность, являющаяся лидером группы, зависит направление и интенсивность ее деятельности. Одной из важнейших черт лидера является умение найти выход из любого положения для себя, а впоследствии и для своих членов группы, умение быстро ориентироваться в сложившейся ситуации и использовать ее в своих целях. Не последняя роль отводится и таким чертам, как физическая сила, бескорыстная помощь членам группы, властность, бесцеремонность, умение приспособиться к любым условиям, поддержка рискованных мероприятий, умение вырабатывать тактику поведения и т.д.

В основе преступного поведения несовершеннолетних лежат особенности развития их правосознания, в частности, преобладание неофициальных источников формирования их правовых знаний, представлений и отношений, распространяющих противоправные взгляды и поведение. Несовершеннолетним, совершающим насильственные преступления, свойственны относительная устойчивость антиобщественных установок, извращенный характер жизненных ориентаций. В окружающей их криминальной среде они встречаются со специфическими нормами поведения, вынуждены подчинять им свои взгляды и поведение, чтобы не попасть в число презираемых. Кроме того, они оказывают негативное влияние на других подростков, вовлекая их в противоправную деятельность.

Негативное влияние на формирование правосознания оказывает криминальная субкультура. Свойственные ей «законы», «традиции» преступного образа жизни, ценности, обычаи, привычки регулируют поведение несовершеннолетних и отношение к другим лицам. Употребление уголовно-воровского жаргона, распространность «блатных» песен, наличие враждующих группировок, ведущих борьбу за власть, общий «котел» членов групп, существование жестокой групповой иерархии – все это отрицательно сказывается на формировании их мировоззрения.

Распространение воровских традиций и воровской романтики тесным образом связано с воспроизводством профессиональных преступников из числа несовершеннолетних. Процесс стабилизации антиобщественной установки, базирующейся на тюремной субкультуре, среди несовершеннолетних протекает гораздо быстрее, чем среди взрослых лиц, особенно при длительном пассивном отношении к ней со стороны правоохранительных органов.

Рост криминальной «зараженности» несовершеннолетних вызывает озабоченность в обществе и его негативное отношение к правоохранительным органам. Формируется соответствующая общественная реакция. Общество ощущает свою незащищенность от преступных посягательств несовершеннолетних, а это способствует социальной напряженности в обществе. Подобные проблемы не могут не волновать государство и общество, которые обязаны противодействовать преступности вообще, в том числе и насильственной преступности несовершеннолетних. Все это свидетельствует о необходимости изучения связанных с этим явлением проблем и разработки профилактических мер. Назрела необходимость разработки комплексных мероприятий по профилактике не только насильственной, но преступности несовершеннолетних в целом. Борьба с преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними, требует улучшения предупредительной работы как главной составной части деятельности органов внутренних дел, поиска резервов повышения эффективности их профилактической работы.

УДК 343.7

РАЗБОЙ: ИСТОРИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Корецкий В.П., доцент кафедры Хабаровского государственного университета экономики и права кандидат юридических наук, доцент

В статье исследуются состав преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ, момент окончания данного преступления, обоснованность признания завершенного преступления на стадиях приготовления или покушения.

Ключевые слова: разбой; признаки разбоя; стадии преступления; покушение; кража.

ROBBERY: A HISTORICAL-COMPARATIVE ANALYSIS AND ISSUES OF IMPROVEMENT OF CRIMINAL LAW

Koretskii V.P., chair associate professor of the Khabarovsk State University of Economics and Law Kandidat nauk degree in Law, associate professor

This article examines the crime under article 162 of the criminal code of the Russian Federation, the time of completion of the crime, the validity of recognition of completed crime on the stages of preparation or attempt

Keywords: brigandage; signs of brigandage; stage of a crime; attempt; theft.

Понятие и сущность хищения многие годы являются предметом исследования ученых-криминалистов. Анализ теории и практики применения уголовного законодательства в нашей стране и за рубежом показывает неоднозначность суждений и выводов относительно момента окончания разбоя как состава преступления. Думается, пора решить данный вопрос в отечественном уголовном законодательстве, учитывая определение, данное в примечании ст. 158 УК РФ, где под хищением понимается изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Многие годы в советском уголовном законе и до настоящего времени конструкция состава преступления «Разбой» неизменна и именуется не как хищение, как нападение в целях хищения. В российском Уголовном уложении оконченным грабеж, разбой и кража считались с момента утраты владения имуществом потерпевшим и перехода имущества во владения виновного; с употребления или попытки употребления насилия, физического или психического, начинается область наказуемого покушения [9, с. 243].

Исходя из сказанного, уже можно сделать предварительный вывод, что конструкция разбоя методом усеченного состава законодательно не обоснована и требует доработки. Следует, на наш взгляд, вернуться к практике более чем 100-летней давности определения оконченности совершения хищения, о чем было сказано выше. Исходя из понятия собственности, действительно неоспорим факт, что при совершении хищения любой формы оно является оконченным только с момента утраты собственником прав пользования, владения и распоряжения имуществом.

Сравнительный анализ уголовного законодательства зарубежных государств в части понятия и момента оконченности разбоя показал в большинстве случаев единообразный подход к определению сущности и признаков данной формы хищения. Проведем небольшой экскурс по уголовным кодексам других стран.

Так, в соответствии с § 249 УК ФРГ под разбоем понимается «кто, применяя насилие или угрозы, создающей в момент ее применения опасность для здоровья или жизни, изымает чужую движимую вещь у этого лица с намерением противоправно изъять ее для себя или третьего лица». Данный УК предусматривает разбойную кражу, т.е. «тот,

кого застают на месте кражи, применяет против человека насилие или угрожает сиюмоментной опасностью его здоровью и жизни, чтобы оставить в своем владении краденые вещи» [7, с. 400-402].

УК Австрии (§ 142) под разбоем понимает «кто, применяя силу против другого лица или угрожая созданием наличной опасности для здоровья и жизни изымает у другого лица чужую движимую вещь или принуждает отдать ему с намерением незаконно обогатиться самому или обогатить третье лицо в результате такого присвоения» [1, с. 189-190].

В соответствии со ст. 176 УК Латвии под разбоем понимается похищение чужого движимого имущества, соединенное с насилием или угрозой насилия [3, с. 184]. А в соответствии со ст. 180 УК Литвы «кто с применением физического насилия либо с угрозой немедленного его применения либо иным способом лишил потерпевшего возможности сопротивляться, похитил чужое имущество» [4, с. 277].

Аналогичный подход к сущности разбоя усматривается и в УК Республики Сербия. В соответствии со ст. 168 «кто путем применения насилия в отношении другого лица, либо путем непосредственной угрозы причинением вреда его жизни или здоровью осуществляет изъятие движимого имущества другого лица с целью неправомерного извлечения имущественной выгоды для себя или иного лица путем его обращения в свою пользу либо в пользу иного лица» [6, с. 193-194].

Приведем еще несколько примеров, подтверждающих единообразие в определении сущности разбоя.

УК Японии (ст. 236) гласит: «тот, кто путем применения насилия или угроз отобрал у другого лица его имущество, признается совершившим разбой». А в соответствии со ст. 238 УК Японии «тот, кто после похищения имущества употребляет насилие или угрозы для того чтобы воспрепятствовать возвращению похищенного, или для того, чтобы избежать задержания или скрыть следы преступного деяния, признается совершающим разбой» [8, с. 143-144].

Уголовное законодательство Норвегии и Аргентины под ограблением понимают совершение хищения путем кражи, грабежа либо разбоя. Так, УК Норвегии (§ 267) грабителем считает лицо, которое с целью получить для себя или другого незаконную прибыль присваивает предмет, полностью или частично принадлежащий другому лицу, совершая насилие против него, лишая его возможности оказывать сопротивление, или путем угроз, вызывающих серьезный страх перед насилием [5, с. 227].

УК Аргентины (ст.164) определяет грабителем того, «кто незаконно завладел движимой вещью, полностью или частично чужой, применив силу против вещей или физическое насилие против людей, если насилие имело место до кражи с целью содействия ее осу-

ществлению, или в процессе ее совершения или после совершения с целью обеспечить безнаказанность» [2, с. 137].

Анализ уголовного законодательства вышеназванных государств показал единый подход в определении момента окончания хищения независимо от формы его совершения. Таким образом, при совершении кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения, растраты, преступление следует считать совершенным с момента утраты собственником права владения, пользования либо распоряжения имуществом по причине его незаконного изъятия.

Учитывая повышенную общественную опасность разбоя, предлагается ввести примечание к ст. 162 УК РФ и установить: «Покушение может быть наказуемо так же, как и оконченное преступление». Такой подход известен УК Норвегии (§ 148, 150, 151a) [5, с. 155-157]. При этом разбой вполне обоснованно определить как «открытое хищение чужого имущества, связанное с насилием, опасным для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия».

Используемые источники

1. Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004.
2. Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003.
3. Уголовный кодекс Латвии. СПб., 2001.
4. Уголовный кодекс Литвы. СПб., 2003.
5. Уголовный кодекс Норвегии. СПб., 2003.
6. Уголовный кодекс Республики Сербия. СПб., 2009.
7. Уголовный кодекс ФРГ. СПб., 2003.
8. Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. СПб., 1912.

УДК 343.712.3

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С ПРИМЕЧАНИЕМ К СТ. 126 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Костенко К.А., заведующий кафедрой Пятого факультета повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены актуальные вопросы несовершенства уголовно-правовых мер по защите интересов потерпевшего после его добровольного освобождения похитителем (ст. 126 УК РФ), обсуждается возможность непосредственного применения примечания к указанной норме закона при отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела.

Ключевые слова: похищение человека; похититель; потерпевший; освобождение от уголовной ответственности.

RELEASE FROM CRIMINAL LIABILITY UNDER
COMMENT TO ARTICLE 126 OF THE CRIMINAL CODE:
PROBLEMS OF ENFORCEMENT

*Kostenko K.A., chair head of the Fifth faculty of advanced training
IPK Academy of the IC of Russia (Khabarovsk)*

The article deals with topical issues of the imperfections of the criminal law measures to protect the interests of the victim after his voluntary release of a thief (Art. 126 of the Criminal Code), and discussed the possibility of direct application of the notes to this norm of the law in refusing to initiate criminal proceedings or termination of the criminal case.

Keywords: kidnapping; the kidnapper; the victim; exemption from criminal liability.

Существующие в Российском государстве законодательные механизмы освобождения лиц от уголовной ответственности на основании примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ не всегда всецело подчинены конституционным принципам соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина и поэтому не всегда могут гарантировать полноценную защиту пострадавшего от преступления со стороны государства.

В уголовном праве Российской Федерации похищение человека (ст. 126 УК РФ) может являться как преступлением средней тяжести (ч. 1 ст. 126 УК РФ), так и особо тяжким преступлением (ч. 2, 3 ст. 126 УК РФ). При этом статья 126 УК РФ одна из немногих в Кодексе, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности лица по любой из ее частей в случае добровольного освобождения похищенного, если в его действиях не содержится состава иного преступления (по смыслу закона это может быть причинение физического вреда потерпевшему, незаконный оборот оружия и т.д.).

Следует отметить, что в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. ответственность за незаконное лишение свободы долгое время отсутствовала и была введена лишь Законом РФ от 18 февраля 1993 г. Но и тогда, вплоть до введения в 1996 г. УК РФ, эта норма не предполагала освобождение от уголовной ответственности в случае добровольного освобождения похищенного человека.

Практика освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям существует с давних времен. Российский законодатель, вводя в уголовное законодательство нормы об

освобождении от уголовной ответственности, основывался на принципах гуманизма и дифференциации ответственности. При этом государством достигается основная цель, которая также активно реализуется в мировой уголовной политике, – это исправление лица, совершившего преступление, без реализации уголовной ответственности. В то же время следует отметить и высокую превентивную роль освобождения от уголовной ответственности, напрямую влияющую на уровень преступности в стране [2 с.17].

Например, является очевидным, что добровольное освобождение похищенного человека позволяет извлечь потерпевшего из среды, чреватой для него опасностью причинения вреда здоровью или имуществу; пресечь как преступление, связанное с похищением человека, так и возможное совершение иного преступления, а также одновременно предотвратить рецидив и направить лицо, совершившее преступление, на путь исправления.

Цели, которые преследует примечание к ст. 126 УК РФ, в целом оправданы, однако, на наш взгляд, явно недостаточны для полной защиты интересов потерпевшего. Для лица, добровольно освободившего похищенного, правильнее было бы ввести уголовно-правовые механизмы, стимулирующие отказ от продолжения преступных действий, путем существенного смягчения уголовной ответственности, а не полного освобождения от нее. Допустим, назначение наказания, не связанного с лишением свободы, либо назначение наказания с применением ст. 64 УК (более мягкого наказания, чем предусмотрено за совершение данного преступления), а в случаях совершения преступления по ч. 1 ст. 126 УК освобождение от наказания в соответствии со ст. 80.1. УК РФ.

Вопрос применения примечания к статье о похищении человека является наиболее важным, ведь полное освобождение от уголовной ответственности в законе никак не увязано с продолжительностью похищения человека во времени, а также с достижением целей, к которым стремился виновный, и некоторыми другими условиями.

Такое построение уголовного законодательства отрицательно сказывается на интересы потерпевших. Потерпевший, испытав мощное воздействие совершенного в отношении его преступления, будучи освобожденным, в какой-то мере оказывается не у дел, и этому есть примеры.

Так, Н. после отбытия наказания похитил гражданина, выступившего главным свидетелем обвинения на процессе, в результате которого он был осужден. Похищенный был помещен в подвал садового домика, где Н. оборудовал мини-тюрьму. Родственники обратились в милицию с заявлением о безвестном исчезновении, но розыск успеха не имел, а так как у потерпевшего не было поводов к внезапному исчезновению, его близкие пришли к выводу, что он погиб при неизвестных обстоятельствах. Через два года Н. счел себя отомщенным и освободил жертву [4].

В данном примере действия Н. содержат признаки ст. 126 УК РФ, при этом, согласно примечанию к данной статье, он подлежит освобождению от уголовной ответственности, так как в его действиях не содержится состава иного преступления и похищенный он освободил добровольно. Что может получить потерпевший в качестве хотя бы компенсации морального вреда за 2 года заточения? Этот вопрос довольно сложный.

Приведем еще пример.

Предприниматель, с которым солидная зарубежная фирма вела переговоры о заключении долгосрочного договора, обратился к поддерживающей его организованной преступной группировке, чтобы на некоторое время изолировать своего конкурента, пытающегося наладить отношения с той же фирмой. Участники группировки похитили указанное лицо, отвезли на пустующую дачу, а отпустили через две недели, когда желаемый договор без помех был заключен [4].

Здесь как заказчик похищения, так и его исполнители уголовной ответственности не подлежат. При этом следует отметить, что если бы речь шла не о похищении человека, а о незаконном лишении свободы – преступлении менее тяжком (например, конкурента лишили свободы передвижения на личной даче, куда он приехал по своей воле), – формальные основания для освобождения от уголовной ответственности отпали бы, поскольку статья 127 УК РФ не содержит такого примечания, как ст. 126 УК РФ.

Следует отметить, что следователи следственных подразделений СК России при возбуждении уголовного дела в вопросах квалификации фактов безвестного исчезновения граждан часто видят конкуренцию между ст. 105 УК РФ (убийство) и ст. 126 УК РФ (похищение человека), т.к. на данном этапе, когда имеются основания полагать, что в отношении безвестно пропавшего потерпевшего совершено преступление, определить, какое именно это преступление, достаточно сложно. Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев возбуждается уголовное дело об убийстве. При этом в случае, если потерпевший найден живым и заявил о своем похищении, квалификация действий виновного в рамках уголовного дела, возбужденного по убийству, корректируется в сторону ст. 126 УК РФ.

На наш взгляд, в случае наличия объективных данных о том, что жертва преступления была похищена, но она жива и уже добровольно освобождена, в зависимости от обстоятельств происшедшего, наличия либо отсутствия в действиях похитившего состава иного преступления, может быть как возбуждено уголовное дело по ст. 126 УК РФ, так и принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела со ссылкой на примечание к ст. 126 УК РФ.

В последнем случае, при возбуждении уголовного дела поводом для его прекращения, наряду с примечанием к ст. 126 УК РФ, слу-

жит специальное основание, предусмотренное ч. 2 ст. 28 УПК РФ, а в случае отказа в возбуждении уголовного дела, на наш взгляд, примечание действует непосредственно, без задействования специальной нормы (ч. 2 ст. 28 УПК РФ). Указанное утверждение – позиция автора, хотя, если изучить работы некоторых ученых, она не бесспорна.

Так, по мнению профессора И.Э. Звечаровского, в случае прекращения уголовного дела на основании примечания к соответствующей статье Особенной части УК РФ в УПК РФ предусмотрено специальное основание в ч. 2 ст. 28 и уголовное дело не может прекращаться только на основании уголовного закона [1].

Другие ученые-юристы отмечают, что примечания к статьям Особенной части УК РФ обладают обязательной и безусловной юридической силой, наравне с положениями самих статей УК РФ [3].

Рассмотрение вопроса было бы неполным, если не упомянуть разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, указывающие, что «освобождение от уголовной ответственности за преступление небольшой или средней тяжести в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части УК РФ, производится по правилам, установленным такими примечаниями. При этом выполнения общих условий, предусмотренных частью 1 ст. 75 УК РФ, не требуется». Общие условия, о которых говорит Пленум, – это раскаяние, категория преступления небольшой и средней тяжести, которые должны быть совершены впервые.

Подводя итог, акцентируем внимание на двух проблемах правоприменения примечания к ст. 126 УК РФ, требующих законодательного урегулирования. Во-первых, это несовершенство уголовно-правовых мер по защите интересов потерпевшего после его добровольного освобождения похитителем и, во-вторых, неопределенность в возможности непосредственного применения примечания как основания для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения дела с безусловной ссылкой только на примечание к ст. 126 УК РФ в целях освобождения от уголовной ответственности.

Используемые источники

1. Звечаровский И.Э. Отграничение преступного от не преступного в уголовном законе: материальные последствия и процессуальная форма // Уголовное право. 2013. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Ким Е.П., Костенко К.А. К вопросу о некоторых особенностях освобождения от уголовной ответственности на основании примечаний к соответствующим статьям Особенной части УК РФ // Российский следователь. 2014. № 17.
3. Рубанова С.Н. Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: автореф. дис. ... канд.

- юрид. наук. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России. 2011.
URL: <http://lawtheses.com> (дата обращения: 29.02.2016).
4. URL: <http://www.refine.org.ua>print.php?page=12&rid =10276> (дата обращения: 04.03.2016).

УДК 343.1

О НЕОБХОДИМОСТИ УЧЕТА ОПЫТА РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Кузора С.А., доцент кафедры Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук*

Статья посвящена анализу норм уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве, касающихся проблем предъявления обвинения и пределов судебного разбирательства в ходе производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное преследование; пределы судебного разбирательства; следователь; прокурор; обвиняемый.

THE NEED TO CONSIDER THE EXPERIENCE OF DEVELOPED
CRIMINAL PROCEDURAL LAW POST-SOVIET SPACE

*Kuzora S.A. associate professor of the Vladivostok branch of the Far
Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law*

This article analyzes the rules of criminal procedure legislation of the former Soviet Union countries, the problems relating to the laying of charges and the scope of judicial proceedings in the course of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure; criminal prosecution; beyond the trial; the investigator; the prosecutor; the accused.

Принятые в 1958 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [2] установили общие стандарты уголовного судопроизводства для всех республик, входивших в состав Советского Союза, на основе которых каждая из республик приняла

в начале 60-х гг. XX в. свой Уголовно-процессуальный кодекс. Распад СССР в начале 90-х гг. XX в. повлек за собой распад не только единой политической системы на постсоветском пространстве, но и изменение уголовно-процессуального законодательства образовавшихся государств. Анализ уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве позволил выделить две группы стран:

- первая группа стран (Кыргизия, Таджикистан, Узбекистан) приняла новые УПК, во многом схожие с Уголовно-процессуальным кодексом РФ 2001 г.;

- вторая группа (Украина, Казахстан, Молдова, Беларусь) приняла новые уголовно-процессуальные кодексы, существенно отличающиеся от УПК РФ и являющиеся наиболее «продвинутыми» в вопросах, касающихся организации предварительного расследования и судебного разбирательства.

В последнее время учеными неоднократно поднимался вопрос о необходимости учета тенденций развития уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве [2, с. 102], однако до сих пор не последовало какой-либо реакции отечественного законодателя на указанную проблему.

Анализ редакций уголовно-процессуальных кодексов стран СНГ позволяет выделить определенные тенденции в уголовно-процессуальном законодательстве, касающиеся направления уголовного дела в суд и формулирования обвинения.

Так, в УПК Белоруссии, принятом еще в 1999 г. [3], наши соседи одни из первых на постсоветском пространстве реализовали отказ от обвинительного заключения в том виде, в котором он существует в нашем УПК РФ 2001 г. Глава 30 УПК Белоруссии (ст. 252-262) регламентирует действия следователя по окончании предварительного расследования, определяя порядок ознакомления с материалами уголовного дела заинтересованных лиц, перечень которых аналогичен УПК РФ. Наиболее интересен здесь момент, касающийся итогового документа по окончании расследования. После окончания ознакомления с материалами уголовного дела и разрешения заявленных ходатайств следователь в порядке, предусмотренном ст. 260-262 УПК Республики Беларусь, выносит постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд, в котором указывает сведения о личности обвиняемого, квалификацию общественно опасного деяния и его описание. Кроме того, следователь представляет справку о движении уголовного дела, включающую в себя сведения о процессуальных сроках, мерах пресечения, гражданском иске. Прокурор, рассмотрев постановление следователя, может исключить или переqualифицировать обвинение на менее тяжкое преступление, после чего направляет уголовное дело в суд.

Примечательна и редакция ст. 301 УПК Белоруссии, регламентирующая пределы судебного разбирательства и закрепляющая по-

ложение о том, что если в ходе судебного следствия возникнет необходимость в изменении обвинения на более тяжкое либо в предъявлении нового обвинения, ухудшающего положение обвиняемого или существенно отличающегося по своему содержанию от ранее предъявленного обвинения, суд по ходатайству государственного обвинителя объявляет перерыв на срок до десяти суток для составления им нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого, после чего новое обвинение предъявляется обвиняемому, который допрашивается по новому обвинению, и далее предоставляет обвиняемому и его защитнику время, необходимое для подготовки к защите. Можно сказать, что данная редакция статьи УПК Белоруссии гораздо более прогрессивна по сравнению со ст. 252 УПК РФ, запрещающей изменения обвинения в суде в сторону, ухудшающую положение подсудимого, несмотря на то, что обвиняемому в Белоруссии время на подготовку к защите по новому обвинению предоставляется только после допроса по новому обвинению.

Весьма интересные положения, касающиеся окончания предварительного расследования, содержатся в УПК Республики Молдова. (УПК Молдовы употребляет термин «окончание уголовного преследования») [4]. В части 1 ст. 289 УПК Молдовы указано, что, признав собранные доказательства убедительными и достаточными для окончания уголовного преследования, орган уголовного преследования представляет дело прокурору вместе с заключением, в котором излагает результаты преследования с внесением предложения о постановлении одного из решений, предусмотренных ст. 291 УПК Молдовы, а именно:

- предъявляет обвинение исполнителю деяния согласно положениям, если ему не было предъявлено обвинение в ходе уголовного преследования, после чего составляет обвинительное заключение, в котором постановляет передачу дела в суд;

- если исполнителю деяния было предъявлено обвинение в ходе уголовного преследования, составляет обвинительное заключение, в котором постановляет передачу дела в суд.

После составления обвинительного заключения прокурор ознакомливает заинтересованные стороны с материалами уголовного дела и в порядке, предусмотренном ст.296 УПК Молдовы, составляет обвинительное заключение, после чего направляет уголовное дело в суд.

В качестве положительного момента необходимо отметить также наличие возможности изменения обвинения прокурором на более тяжкое в ходе судебного разбирательства. При этом, по аналогии с УПК Украины и Казахстана [2, с.104], прокурор формулирует новое обвинение, а суд предоставляет стороне защиты время на защиту от нового обвинения (ст.326 УПК Молдовы). Однако удивляет, что подобная возможность возникает у прокурора и в апелляционной инстанции.

Все вышеизложенное свидетельствует о динамичном развитии уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве. Страны, ранее входившие в состав СССР, реформируют свое уголовно-процессуальное законодательство, активно перенимают опыт европейских стран и своих соседей (например, Республика Молдова ориентируется на законодательство Румынии), отходя от устаревших положений Основ уголовного судопроизводства Союза ССР, положения которого просматриваются в отечественном УПК в вопросах, касающихся предъявления обвинения и пределов судебного разбирательства. К сожалению, наблюдение за реформированием отечественного законодательства не дает нам оснований для оптимизма в данном вопросе, и остается только надеяться на возможность учета такого опыта в будущем.

Используемые источники

1. Кузора С.А., Пахарьков К.А. Институт привлечения требует реформирования // Закон и право 2014. № 9.
2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 15.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: <http://continent-online.com>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV. URL: <http://continent-online.com>

УДК 343.13

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Лошакова Н.Е., преподаватель;

Маркелова Е.В., преподаватель;

Манина Е.Л., преподаватель

(Международный межведомственный центр подготовки сотрудников оперативных подразделений им. А.Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России)

В статье рассматриваются проблемные вопросы правоприменительной практики, связанные с получением сотрудниками оперативных подразделений информации о входящих и исходящих соединениях абонента в процессе осу-

ществления доследственных проверок по сообщениям о преступлениях, совершенных с использованием средств мобильной связи.

Ключевые слова: соединения между абонентами; неприкосновенность частной жизни; тайна телефонных переговоров и иных сообщений; оперативно-розыскные мероприятия.

TO THE QUESTION OF LAW ENFORCEMENT WHEN EXAMINING REPORTS ON CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF MOBILE COMMUNICATIONS

Loshakova N.E., lecturer;

Markelova E.V., lecturer;

Manina E.L., lecturer

(International interdepartmental center of training operational units named after A.N. Sergeev of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russia)

The article deals with the problematic issues of law enforcement practice of obtaining staff operational units of information about incoming and outgoing subscriber connections in the process of pre-investigation checks on reports of crimes committed with the use of mobile communication devices.

Keywords: connections between users; privacy; the secret of phone calls and other communications; operational-search activities.

В процессе проведения доследственных проверок по сообщениям о преступлениях, совершенных с использованием средств мобильной связи, сотрудники оперативных подразделений часто сталкиваются с проблемами получения информации о входящих и исходящих соединениях абонента (детализации телефонных звонков). Эти проблемы возникают в силу неоднозначного толкования норм различных нормативных правовых актов. Между тем «практика показывает, что получение детализации телефонных звонков с похищенного сотового телефона в большинстве случаев способствует раскрытию преступления при минимальных затратах времени и сил правоохранительных органов» [2].

В связи с этим представляется необходимым выработать единый подход (алгоритм действий) в целях решения проблем, возникающих как в системе МВД, так и в ходе взаимодействия с судом и прокуратурой. Это, в свою очередь, будет способствовать решению за-

дачи раскрытия преступлений и скорейшего изобличения лиц, их совершивших.

Проблема заключается в том, что при проведении доследственной проверки по материалам, связанным с использованием средств сотовой связи при совершении преступлений на территории Российской Федерации, не существует единого подхода к способу получения информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами с указанием местонахождения абонентов в момент соединений.

В некоторых регионах (например, в республике Адыгея) правоприменительная практика идет по следующему пути. Сотрудники оперативных подразделений обращаются в суд за разрешением на проведение оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи», однако судебные органы не дают сотрудникам оперативных подразделений разрешение на проведение данного ОРМ напрямую у оператора связи, рекомендуя решать данный вопрос с привлечением возможностей подразделений специальных технических мероприятий. Это обстоятельство существенно снижает оперативность проведения проверки и затрудняет процесс принятия обоснованного решения в порядке ст. 144 УПК РФ.

В других субъектах Российской Федерации (Кемеровская область, Ставропольский край, Свердловская область) при рассмотрении материалов доследственной проверки по аналогичным фактам телефонных мошенничеств выносится постановление о возбуждении перед судом ходатайства о получении разрешения на проведение оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» для истребования информации о соединениях между абонентами. Данную информацию оперативным сотрудникам предоставляют непосредственно операторы связи без привлечения подразделений специальных технических мероприятий.

В создавшейся ситуации возникает вопрос: нарушается ли конституционное право граждан на неприкосновенность частной жизни в данном случае? Почему необходимо получать судебное разрешение на получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, о продолжительности переговоров абонентов, а также на установление местонахождения абонентов в момент соединений? Ведь в данном случае не нарушается тайна телефонных переговоров, так как сами переговоры не прослушиваются.

Следует отметить, что и у Генеральной прокуратуры РФ не существует однозначной позиции по этому вопросу. Так, согласно разъяснению Генеральной прокуратуры РФ от 19 марта 1999 г. № 36-609/166-99, получение информации о входящих и исходящих вызовах абонента сотовой компании, о номерах абонентов, продолжительности их переговоров следует рассматривать как наведение справок, не требующее судебного решения. Однако в информаци-

онном письме Генеральной прокуратуры РФ от 19 декабря 2001 г. № 16/3-р-01 утверждается, что истребование сведений о проводимых с определенного телефона переговорах – о входящих и исходящих звонках – без решения суда является неправомерным и исполнению не подлежит.

Согласно ч. 1 ст. 64 Федерального закона «О связи», операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач, в случаях, установленных *федеральными законами** [5]. В данном случае, на наш взгляд, необходимо обратиться к положениям ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в которой указано, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения [4]. Представляется, что самым важным для нас в этой связи является определение понятия «тайна телефонных переговоров и иных сообщений».

Относительно содержания данного понятия свою позицию однозначно высказал Конституционный Суд РФ, который в своем Определении от 2 октября 2003 г. № 345-О [3] указал, что «право каждого на тайну телефонных переговоров по своему конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, *независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления.* В силу этого информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются *любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи;* для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения. Иное означало бы несоблюдение требования статьи 23 (часть 2) Конституции Российской Федерации о возможности ограничения права на тайну телефонных переговоров только на основании судебного решения».

* Здесь и далее выделено авторами.

Учитывая, что, согласно положениям ст. 125 Конституции РФ, Конституционный Суд РФ дает толкование Конституции, следует признать, что данная позиция, изложенная в вышеуказанном определении Конституционного Суда РФ и направленная на защиту конституционных прав граждан, является подтверждением необходимости получения судебного решения при проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» о соединениях между абонентскими устройствами с указанием местонахождения абонентов во время соединений.

Примечательно, что сложившаяся ситуация уже на протяжении многих лет является объектом пристального внимания и различных толкований со стороны видных российских ученых.

В частности, А.Е. Чечетин отмечает: «Конституционный Суд исходит из расширительного толкования понятия тайны телефонных переговоров. Такой подход, на наш взгляд, нарушает баланс интересов государства и личности в сторону последней, что в современной криминальной ситуации в России вряд ли оправданно» [6].

По мнению С.С. Батурина, необходимо в ст. 15 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об ОРД» закрепить право сотрудников оперативных служб и подразделений истребовать сведения о входящих и исходящих вызовах абонента на основании постановления начальника органа, уполномоченного на осуществление оперативно-розыскной деятельности, либо на основании постановления следователя, в рамках материала проверки о преступлении или возбужденного уголовного дела, что существенно повысит раскрываемость преступлений, где предметом преступного посягательства является сотовый телефон, или преступлений, раскрытие которых возможно преимущественно при помощи сведений о входящих и исходящих соединениях абонента, а также значительно уменьшит количество уголовных дел, возбужденных по недостоверным фактам, что очень важно при современных условиях дефицита материальных и кадровых возможностей правоохранительных органов [2].

И. Алещев, В.Зима, Е.Алексеева, напротив, высказывают мнение, что выдача сведений об исходящих и входящих телефонных соединениях абонента без соблюдения требований ч. 2 ст. 23 Конституции РФ, устанавливающей возможность ограничения права на тайну телефонных переговоров, возможна только на основании судебного решения [1].

Несомненно, получение судебного решения осложняет проведение оперативными сотрудниками оперативно-розыскных мероприятий, связанных с получением информации о соединениях абонентов. В процессе данного мероприятия у сотрудников, имеющих право на осуществление ОРД, появляется новый «барьер», что создает неудобство и снижает оперативность получения информации.

Однако, по нашему мнению, в данном случае без судебного решения не обойтись.

В целях выработки единого подхода к данному вопросу считаем необходимым внести в ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» дополнение следующего содержания: «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может производиться только на основании судебного решения». Данная норма устранил существующую неопределенность в вопросе защиты конституционного права граждан на тайну телефонных переговоров.

Представляется, что алгоритм действий оперативных сотрудников при получении разрешения на проведение гласного оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» в целях получения информации о соединениях между абонентскими устройствами с указанием местонахождения абонентов в момент соединений должен быть следующим. Сотрудник оперативного подразделения готовит мотивированное постановление с ходатайством перед судом о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок», которое подписывает один из руководителей органа, осуществляющего ОРД, правомочный на осуществление оперативно-розыскной деятельности. После этого постановление представляется в суд по месту проведения оперативно-розыскных мероприятий для принятия решения о допустимости проведения данного оперативно-розыскного мероприятия и получения судебного решения. Указанный материал рассматривается уполномоченным на то судьей единолично и незамедлительно. По результатам рассмотрения судья разрешает проведение соответствующего мероприятия либо отказывает в его проведении, о чем выносит мотивированное постановление без грифа «секретно», которое выдается инициатору проведения оперативно-розыскного мероприятия. В случае принятия положительного решения судьей о получении интересующей информации, постановление судьи направляется напрямую оператору связи или возвращается в оперативное подразделение для дальнейшего направления оператору сотовой связи.

Предложенный порядок (алгоритм) устранил существующую неопределенность в правоприменении и положительно отразится на сроках рассмотрения сообщений и принятия решений по материалам, связанным с противоправной деятельностью лиц, которые используют для совершения преступлений мобильные телефоны.

Используемые источники

1. Алещев И., Зима В., Алексеева Е. Детализация звонков Конституцией не защищается? // эж-ЮРИСТ. 2007. № 10.
2. Батурин С.С. К вопросу об истребовании информации с технических каналов связи // Правовые вопросы связи. 2011. № 2.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.
4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (в ред. от 13.07.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Чечетин А.Е. Ограничение тайны связи // Законность. 2005. № 7.

УДК 343.13

КУДА ДВИЖЕТСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО? ОБЗОРНО-КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Мамошин М.А., старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

В статье затрагиваются актуальные проблемы совершенствования отечественного уголовного процесса. На основе сравнительного анализа автор показывает, как происходило становление и развитие уголовно-процессуального законодательства, отмечаются позитивные и негативные перемены, происшедшие в нем за последние годы, дается критическая оценка действующему УПК РФ и вносятся некоторые предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: уголовный процесс; назначение уголовного судопроизводства; объективная истина; цели и задачи уголовного судопроизводства; состязательность сторон.

WHERE DOES THE DOMESTIC CRIMINAL PROCEEDINGS? REVIEW AND CRITICAL ASPECT

Mamoshin M.A., senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law

The article touches upon topical problems of improving the domestic criminal process. On the basis of comparative analy-

sis, the author show how the formation and development of the criminal procedure law, there are positive and negative changes that occurred in it in recent years, provides a critical appraisal of the current Criminal procedural code and made some suggestions for its improvement.

Keywords: criminal process; the purpose of criminal proceedings; the objective truth; goals and tasks of criminal proceedings; adversarial parties.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации на сегодняшний день является одним из самых обсуждаемых и критикуемых в научном сообществе нормативно-правовых актов. В чем причина этой критики и насколько она заслужена по отношению к УПК РФ?

Все познается в сравнении. Для начала необходимо обратиться к истории развития отечественного кодифицированного уголовно-процессуального законодательства и выделить несколько политических периодов, в условиях которых принимались законы, направленные на регулирование общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства.

Первый период: Империалистическая Россия. Данный период характеризуется тем, что 20 ноября 1864 г. в ходе великой отечественной судебной реформы были приняты Судебные уставы, состоящие из четырех самостоятельных кодексов, которые внесли колоссальный вклад в развитие российского судопроизводства и которые по праву признаны эталоном законотворчества, нашим наследием и ориентиром для будущих поколений ученых.

Уставы уголовного судопроизводства – первый кодифицированный нормативно-правовой акт, который в высшей степени соответствовал условиям и потребностям гражданского общества того времени. В условиях классовой разобщенности, напряженной политической обстановки, ведущим отечественным юристам, как ученым, так и практикам, удалось создать качественный закон, который, даже спустя столетие, вызывает хвалебные отзывы, особенно когда речь заходит о его сопоставлении с современными реалиями российского законотворчества.

Можно выделить несколько факторов успеха свершившейся судебной реформы в целом и принятия Уставов уголовного судопроизводства, в частности:

- 1) глубокая и системная разработка Уставов, привлечение к этой работе всей юридической общественности;
- 2) отсутствие ангажированности и самобытность правовых норм, соотносящаяся с потребностями отечественного государства и общества;

3) новаторские идеи, стержень которых направлен на привитие российскому народу уважения к закону, создание условий, где каждый человек мог почувствовать себя услышанным и защищенным;

4) повышение качества правосудия при решении правовых конфликтов, придание судебной деятельности стабильности, векторной направленности с тем, чтобы эта деятельность была законной, справедливой, мотивированной.

Именно Уставы уголовного судопроизводства 1864 г. впервые на законодательном уровне закрепили в качестве основополагающей цели всего уголовного судопроизводства необходимость устанавливать материальную истину по делу; ввели в судопроизводство состязательное начало; образовали мировых судей, суды присяжных как институт гражданского общества и привнесли много других новаторских идей, которые даже применительно к современным реалиям являются высшей ступенью демократического государства, соответствующего всем общепризнанным международным правовым стандартам.

Второй этап: Советская Россия. После Великой Октябрьской революции 1917 г. произошел слом устоев в политической, социальной и иных сферах жизни. Жить по-старому стало уже невозможно, а новые подходы требовали долгой и кропотливой работы. Что касается уголовного судопроизводства, то эта сфера также не осталась в стороне у новой политической власти, которая провозгласила несколько прогрессивных лозунгов: «Вся власть Советам!», «Земля крестьянам!», «Владыкой мира будет труд!» и т.д. В любом случае процесс возрождения правоохранительных органов был болезненным и затяжным в связи с непростой политической обстановкой, сложившейся после революции. За все существование Советского Союза было принято три уголовно-процессуальных кодекса РСФСР: 1922 г., 1923 г. и 1960 г. Надо понимать, что, несмотря на полный отход от империалистических устоев, многие правовые идеи, которые были заложены учеными-юристами еще в Уставы уголовного судопроизводства 1864 г., нашли свое закрепление и выражение в советских нормативно-правовых актах.

Вместе с тем на протяжении всего советского периода состязательность как важнейший тип уголовного процесса любого современного демократического государства был начисто исключен из правовой доктрины, наряду с такими не менее важными демократическими постулатами, как разделение властей, процессуальное равенство сторон и т.д. Власть была одна для всех, и она не допускала конкурирующих элементов в сферу своего господства. Соответственно, уголовный процесс не мог не быть подвержен политическому влиянию и директивам, которые требовали установления такого порядка производства, когда задачи уголовного преследования, защиты и принятия решения по делу входят в сферу компетенции

одного государственного органа. Такой процесс принято называть розыскным (инквизиционным).

Третий период: Современная Россия. Результатами начавшейся в середине 1980-х гг. перестройки стал развал Советского Союза и по сути образование нового государства – Российской Федерации. Тем не менее, еще почти десять лет уголовно-процессуальное законодательство «почивало на лаврах» советских достижений, продолжая бороться с преступностью и вершить правосудие методами и средствами, заложенными УПК РСФСР (1960), которые, по мнению современных реформаторов, уже потеряли актуальность и устарели в принципе. Таким образом, возникла потребность во внесении существенных корректив во многие сферы российской правовой системы, в том числе и в сферу уголовного судопроизводства. Движение устоявшихся нормативных концепций советского уголовно-процессуального законодательства в сторону их либерализации, обозначение в качестве высшей ценности прав и свобод человека и гражданина, расширение процессуальных гарантий обвиняемого, а также введение ряда институтов, характерных для демократического общества (суда присяжных, возрождение института мировых судей), настоятельно диктовали потребность в разработке нового Уголовно-процессуального кодекса. Но оправдал ли все возложенные на него надежды вступивший в силу с 1 июля 2002 г. УПК РФ? Удалось ли разработчикам нового закона получить тот результат, на который они рассчитывали, сделать его стабильным, отвечающим всем потребностям науки и практики, а также мировым стандартам? Ответ очевиден – не удалось.

Для данного вывода есть свои аргументы. Взяв в руки Уголовно-процессуальный кодекс РФ и открыв его первую страницу, мы тут же увидим обширный список изменений и дополнений, внесенных в данный кодекс различными федеральными законами за последние тринадцать лет. Спрашивается, может ли такой УПК быть оплотом стабильности как один из главных показателей его качества? Нет стабильности – нет качества.

С позиции соответствия нового закона доктринальной идее, провозглашенной на волне начавшихся в постсоветский период демократических преобразований, связанных с признанием человека и гражданина высшей ценностью и обязанностью государства обеспечивать защиту этих прав и свобод, к УПК РФ особых вопросов не возникает.

Из данного контекста вытекает, что УПК РФ удалось в некоторой степени усилить гарантии прав, законных интересов и свобод личности, укрепить роль суда при осуществлении правосудия, обеспечить его независимость, поскольку судебная власть самостоятельна и независима от законодательной и исполнительной ветвей власти, расширить институт защиты по уголовным делам, возродить

институт мировых судей, реанимировать институт присяжных заседателей в качестве дополнительной гарантии обеспечения состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве. Появился институт особого порядка производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, ранее не известный российскому уголовно-процессуальному праву. Существенно расширились диспозитивные права граждан, связанные с возможностью принятия ряда решений по их волеизъявлению и согласию (например, возбуждение дела частного обвинения и его прекращение, прекращение дел публичного обвинения (небольшой и средней тяжести) за примирением сторон, вследствие деятельного раскаяния и возмещения вреда подозреваемым или обвиняемым).

Новым является включение в УПК РФ раздела «Ходатайства и жалобы», который содержит важнейшие положения, касающиеся прав лиц, чьи права и интересы могут быть реализованы путем обращения с ходатайствами или защищены путем обжалования действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Все (или почти все) эти новеллы не могут не вызывать одобрительной реакции со стороны общественности, которой дороги либеральные ценности, завоеванные Россией в упорной борьбе на современном этапе.

Теперь же поговорим о некоторых проблемах УПК РФ, т.е. о его слабых сторонах. *Одним из главных недостатков действующего Кодекса является низкое качество нормативного регулирования уголовно-процессуальных вопросов.* Без всякого преувеличения должны с прискорбием констатировать, что фактически любая статья УПК РФ дает повод для дискуссий, в ряде случаев порождая коллизии между его смежными нормами, а некоторые нормы наполнены схоластичными посылками, вызывающими трудности в их правоприменении у практических работников (например, возможность принудительного получения образцов для сравнительного исследования в стадии возбуждения уголовного дела, возможность налагать денежное взыскание за нарушение обязательства о явке и т.д.).

Возьмем один из главных стержней уголовного судопроизводства – его назначение. Исходя из содержания ст. 6 УПК РФ, а также мнения некоторых непосредственных его разработчиков (в частности, Е.Б. Мизулиной), можно сделать вывод о том, что современный уголовный процесс не осуществляется более в интересах борьбы с преступностью [1, с. 16]. Как же иначе, если защита прав и законных интересов личности является приоритетной задачей по отношению к быстрому и полному раскрытию преступления, изобличению виновных, предупреждению и искоренению преступлений. Однако мы все должны понимать, что если не бороться с преступностью, то за-

щитить права и свободы человека и гражданина будет весьма проблематично.

Мнение отдельных авторов, что уголовный процесс направлен лишь на обеспечение возможности применения уголовного закона к определенному лицу, совершившему преступление, а не на борьбу с преступностью, с нашей точки зрения, не выдерживает никакой критики. Обеспечить применение уголовного закона возможно только в том случае, если преступление раскрыто, а преступник изобличен, и в этом усматривается лишь конечная цель уголовного процесса, его квинтэссенция. Это локальная цель, которая к тому же не всегда может быть достигнута по ряду объективных причин (например, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям). Социальным предназначением уголовного процесса и его общей целью является борьба с преступностью, которая теснейшим образом связана с другой немаловажной целью, закрепленной в ст. 6 УПК РФ, – защитой прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений.

Таким образом, на сегодняшний день УПК РФ, определяя в ст. 6 цели уголовного судопроизводства, отказывается от регламентации его задач. Проблемы нормативного регулирования, касательно соотношения «назначения», «целей» и «задач» уголовного процесса, привели к тому, что отдельные авторы начали подменять цели задачами, безосновательно отождествляя эти абсолютно самостоятельные по смыслу понятия. Следует напомнить, что в отличие от действующего УПК РФ, его предшественник – УПК РСФСР (1960 г.), в ст. 2 содержал исчерпывающий перечень задач уголовного судопроизводства (например, быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение виновных и т.д.).

Исключение конкретного перечня задач из российского уголовного процесса, на наш взгляд, не случайно и вызвано одним из важных обстоятельств – отказом законодателя от необходимости выяснения по каждому уголовному делу объективной истины. По мнению отдельных ученых, требование установления истины также несовместимо с состязательностью, так как лежащее в основе состязательности разграничение процессуальных функций между участниками уголовного процесса не способствует ее достижению [2, с. 37]. Объективная истина никому не нужна, ведь у каждой стороны уголовного судопроизводства (обвинения и защиты) предусмотрена своя истина.

Хочется подчеркнуть, что научные дискуссии о важности закрепления на нормативном уровне в уголовном процессе объективной истины, которые в настоящее время продолжают активно вестись, не должны расцениваться как чисто теоретические измышления, не имеющие существенной практической значимости при расследовании уголовных дел. Совершенно правы авторы, утверждаю-

щие, что отрицание возможности достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве, нацеливание практики не на ее достижение, а на установление максимальной вероятности того или иного события или отношения, дезорганизует следственную и судебную деятельность, приводит ее к грубейшим нарушениям законности [3, с. 13-14].

Также считаем, что объективная истина нужна российскому уголовному процессу и ее следует ввести в УПК РФ, но вначале необходимо выяснить, какое место она должна занимать в системе норм уголовно-процессуального регулирования, каково должно быть ее содержание, каковы критерии ее достижения. Все эти вопросы, конечно, можно решить на нормативном уровне, но в этом должен быть в первую очередь заинтересован законодатель.

Со сменой политического режима в России уголовный процесс трансформировался из розыскного в состязательный, что в полной мере отвечает современным демократическим преобразованиям и признанию человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 3 Конституции РФ). Состязательность выступает в качестве одного из значимых индикаторов либерализации уголовно-процессуального законодательства. Вместе с тем стоит задуматься, является ли современный российский уголовный процесс полностью состязательным, т.е. обладают ли стороны равными процессуальными правами и одинаковыми средствами защиты своих интересов на всех его этапах? Думается, что нет. Действительно, состязательность возведена законодателем в ранг самостоятельного принципа (хотя об этом факте в науке высказываются сомнения), что подкрепляет ее позиции как одной из фундаментальных идей действующего УПК РФ. Принцип состязательности в полном объеме реализуется только в судебном разбирательстве уголовного дела и лишь в небольшой степени действует в досудебных стадиях уголовного процесса (стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования). Полагаем, что стремление к абсолютизации современного уголовного процесса по состязательному типу вряд ли возможно и вряд ли целесообразно. К этому не готово ни общество, ни государство. Ведь российское судопроизводство изначально построено на преобладании в нем публичных начал в качестве метода правового регулирования (императивный метод). Полная состязательность, на наш взгляд, может лишить уголовное судопроизводство публичности, а вместе с этим его самостоятельности и независимости, подчинит его служению не интересам общества и государства, а интересам ограниченного круга лиц, и тем самым превратит эту деятельность в произвол.

Все вышеизложенное свидетельствует о глубоких проблемах российского уголовного судопроизводства, порожденных действующим УПК РФ, который, в свою очередь, оказался заложником по-

литических и идеологических доктрин, а также веяний западного истеблишмента, идущих подчас вразрез прямым интересам специализированного вида государственной деятельности, призванного расследовать преступления и изобличать виновных лиц в их совершении.

Используемые источники

1. Андреева О.И. и др. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов. Ростов н/Д, 2015.
2. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-метод. пособие. М., 2013.
3. Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971.

УДК 343.985

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРСПЕКТИВНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ХОДЕ ДОПРОСА, ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ

Манцурова Л.А., преподаватель кафедры Дальневосточного юридического института МВД России

В статье анализируется возможность использования перспективных технических средств при производстве допроса, предшествующего предъявлению для опознания. Вносятся соответствующие предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: допрос; предъявление для опознания; технические средства; электронный протокол; цифровая подпись; видео-конференц-связь.

USING THE ADVANCED TECHNICAL MEANS DURING INTERROGATION PRECEDING IDENTIFICATION PARADE

Mantsurova L.A., lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article analyzed the possibility of using advanced technical equipment in the production of questioning prior to the identification parade. Make appropriate proposals to improve the legislation on criminal procedure.

Keywords: interrogation; identification parade; technical means; electronic protocol; the digital signature; videoconferencing.

При подготовке к допросу, предшествующему предъявлению для опознания, кроме всего прочего необходимо решить вопрос о применении технических средств фиксации хода и результатов указанного следственного действия.

Все технические средства, на наш взгляд, можно условно разделить на три группы: технические средства подготовки к допросу (видеоаппаратура, с помощью которой просматриваются видеозаписи ранее проведенных следственных действий, например в целях изучения личности допрашиваемого); технические средства, применяемые при допросе (например, видео-, аудиоаппаратура, с помощью которой допрашиваемому демонстрируются показания другого лица); технические средства фиксации хода и результатов допроса (видео-, аудиоаппаратура, а также компьютерная техника).

Выбирая то или иное техническое средство, необходимо учитывать тактические аспекты его применения в определенных условиях. Следует отметить, что действующее уголовно-процессуальное законодательство определяет лишь общие основы применения технических средств, в связи с чем перечень средств и приемов, которые могут быть использованы в ходе допроса, на наш взгляд, можно расширить.

Не останавливаясь на использовании при производстве допроса, предшествующего предъявлению для опознания, традиционных следственной и судебной практике технических средств – видео-, аудиоаппаратуры, обратим внимание на возможность применения перспективных средств, которые в настоящее время не нашли детальной регламентации в действующем уголовно-процессуальном законе.

Так, мы рассматриваем возможность закрепления и оформления результатов следственных действий в электронном протоколе как одном из вариантов внедрения информационных технологий в процесс расследования уголовных дел, так как именно протокол является в настоящее время основным и самым распространенным процессуальным источником доказательств по уголовному делу. Это подтверждает и следственная практика – 70–90% доказательств по уголовным делам составляют сведения, которые содержатся в протоколах допросов [1, с.14], в частности, в протоколах допросов, предшествующих предъявлению для опознания.

Нашу точку зрения поддерживают 65% опрошенных работников правоохранительных органов. Электронные протоколы, закрепленные электронной цифровой подписью, могли бы, например, оформляться при производстве допроса лиц, в силу определенных

обстоятельств отсутствующих в месте производства предварительного расследования. Такое производство допроса возможно в виртуальном режиме при помощи использования видео-конференц-связи, допустимость применения которой закреплена в ст. 278¹, ч. 3 ст. 376 УПК РФ. Есть мнение, что применять видео-конференц-связь можно при возникновении необходимости допроса лиц, подлежащих защите от посткриминального воздействия, а также в случае, если лица, которые могут сообщить сведения, имеющие значение для уголовного дела, находятся за границей, а их явка к месту допроса невозможна или нежелательна [2, с. 123-135].

Более того, В.А. Терехин и А.Е. Федюнин считают, что успешное применение видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве не должно ограничиваться только теми областями, которые определены уголовно-процессуальным законодательством [3, с. 4]. По их мнению, в перспективе сфера ее применения должна быть расширена, возможность использования видео-конференц-связи для получения любых показаний по уголовному делу необходимо закрепить юридически [3, с. 5].

Использование системы видео-конференц-связи в ходе производства допроса, предшествующего предъявлению для опознания, существенно сократит сроки и увеличит качество производства указанного следственного действия, что положительно скажется и на его результате. С учетом обширной территории нашей страны применение этой системы представляется обоснованной необходимостью, ведь предварительное расследование может проводиться, например, на востоке страны, а лица, которые могут дать показания, проживать на ее западе или в зарубежных странах.

Таким образом, считаем, что необходимо изменить настоящую правовую регламентацию видео-конференц-связи для возможности ее применения в ходе производства допроса на стадии предварительного расследования. В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 187 УПК РФ «допрос проводится по месту производства предварительного следствия. Следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого». Поэтому применение видео-конференц-связи в ходе проведения допроса в тех случаях, когда следователь и допрашиваемый находятся в разных городах, приведет к недопустимости использования показаний, полученных в ходе такого следственного действия, в качестве доказательств. По нашему мнению, нужно изменить ст. 187 УПК РФ, предусмотрев возможность производства допроса посредством видео-конференц-связи в случаях, когда у допрашиваемого отсутствует возможность присутствовать в месте производства предварительного расследования.

Используемые источники

1. Веселова Ю.А. Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
2. Волеводз А.Г. О формировании правовых основ новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса государств участников СНГ // Прокурорская и следственная практика. М., 2002.
3. Терехин В.А., Федюнин А.Е. Видеоконференцсвязь в современном судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. № 1.

УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ

Мартынюк С.Н., Косовский В.Б.

(Крымский филиал Краснодарского университета МВД России)

В данной статье анализируются только некоторые аспекты обеспечения прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Украины.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовное производство; права человека; личность; органы внутренних дел; потерпевший; обвиняемый.

ENSURING THE RIGHTS AND LAWFUL INTERESTS
OF INDIVIDUALS IN CRIMINAL PROCEEDINGS
OF THE RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE

Martyniuk S.N., Kosovskiy V.B.

(Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia)

This article analyzes some of the aspects of ensuring rights and lawful interests of individuals in criminal proceedings of the Russian Federation and Ukraine.

Keywords: criminal proceedings; criminal proceedings; human rights; identity; bodies of internal Affairs; the victim; the accused.

В современном мире все цивилизованные государства стремятся к тому, чтобы в основу законодательства, регламентирующего уголовное судопроизводство, были положены международные гуманистические стандарты, такие, как уважение чести и достоинства личности, обеспечение права на защиту, презумпция невиновности и др.

Развитие демократического, правового, социального государства, в котором человек признается высшей ценностью, требует решения различных по своим масштабам и степени сложности проблем политического, экономического, социального и духовного характера. Однако безусловно приоритетными среди них являются проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина, которые в конечном счете выступают главным критерием оценки эффективности осуществляемых реформ во всех сферах общественной жизни.

Конституция РФ рассматривает человека, его жизнь, права и свободы, справедливость в качестве высшей ценности [2]. Тем самым она декларирует свое понимание взаимоотношений государства и личности, выдвигая на передний план именно личность человека. Уважение к личности и ее защита являются неотъемлемым атрибутом конституционного государства, его обязанностью.

Особое место в национальном механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина занимают органы внутренних дел – специально уполномоченные государственные органы, деятельность которых непосредственно направлена на охрану и защиту этих прав и свобод от противоправных посягательств.

В настоящее время права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовное производство, находятся в сфере особого внимания российского и украинского законодателя.

Общие принципы совершения правосудия в отношении лиц, совершивших преступление, закреплены Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. [1] Согласно основным принципам обращения с заключенными, все заключенные пользуются правами человека и основными свободами, закрепленными в общепризнанных международных актах, за исключением необходимых ограничений свободы передвижения.

Схожесть стандартов в сфере прав и свобод личности обусловлены и тем, что в числе основных категорий уголовного процессуального законодательства обоих государств содержатся понятия «назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ) [3] и «задачи уголовного производства» (ст. 2 УПК Украины), в перечне которых значительное место отведено именно правам и законным интересам лиц, вовлеченных в уголовное производство. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе Украины имеется целый ряд статей, в кото-

рых содержится развернутый перечень прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Российский законодатель в разделе II УПК РФ перечисляет участников уголовного судопроизводства. В основу их классификации был положен принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), согласно которому функции обвинения, защиты и правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, принципы состязательности и равноправия сторон распространяются на все стадии уголовного судопроизводства. Соответственно все участники разделены на группы: участники уголовного судопроизводства, осуществляющие правосудие; участники со стороны обвинения; участники со стороны защиты; иные участники уголовного судопроизводства.

В Уголовно-процессуальном кодексе Украины от 13 апреля 2012 г. также имеется ряд статей, в которых содержится развернутый перечень прав и законных интересов участников уголовного производства. В украинском УПК это глава 3 под названием «Суд, стороны и иные участники уголовного производства», где перечислены их процессуальные права и обязанности. Так, уже в наименовании главы подчеркивается особая роль суда в данной деятельности и приводится классификация участников: суд (помимо собственно суда также предусмотрена должность следственного судьи, который осуществляет контрольные полномочия на стадии досудебного расследования); сторона обвинения (к ней относятся прокурор, орган досудебного расследования, руководитель органа досудебного расследования; следователь органа досудебного расследования; оперативные подразделения); сторона защиты (ее представляют подозреваемый, обвиняемый, оправданный, осужденный, законный представитель подозреваемого, обвиняемого, защитник); иные участники уголовного производства (к ним относятся заявитель, гражданский истец, гражданский ответчик, представитель гражданского истца, гражданского ответчика, законный представитель гражданского истца, свидетель, переводчик, эксперт, специалист, секретарь судебного заседания). В отличие от УПК РФ, УПК Украины в самостоятельную группу выделяет потерпевшего, его представителя и законного представителя. В данном случае украинский законодатель подчеркнул особую роль потерпевшего и то, что он фактически может занимать позицию как обвинения, так и защиты, в зависимости от его отношения к подозреваемому, обвиняемому в уголовном производстве публичного обвинения. Вместе с тем хотелось бы заметить, что потерпевший все же должен быть отнесен к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, как в российском законодательстве, поскольку, отстаивая свою позицию, он объективно поддерживает обвинительный тезис, а устанавливать обстоятельства, которые свидетельствуют в пользу подозреваемого, обвиняемого,

должны и профессиональные участники процесса со стороны обвинения.

Нельзя поддержать украинского законодателя и в том, что он в самостоятельную группу «иных участников» выделил гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, когда в УПК РФ они относятся к стороне защиты. Учитывая, что эти участники и обладают процессуальными полномочиями в пределах исковых требований, данная деятельность также носит характер обвинения и защиты от него.

Естественно, прогрессивным фактом является и то, что в Уголовно-процессуальном кодексе Украины 2012 г., в отличие от УПК Украины 1960 г., впервые признаны участниками процесса лицо, в отношении которого рассматривается вопрос о выдаче в иностранное государство (экстрадиции), заявитель, понятой, переводчик, секретарь судебного заседания и другие, права и обязанности которых закреплены в соответствующих нормах.

Подводя итог, отметим, что обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве представляет собой комплексный механизм, гарантирующий достижение назначения уголовного судопроизводства в каждом случае обнаружения уголовно наказуемого деяния. Сравнение российского и украинского законодательства позволяет сделать вывод о значительном сходстве правообеспечительных механизмов, что обусловлено общим типом уголовного судопроизводства, а также наличием единой международно-правовой основы. Соблюдение прав и свобод человека является важным ценностным ориентиром общественного развития и необходимым условием стабильности гражданского общества, обеспечения гармоничного взаимодействия индивида, общества и государства.

Используемые источники

1. Всеобщая декларация прав человека и гражданина (принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г.).
2. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (в ред. от 30.12.2015).

УДК 343.13

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЦ, ЗАПРАШИВАЕМЫХ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Насонов А.А., аспирант Воронежского государственного университета

В работе раскрывается понятие лица, запрашиваемого для уголовного преследования лица, его роль в уголовном судопроизводстве. Приводятся классификации лиц, запрашиваемых для уголовного преследования. Проводится разграничение между субъектами права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования и субъектами реализации такого права.

Ключевые слова: лица, запрашиваемые для уголовного преследования; право на защиту; реализация права на защиту; классификация; стадии выдачи; статус лица; иностранное государство.

CLASSIFICATION OF INDIVIDUALS SOUGHT FOR CRIMINAL PROSECUTION

Nasonov A.A., post graduate of the Voronezh state University

The paper elaborates on the concept requested for criminal prosecution of a person, his role in criminal proceedings. Provides classification of individuals sought for criminal prosecution. A distinction is made between the subjects of the right to protection from extradition for criminal prosecution and actors the implementation of such rights.

Keywords: the person sought for criminal prosecution; right to protection; right to protection; classification; the stage of issuance; the status of the entity; the foreign state.

Запрашиваемое для уголовного преследования лицо – это физическое лицо, выдача которого запрашивается государством, инициировавшим изблечение его в совершении преступления. Это, как правило, лицо, совершившее преступление на территории государства, обращающегося с требованием к другому государству его вернуть, или являющееся гражданином запрашивающего государства. Лицо, в действиях которого усматриваются признаки преступления, может быть выдано международному уголовному суду.

В зависимости от того, какое государство обращается с запросом о выдаче лица (Российская Федерация или иностранное государство), запрашиваемые лица делятся на две группы. К первой группе относятся лица, в отношении которых иностранному государству поступил запрос Российской Федерации, на территории которой это лицо находится. Ко второй группе относятся граждане иностранного государства, лица без гражданства, в отношении которых поступил запрос от иностранного государства Российской Федерации, на территории которой это лицо находится. Граждане Российской Федерации и лица, которым предоставлено убежище в Российской Федерации, не могут относиться ко второй группе запрашиваемых лиц, так как их выдача не допускается (п. 1 ч.1 ст. 464 УПК РФ).

Такое положение дел полностью согласуется с большинством международных конвенций и договоров, посвященных вопросам выдачи и закрепляющих правило, согласно которому каждое договаривающееся государство по просьбе другого договаривающегося государства проводит в соответствии со своим законодательством уголовное преследование против своего гражданина, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления на территории другого договаривающегося государства. Правда, такое деяние должно быть уголовно наказуемым и в запрашиваемом государстве. При всем при этом приходится учитывать на практике также и международные документы, которые не содержат императивных норм относительно обязательного осуществления уголовного преследования невыданного лица, в частности, принятую 13 декабря 1957 г. в Париже Европейскую конвенцию о выдаче [1], на что уже справедливо обращалось внимание в литературе [4, с. 194-195].

На примере сотрудничества российских и белорусских государственных органов и должностных лиц, компетентных в вопросе выдачи лица для уголовного преследования, нетрудно проследить рассмотренную выше классификацию запрашиваемых к выдаче лиц. Так, очевидна принадлежность к первой группе запрашиваемых лиц задержанного на территории Беларуси и переданного России находившегося в международном розыске Сергея Кабалова, покушавшегося в 2013 г. на угон самолета, выполнявшего рейс Москва-Хургада.

Что касается второй группы запрашиваемых, то к ней можно отнести, например, задержанного в 2013 г. на территории России белоруса, находившегося 14 лет в межгосударственном розыске за то, что в 1993 г. причинил одному гомельчанину множественные ножевые ранения, не совместимые с жизнью, а на убийство другого покушался с применением холодного и огнестрельного оружия [5, с. 3]. Это лицо было выдано для уголовного преследования Российской Федерацией по запросу Республики Беларусь.

Приведенная классификация запрашиваемых для уголовного преследования лиц разработана относительно российского уголов-

но-процессуального законодательства и существует в рамках уголовно-процессуальных отношений, обязательным участником которых являются российские государственные органы и должностные лица. Однако отношения, связанные с экстрадицией, могут возникнуть и без участия Российского государства. Это касается случаев возвращения совершившего преступление лица, не являющегося гражданином Российской Федерации, одним иностранным государством другому иностранному государству. Кстати, подобная ситуация может возникнуть вокруг бывшего министра нефти Нигерии Диезани Аллисон-Мадуэке, являющейся в настоящее время директором ОПЕК. Она была задержана 2 октября 2015 г. в рамках расследования британского агентства по борьбе с организованной преступностью по подозрению в отмывании денежных средств, правда, впоследствии освобождена под залог. Как сообщили средства массовой информации, в Нигерии также проходили следственные действия, связанные с коррупцией в нефтяной отрасли, и впоследствии Аллисон-Мадуэк может быть экстрадирована на родину [6].

Возвращаясь к такому понятию, как запрашиваемое лицо, необходимо отметить, что в литературе уже предлагались варианты его определения. Так, А.Е. Косарева, удачно обосновывая необходимость регламентации в УПК РФ правового положения лица, выдача которого запрашивается иностранным государством, предлагает ввести в гл. 54 отдельную статью (460-1) под названием «Запрашиваемое лицо». При этом под таким лицом, по мнению автора, следует понимать гражданина иностранного государства (лицо без гражданства), в отношении которого компетентными органами Российской Федерации проводится экстрадиционная проверка, а равно в отношении которого Генеральным прокурором Российской Федерации либо его заместителем принято решение о выдаче [2].

Не отрицая явных достоинств приведенной дефиниции, нельзя не заметить, что оно касается лишь одной группы лиц, в отношении которых выдвигается требование о выдаче. Между тем другая группа представлена лицами, находящимися на территории иностранного государства, запрос о выдаче которых инициирован Российской Федерацией.

Таким образом, запрашиваемые к выдаче для уголовного преследования лица представлены двумя группами: запрашиваемыми Российской Федерацией лицами и запрашиваемыми иностранным государством лицами. Данная классификация определяется субъектами, обращающимися с запросами о выдаче, и местом нахождения лица, в отношении которого такой запрос поступает. Есть и правовое основание для такой классификации: это нормы ст. 460 и 462 УПК РФ. В первой из них речь идет о лицах, запрашиваемых к выдаче Российской Федерацией и находящихся на территории иностранного государства, а во второй – о лицах, запрашиваемых к выдаче ино-

странным государством и находящимся на территории Российской Федерации.

Указанные лица, как первые, так и вторые, вместе с запрашиваемыми для исполнения приговора лицами образуют более общее понятие – «запрашиваемые к выдаче лица». Запрашиваемое лицо, в отношении которого компетентным должностным лицом принято решение о выдаче его другому государству, следует считать выдаваемым лицом.

Запрашиваемые для уголовного преследования лица приобретают определенный статус, включаясь в орбиту уголовно-процессуальных отношений, а значит, они пользуются в уголовном судопроизводстве правом на защиту. Причем такое положение характерно как для находящихся на территории иностранного государства лиц, так и для тех, кто находится на территории России. В первом случае обеспечение права на защиту лица будет в основном регламентироваться нормами, содержащимися в законах иностранного государства, получившего запрос о выдаче, а во втором – нормами российского уголовно-процессуального права. Однако в обоих случаях общим будет регулирование данного вопроса международно-правовыми актами.

Лицу, выдача которого запрашивается, право на защиту принадлежит на всех стадиях процесса выдачи. Анализ права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования и реализации этого право обуславливает необходимость разграничения субъектов права на такую защиту и субъектов реализации права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования. К субъектам права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования относится лицо, в отношении которого запрашиваемому государству поступил либо запрос о его выдаче, либо просьба о его временном задержании при условии, что поручение запрашивающей стороной о выдаче еще не направлено, но она предполагает это сделать. Статус таких лиц сродни статусу подозреваемого или обвиняемого, поскольку, как верно отмечается в литературе, принудительная выдача иных участников уголовного процесса (например, свидетелей) в международном праве не предусмотрена [3].

Субъектами реализации права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования выступают: во-первых, лица, выдача которых запрашивается, если они самостоятельно осуществляют это право без помощи других органов и лиц; во-вторых, лица, защищающие интересы субъектов права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования (защитник, законный представитель); в-третьих, государственные органы и должностные лица, помогающие так или иначе осуществить право на защиту лицам, в отношении которых поступил либо запрос о выдаче, либо просьба о временном задержании при условии, что поручение запрашивающей стороной

о выдаче еще не направлено, но она предполагает это сделать (например, Генеральный прокурор РФ, его заместитель).

В заключение отметим, что необходимость в приведенных классификациях обусловлена тем, что они позволят раскрыть наиболее важные признаки лица, запрашиваемого для уголовного преследования.

Используемые источники

1. Европейская конвенция о выдаче принята (Париж, 13 декабря 1957 г.). URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541059/> (дата обращения: 04.04.2016).
2. Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
3. Косарева А.Е. Понятие, значение, происхождение и юридическая основа выдачи лица по уголовным делам. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=1129 (дата обращения: 03.10. 2015).
4. Фролова М.А. Уголовное преследование лица, в отношении которого отказано в выдаче // Энциклопедия / под общ. ред. О.С. Капинус. М.: Фолиант, 2013.
5. Шуневич И.А. На перекрестке интересов // Полиция России. 2014. №12.
6. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/10/03/v-londone-glavuprek-osvobodili-pod-zalog.html> (дата обращения: 04.04.2016).

УДК 343.13

ОБ ОДНОЙ ИЗ СТУПЕНЕЙ В ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

*Насонова И.А., профессор кафедры Воронежского института
МВД России доктор юридических наук, профессор*

В работе на примере исследования, проведенного П.С. Пастуховым, рассматриваются ключевые вопросы совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информатизации в социальной сфере. Обосновывается тезис о том, что в ходе уголовного судопроизводства устанавливается не вероятное знание, а относительная истина, которую наряду с абсолютной можно считать объективной истиной, а вероятность лишь допускается по пути

искания истины. Приводятся аргументы в пользу того, что все следственные действия сопряжены с ограничением прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: следственные действия; информатизация; уголовно-процессуальное доказывание; истина; вероятное знание; электронная информация; адвокат; эволюция теории.

ABOUT ONE OF THE STEPS IN THE EVOLUTION
OF THE THEORY OF PROOF OF CRIMINAL PROCEDURE
IS UNDER THE INFLUENCE OF INFORMATIZATION
IN THE SOCIAL SPHERE

Nasonova I.A., chair professor of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, professor

In the paper the example of research conducted by P. S. Petukhov, addressed the key issues of improving the criminal procedure of proof in the conditions of Informatization in the social sphere. The article argues that in criminal proceedings is established not probable knowledge, and truth is relative, that the absolute can be considered an objective truth, but the probability allowed only by the way of search for the truth. The arguments in favor of the fact that all investigations involve a restriction of the rights and freedoms of man and citizen.

Keywords: investigative actions; information; criminal procedural proof; truth; probable knowledge; electronic information; counsel; evolution theory.

В настоящее время наблюдаются определенные проблемы в собирании и проверке вещественных доказательств и документов, содержащих электронную информацию. Решение их невозможно без дальнейшей эволюции уголовно-процессуального доказывания, учитывающей происходящий в социальной сфере процесс информатизации. Преобразования в обозначенной сфере могут стать успешными, если они связаны с дальнейшей научной разработкой уголовно-процессуальной теории по обозначенной проблематике, совершенствованием уголовно-процессуального закона, преодолением практических трудностей в ходе реализации правовых норм, регулирующих правовые отношения, испытывающие на себе влияние информатизации в социальной сфере. Существенный вклад в развитие теории уголовно-процессуального права в обозначенном направлении внес Павел Сысоевич Пастухов, который предоставил

научному сообществу системное завершённое исследование в виде докторской диссертации «Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества». В работе, опирающейся на значительную эмпирическую базу, обосновано значительное число отличающихся существенной новизной предложений по совершенствованию действующего законодательства и практике его применения.

С положительной стороны следует отметить ряд удачных идей автора:

- о необходимости модернизации учения об уголовно-процессуальных доказательствах в контексте информационного общества;

- конструктивном значении состязательности для теории доказательств и доказательственного права в условиях перехода к «электронному правительству», обеспечивающему деятельность по противодействию преступности, и к «электронному правосудию»;

- необходимости постепенного перехода от протоколирования как основного средства фиксации доказательств к использованию технических средств: аудио-, видеозаписи и других электронных носителей информации;

- закономерностях использования в доказывании фактических материалов с электронной информацией.

Затрагивая проблему электронных вещественных доказательств, П.С. Пастухов справедливо отмечает, что ими могут выступать не только материальные носители электронной информации, но сама электронная информация, ставшая результатом преступного действия, сгенерированная в информационной среде как след преступления, то есть информация, образовавшаяся в ходе и результате совершения преступления, а не в связи с коммуникацией в ходе уголовного производства между участниками процессами.

Автор не без основания считает, что быстрота обработки, передачи, доступность, точность электронной информации не создают качественно нового свойства у доказательства, имеющего своим содержанием электронную информацию. Нельзя не согласиться с выводом о том, что электронная информация вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств (вещественном доказательстве, заключении эксперта (специалиста), документе (протоколе), и не следует вводить новый вид «электронного доказательства» или новый источник «электронного носителя информации».

Заслуживает внимания и поддерживается суждение П.С. Пастухова о том, что в отношении информации, составляющей содержание электронных доказательств, всегда должна существовать возможность ее идентификации и аутентификации, то есть проверки целостности и неизменности информации на электронном носителе.

ле, а каждая сторона обязана предоставить суду информацию о происхождении своих доказательств, если в этом возникает необходимость.

Вместе с тем представленная автором научная концепция не лишена спорных положений, на которых бы хотелось подробно остановиться.

Исходя из того, что в уголовном процессе по делу может быть установлена только вероятная истина, П.С. Пастухов полагает, что вместо концепции объективной истины надо развивать концепцию судебной истины [4, с. 33]. Под судебной истиной предлагается понимать предположение судьи о существовании или несуществовании в реальности события, ставшего предметом доказывания, которое характеризуется высокой степенью вероятности и основывается не на познанной ими «объективной истине», а на отсутствии у судьи «разумных сомнений» в том, что утверждается в обвинительном приговоре [4, с. 34]. При этом автор значительное место в рамках предлагаемой концепции отводит вопросу формирования убеждения судьи для принятия решения по делу.

Во-первых, думается, использование термина «вероятная истина» некорректно, так как содержанием истины, какой бы она ни была (исчерпывающей или неполной и неточной) является не вероятное, а достоверное знание. Поэтому правильнее было бы говорить о вероятном знании, а не о вероятной истине. Это, видимо, понимает и сам автор, используя в некоторых случаях такой подход.

Во-вторых, на наш взгляд, наблюдается противоречие между результатом уголовно-процессуальной деятельности, которым является «установление вероятного знания в форме судебной истины», и тем, что послужило основанием такого знания – отсутствие у судьи «разумных сомнений» в том, что утверждается в обвинительном приговоре. Вероятное знание, предположение – это то, в чем мы не слишком убеждены, поскольку оно получено из чего-то, не обладающего высшей степенью самоочевидности. Это уже не позволяет говорить об убежденности судьи в отсутствии «разумных сомнений» по указанному вопросу. Иными словами, ориентация на вероятную истину не создает надлежащих условий для формирования внутреннего убеждения судьи, без которого приговор не может быть вынесен.

В-третьих, позиция автора о том, что в уголовном процессе по делу может быть установлена только вероятная истина, не вполне согласуется с его высказыванием о том, что совершенство человеческого правосудия в том, что ему доступны справедливость и правда [4, с. 31-32]. Правда – это отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он предположительно существует сам по себе, как бы вне и независимо от познающего субъекта и его сознания.

Как видно, понятие «правда» ближе стоит к понятию «объективная истина», чем к понятию «вероятное знание».

С учетом сказанного закономерно возникает вопрос: так может быть в ходе уголовного судопроизводства устанавливается не вероятное знание, а относительная истина, которую наряду с абсолютной можно считать объективной истиной, а вероятность лишь допускается по пути искания истины?

Другой спорный момент диссертационного исследования П.С. Пастухова обусловлен следующими обстоятельствами. Автор в интересах уравнивания возможностей сторон в получении доказательств предлагает допустить во время досудебного уголовного производства собрание обеими сторонами фактических материалов путем производства гласных и негласных следственных действий, иных действий и мероприятий, которые прямо не входят в противоречие с законом. При этом правоохранительные органы сохраняют за собой исключительное право проводить следственные действия, сопряженные с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина. Сторона защиты должна быть наделена правом проводить только гласные следственные действия и участвовать в производстве гласных следственных действий органа уголовного преследования [4, с. 16].

Эта позиция чем-то напоминает выдвигаемую в свое время идею параллельного расследования, проводимого адвокатом, которая была подвержена критике [1, с. 13-14; 2, с. 221-226; 3] и отвергнута законодателем.

Полагаем, все следственные действия сопряжены с ограничением прав и свобод человека и гражданина, что полностью соответствует выводу Пленума Верховного Суда РФ, содержащемуся в Постановлении от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней». Так, согласно п. 5 данного постановления, под ограничением прав и свобод человека (вмешательством в права и свободы человека) понимаются «любые решения, действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, вследствие принятия или осуществления (неосуществления) которых в отношении лица, заявляющего о предполагаемом нарушении его прав и свобод, созданы препятствия для реализации его прав и свобод». При таких обстоятельствах круг гласных следственных действий, выполнение которых предлагается разрешить адвокату, сужается до минимума. Тогда как возможности противоположной стороны увеличиваются за счет предоставления им полномочий по производству негласных следственных действий. И тогда о каком равенстве сторон на полу-

чение доказательств, к которому призывает П.С. Пастухов, можно говорить?

Кроме того, следовало бы поинтересоваться и у самих адвокатов, устраивает ли их такое равенство с правоохранительными органами в собирании доказательств в свете состязательного порядка их формирования, да и нужно ли вообще стороне защиты полномочие по выполнению следственных действий.

Изложенные замечания носят, вместе с тем частный характер и не в коей мере не умаляют значения проведенного П.С. Пастуховым исследования, на основе которого разработаны важные теоретические положения. Их внедрение должно внести значительный вклад в развитие науки уголовно-процессуального права. И в этом смысле диссертацию автора можно рассматривать как одну из ступеней в эволюции теории уголовно-процессуального доказывания под влиянием информатизации в социальной сфере.

Используемые источники

1. Насонова И.А. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования. Воронеж, 2002.
2. Насонова И.А., Насонов А.А. О некоторых структурных элементах обеспечения прав участников уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок III тысячелетия. Воронеж, 2012.
3. Колоколов Н. А. Параллельное адвокатское расследование // Адвокатская практика. 2005. № 4.
4. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

УДК 343.97

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Никитенко И.В., профессор кафедры Хабаровского пограничного института ФСБ России доктор юридических наук, доцент

Опыт исследования криминологических аспектов обеспечения миграционной безопасности государства позволяет утверждать, что миграционная политика современной России весьма противоречива и не всегда отвечает интересам общественной и государственной безопасности, о чем свидетельствует ряд последних изменений миграционного законодательства. Мнением об адекватности миграционной

политики современным правовым реалиям мы и хотели бы поделиться с читателем.

Ключевые слова: безопасность России; иммиграция; миграция; миграционная безопасность; миграционная политика; защищенность; обеспечение; совет безопасности; угрозы.

PROBLEMS OF MODERN MIGRATION POLICY: CRIMINOLOGICAL REVIEW

Nikitenko I.V., chair professor of the Khabarovsk Frontier Institute of FSB of Russia Doctor of Law, associate professor

Experience of research of criminological aspects of ensuring migratory safety of the state, allows that migration policy Russia is very contradictory, and isn't always equitable to interests of public and state security to what a number of the last changes of the migratory legislation testifies. Opinion on adequacy of migration policy to modern legal realities we want, will share with the reader.

Keywords: safety Russia; immigration; migration; migratory safety; policy; security; providing; security council; threats.

По мнению экспертов, канву событий начала XXI в. можно охарактеризовать как новое глобальное переселение народов. Это обусловлено беспрецедентным в новейшей истории ростом миграционной активности в ряде регионов, вызванным разными, но преимущественно негативными причинами – войнами, стихийными бедствиями, безработицей и голодом. В связи с этим серьезной проблемой для принимающих новые «иммиграционные потоки» государств стало несовершенство национальных систем противодействия нелегальной (незаконной) миграции [1, с. 2-3].

Очевидно, что представляющая серьезную угрозу интересам национальной безопасности нелегальная миграция детерминирует некоторые разновидности преступности и, как следствие, рост социальной напряженности в странах – «миграционных реципиентах». Именно поэтому неконтролируемую и неуправляемую миграцию сегодня справедливо приравнивают к глобальным вызовам современности, что соответственно требует совершенствования национальных правовых механизмов, а также выработки совместных международно-правовых мер восстановления управления миграционными процессами. Следует признать, что сегодня многие страны и Российская Федерация, в частности, вовлечены в этот процесс как

принимающие, выездные и транзитные государства, а также страны со смешанными миграционными потоками [2, с. 2-6].

В Концепции государственной миграционной политики до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13 июля 2012 г., определены основные цели и принципы развития общественных отношений в сфере миграции населения, которые, согласно данному документу, должны соответствовать «надежному обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, максимальной защищенности, комфортабельности и благополучию Российского общества». Среди принципов отечественной миграционной политики выделим научную обоснованность принимаемых решений, дифференцированный подход к регулированию миграционных потоков и учет особенностей регионального развития при формировании миграционной политики. Приоритеты и принципы государственной миграционной политики определили вектор и логику настоящей статьи.

Актуальность подобных исследований обусловлена рядом обстоятельств, созвучных с проблематикой криминологического обеспечения миграционной безопасности государства. Во-первых, противоречивостью и низкой эффективностью сложившейся системы противодействия незаконной миграции вообще и ее криминальному компоненту в частности, что, вероятно, связано с нестабильностью социально-политической и экономической ситуации в странах исхода, способствующих росту эмиграции. Во-вторых, сложностью оценки количественных параметров и реальных масштабов данного явления, значительно превосходящих те факты, которые регистрируются официально. В-третьих, неоднозначностью и неопределенностью в прогностических оценках возможных последствий этого явления. В-четвертых, концептуальной непроработанностью либо незавершенностью теоретических и прикладных аспектов проблем противодействия нелегальной миграции. В связи с этим исследования проблем противодействия незаконной миграции в контексте развития миграционной политики государств-реципиентов представляется одной из важнейших научно-теоретических задач. Наибольшую же ценность, в порядке приоритетности исходящих от незаконной миграции угроз и вызовов, представляют исследования проблем противодействия преступности иностранцев, криминальной миграции и миграционной преступности, что в самом общем виде можно анонсировать как криминологическое обеспечение миграционной безопасности России.

Сегодня вооруженные противостояния в Сирии и Ливии являются главной из причин поиска более безопасных и комфортных мест проживания. Однако продолжающееся насилие в Ираке и Афганистане, всеобщая воинская обязанность в Эритрее, экономические и политические проблемы в государствах, образовавшихся в результате распада Югославии, бедность в ряде стран Центральной

Африки и Юго-Восточной Азии заставляют население названных государств искать лучшие условия для жизни за их пределами.

Наиболее проблематично миграционная ситуация складывается в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, одним из них является Турция. Так, по данным СМИ, именно турецкие пограничники применяют огнестрельное оружие в отношении беженцев, предпринимая попытки пересечь сирийско-турецкую границу, спасаясь от войны. За последние четыре месяца турецкими пограничниками были убиты более 30 сирийских беженцев, включая женщин и детей, когда они пытались пересечь границу Турции. Об этом сообщило одно из авторитетных информационных агентств со ссылкой на данные правозащитников [4].

Еще одним примером сосредоточения мигрантов из ближневосточного региона является государственная граница Греции, которая представляет одно из главных препятствий на пути беженцев в страны Евросоюза.

Так, по официальным данным, только за 2014-2015 гг. более 800 тысяч человек перебравшись из Турции на греческие острова в Эгейском море, что значительно усилило социальную напряженность в регионе. Одним из примеров нарастающих противоречий явилась массовая драка между афганскими и сирийскими беженцами. Сначала в драке участвовали до тридцати человек, однако позже беспорядки приобрели массовый характер. Участники конфликта забрасывали друг друга камнями, в результате чего в пассажирском терминале были выбиты все стекла. Между тем причины конфликта более чем банальны, что свидетельствует о чрезвычайной опасности подобных ситуаций. Так, по некоторым данным, поводом для драки стало некорректное поведение афганцев в отношении сирийской женщины. Сирийцы встали на ее защиту, после чего ситуация вышла из-под контроля. Данный инцидент побудил греческие власти разделить мигрантов из Сирии и Афганистана, чтобы избежать подобных конфликтов в будущем.

По мнению социальных психологов, многие из вынужденных мигрантов, переживая многократные стрессовые ситуации, вызванные событиями, побудившими эмигрировать, и другими связанными с этим проблемами (разобшение семей, бытовая неустроенность в период миграции, проявления ксенофобии местного населения в принимающих странах, доминирование над вновь прибывшими более успешных соотечественников, которые стремятся создать и возглавить национальные диаспоры и т.п.), проявляют неадекватное, асоциальное поведение. Можно предположить, что именно эти факторы влияют на растущую динамику социальных конфликтов и тяжких преступлений с участием иностранных мигрантов.

Примером является жестокое убийство, происшедшее в центре Москвы 29 февраля 2016 г. с участием уроженки Узбекистана. При

тушении пожара в квартире на улице Народного ополчения было обнаружено обезглавленное тело четырехлетней девочки. Позднее у станции метро «Октябрьское поле» была задержана няня ребенка, 38-летняя уроженка Узбекистана Гюльчехра Бобокулова, которая демонстративно ходила по одной из московских улиц, угрожая совершить самоподрыв. Позже задержанная призналась в убийстве с особой жестокостью и поджоге квартиры с целью скрыть следы преступления.

По сообщению властей Узбекистана, Бобокулова имела проблемы с психикой, а на следствии она заявила, что выполняла приказ свыше. Кроме того, было установлено, что обвиняемая в этом жестоком преступлении нелегально нанималась на работу в качестве домашней прислуги. Это хотя и единичный, но весьма показательный пример проявления крайних форм криминальной агрессии, в причинах которой еще предстоит разобраться.

Приобретая глобальный характер, неуправляемые миграционные процессы представляют серьезную угрозу стабильности и безопасности не только отдельных государств, но и мирового сообщества в целом. Об этом свидетельствуют меры, принимаемые в формате СНГ, ЕС, ООН, ПАСЕ, ОБСЕ и других международных организаций (многосторонние и двусторонние соглашения о сотрудничестве стран – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией, Парламентская конвенция 2000 г. по вопросам борьбы с транснациональной организованной преступностью, торговлей людьми и другие соглашения) [3, с. 18-20].

Помимо прочих угроз, исходящих от вынужденной миграции, возникают проблемы, связанные с тем, что не все прибывающие в Европу нелегальные мигранты подают документы на признание статуса беженца. Так, власти ФРГ получили 476 000 прошений о статусе беженца, однако фактически в страну прибыло гораздо больше мигрантов (по мнению экспертов, неофициальное количество мигрантов может превысить миллион человек), так как они были зарегистрированы системой EASY, созданной для того, чтобы учитывать всех прибывших в страну иностранцев, еще до того, как они подают прошение о признании статуса беженца.

По данным МОМ, Венгрия сегодня на втором месте среди стран, входящих в ЕС по количеству прошений о предоставлении убежища вынужденным переселенцам из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Так как большинство нелегальных мигрантов прибывает в Европу через Грецию и другие Балканские страны, территория Венгрии представляет оптимальный маршрут для транзита в Австрию и Германию. Ввиду высокого уровня жизни, наибольших предпочтений для беженцев и относительно либерального иммиграционного режима, эти страны представляются наиболее желаемыми для вынужденных переселенцев. На последнюю декаду декабря 2015 г.

Венгрия заявляла о 177 133 прошениях на предоставление статуса беженца.

Большинство из беженцев совершают короткое путешествие из Турции до близлежащих греческих островов Кос, Хиос, Лесбос и Самос, часто на маломерных надувных или деревянных лодках. Так, Международная организация по делам миграции (МОМ) заявила о более чем миллионе мигрантов, прибывших в Европу по морю, и около 34 000 – по суше. При этом на миллион человек, благополучно пересекших Средиземное море и добравшихся до европейских берегов, приходится более 3700, или 0,37% погибших. И это число не учитывает тех, кто прибыл в Евросоюз нелегально.

Наиболее трагическим месяцем для мигрантов стал апрель 2014 г., когда перевернулось и затонуло маломерное судно с 800 мигрантами на борту недалеко от побережья Ливии. Одной из причин катастрофы стало то, что лодка была переполнена людьми.

Более миллиона мигрантов и беженцев пересекли границы Евросоюза в 2015 г. Это способствовало обострению социальной напряженности и даже политических кризисов в ряде стран, оказавшихся неспособными справиться с таким наплывом людей, что привело к фактическому «расколу» между некоторыми государствами ЕС по поводу того, как дальше выстраивать миграционную политику. Миграционная ситуация обострилась настолько, что даже зима не остановила поток переселенцев. Так, по данным международного агентства по делам беженцев, с начала 2016 г. только морскими путями в станы Евросоюза прибыли 82 636 человек. Вероятно и то, что в этой цифре отражены лишь известные случаи массового переселения.

Очевидно, что нелегальная миграция в России пополняется за счет тех, кто прибыл на законных основаниях, однако после этого по различным причинам перешел в категорию нарушителей иммиграционного режима.

В связи с осложнением глобальной миграционной ситуации Президент РФ провел совещание Совбеза по вопросу совершенствования миграционной политики в интересах национальной безопасности. Внимание участников совещания обращено на проблемы, к которым привел рост незаконной миграции в Евросоюз из стран Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии. Председательствующий призвал извлечь из этого кризиса уроки, а еще скорректировать национальную миграционную политику с учетом существующих и потенциальных угроз. Соответственно было указано на то, что иностранные переселенцы, которые «практически лишены возможности интегрироваться в общество», становятся объектами вербовки для террористических организаций. Кроме того, радикальные настроения растут как в среде беженцев, так и местного населения. На основании анализа складывающейся ситуации соот-

ветствующим членам Совбеза поручено усилить охрану участков госграницы на наиболее уязвимых для незаконной миграции направлениях. Отмечено, что за последние несколько лет упрощены многие процедуры, дающие иностранцам право на занятие легальной трудовой деятельностью в России. Так, например, регистрация мигрантов из стран СНГ на срок до трех месяцев может оформляться в уведомительном порядке. Глава российского государства обратил внимание и на то, что вопросы обеспечения миграционной безопасности государства нуждаются в особом внимании. Вместе с тем была высказана просьба к соответствующим ведомствам серьезно усилить оперативную и профилактическую работу по противодействию преступности мигрантов. Однако главной задачей остается предотвращение «криминальных схем» легализации нарушителей иммиграционного режима.

Используемые источники

1. Воронин С.Э., Никитенко И.В. и др. Проблемы обеспечения миграционной безопасности в современной криминологии и криминалистике: монография. Биробиджан: Приамурский гос. ун-т им. Шолом-Алейхема, 2015.
2. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект): монография. М., 2013.
3. Соколов С.В., Ванян А.В. О состоянии и некоторых проблемах борьбы МВД государств – участников СНГ с незаконной миграцией // Миграция России: социальные и правовые аспекты проблемы, 2004.
4. URL: <http://www.interfax.ru/>

УДК 342.58

СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИХ ФУНКЦИЙ

Никонов К.О., научный сотрудник Дальневосточного юридического института МВД России

В Российской Федерации создано несколько совещательных органов, к компетенции которых относятся вопросы противодействия экстремизму, однако количество преступлений экстремистской направленности продолжает расти.

Ключевые слова: экстремизм; межведомственная комиссия; противодействие; органы власти; стратегия.

CONSULTATIVE BODIES IN THE SPHERE
OF COUNTERACTION TO EXTREMISM:
PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THEIR FUNCTIONS

Nikonov K.O., researcher of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The Russian Federation has established several consultative agency, the responsibility for the issues of combating extremism. However, the number of extremist crimes continues to grow.

Keywords: extremism; interdepartmental commission; combating; government; strategy.

Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» определил, что «федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции». Таким образом, определены субъекты противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации.

Несмотря на это, на практике система субъектов противодействия экстремизму выглядит гораздо шире. Так, ежедневная работа по решению многих вопросов противодействия экстремизму – от мониторинга текущей ситуации до подготовки нормативных актов и управленческих решений – осуществляется в основном с помощью ряда консультативных органов, которые сформированы в составе высших органов государственной власти, а также которые действуют самостоятельно.

В настоящее время функционируют: Совет по международным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации [1], Совет при Президенте Российской Федерации по международным отношениям [2], Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации [3], Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации [4]. На региональном уровне также созданы консультативные органы, решающие аналогичные задачи, только на местах.

Кроме того, в целях противодействия экстремизму Указом Президента РФ от 26 июля 2011 г. № 988 была создана Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации. Председателем данной комиссии является министр внутренних дел Российской Федерации. А в ее состав входят: председатель

Следственного комитета Российской Федерации, директор Службы внешней разведки, министр юстиции, министр обороны, министр образования и науки, министр регионального развития, министр культуры.

Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации готовит предложения Президенту и Правительству Российской Федерации по формированию государственной политики, совершенствованию законодательства в области противодействия экстремизму; разрабатывает меры, проекты концепций, стратегий, программ и планов по противодействию экстремизму; координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти в сфере противодействия экстремизму; участвует в международном сотрудничестве в рамках обозначенной проблемы.

Результатом работы указанной комиссии стала Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, которая утверждена Президентом РФ 28 ноября 2014 г.

Вместе с тем, несмотря на значительное число специально созданных госструктур, решающих вопросы противодействия экстремизму и урегулирования конфессиональных споров, и предпринимаемые ими усилия, количество преступлений в данной сфере только увеличивается.

Так, в 2012 г. число преступлений экстремистской направленности увеличилось на 11,9% по сравнению с 2011 г. и составило 696 преступлений [5]. В 2013 г. зарегистрировано 896 преступлений экстремистской направленности (+28,7% по сравнению с 2012 г.) [6]; в 2014 г. – 1024 преступления экстремистской направленности (+14,3% по сравнению с 2013 г.) [7]; в 2015 г. – 1308 преступлений экстремистской направленности (+27,7% по сравнению с 2014 г.) [8].

По нашему мнению, проблема заключается в отсутствии четкого разграничения полномочий указанных консультативных органов. Анализ положений советов и комиссий показывает, что нет ясности в их функциях, а их полномочия нередко дублируются, вследствие чего происходит переложение ответственности друг на друга. Кроме того, между ними не налажен обмен информацией.

В связи с этим необходимо уточнение компетенции указанных структур, которые должны не просто существовать, а осуществлять профилактику и борьбу с проявлениями экстремистской деятельности, дополняя усилия и функции друг друга.

Требуют решения и вопросы технической оснащенности правоохранительных органов, непосредственно решающих задачи борьбы с экстремистскими проявлениями, повышения квалификации данных сотрудников, обучения их действиям в экстремальных ситуациях.

Используемые источники

1. Положение о Совете по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: утв. Постановлением Совета Федерации ФС РФ от 28 октября 2015 г. № 418-СФ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6231.
2. Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: утв. Указом Президента РФ от 5 июня 2012 г. № 776 (в ред. от 31.01.2016 № 33) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3135.
3. Положение о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его составе: утв. Распоряжением Президента РФ от 2 августа 1995 г. № 357-рп (в ред. от 28.06.2010 № 422-рп) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 32. Ст. 3294.
4. Положение о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2006 г. № 438 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3400.
5. Состояние преступности - январь - декабрь 2012 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/804701/>
6. Состояние преступности - январь - декабрь 2013 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/1609734/>
7. Состояние преступности - январь - декабрь 2014 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/>
8. Состояние преступности - январь - декабрь 2015 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/>

УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Нуриев И.Н., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье рассматриваются проблемы реализации разумного срока уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: разумный срок; материалы уголовного дела; предварительное расследование; законные права; обвиняемый; сторона защиты.

PROBLEMS OF REALIZATION OF REASONABLE TERM OF CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS DURING PRELIMINARY INVESTIGATION

Nuriev I.N., post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article examines the problems of realization of reasonable term of criminal legal proceedings at a stage of preliminary investigation are considered.

Keywords: reasonable term; materials of criminal case; preliminary investigation; legitimate rights; defendant; party of protection.

В соответствии с п. 1 ч 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Расследование уголовного дела в кратчайшие сроки является одним из способов обеспечения данной защиты.

В соответствии с ч. 4 ст. 6.1 УПК РФ обстоятельства, связанные с организацией работы органов дознания, следствия, не могут приниматься во внимания в качестве оснований для превышения разумных сроков осуществления уголовного судопроизводства.

Отправной точкой стала ратификация Российской Федерацией 5 мая 1998 г. Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая стала составной частью правовой системы нашего государства. Согласно ч. 1 ст. 6 указанной Конвенции, «каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок...» [2]. Таким образом, соблюдение «разумного срока» является необходимым элементом справедливого разбирательства по уголовному делу.

Анализ результатов органов предварительного следствия МВД России за 2015 г. свидетельствует о том, что ситуация с результативностью, качеством следствия, соблюдением законности стабилизировалась. Вместе с тем органы предварительного следствия в системе МВД России в 2015 г. работали в условиях увеличенной нагрузки. Количество уголовных дел, принятых и находившихся в производстве в органах предварительного следствия, увеличилось соответственно на 6,1% (1 224 645) и на 5,13% (1 411 234). Нагрузка на 1 штатную единицу следователя возросла с 30,6 до 32 уголовных дел. Количество оконченных производством уголовных дел возросло с 289 8922 до 296 664 (+2,4%), в том числе направленных в суд – с 269 772 до 271 972 (+0,8%) [1].

Однако в связи с увеличением нагрузки возросло и количество уголовных дел, оконченных органами предварительного следствия с нарушением срока предварительного расследования. Длительные сроки расследования уголовных дел, в свою очередь, имели следующие негативные последствия:

1. Рост остатка уголовных дел, увеличение нагрузки на следователя по находящимся в производстве уголовным делам.

2. Утрата возможности сбора доказательств вины лица, подозреваемого в совершении преступления, вследствие чего уголовное дело прекращалось либо приостанавливалось.

3. Нарушение прав граждан и их обращение в судебные органы с исками о компенсации за нарушение права на производство предварительного расследования в разумный срок. Так, в 2015 г. в г. Москве частично были удовлетворены 3 иска о взыскании в пользу потерпевших от совершенного в отношении них преступления за нарушение права на судопроизводство в разумный срок на сумму более 200 тыс. руб. [4].

Таким образом, соблюдение разумности сроков предварительного расследования остается актуальной проблемой и касается не только деятельности органов предварительного расследования, но и в целом организации работы территориальных органов внутренних дел, так как объективно отражает уровень взаимодействия с оперативными и экспертными подразделениями, а также судебными органами.

Существуют различные объективные причины продления сроков предварительного следствия. Например, при расследовании преступлений, совершенных на объектах обслуживания органами предварительного следствия на транспорте, несоблюдение сроков в основном связано со спецификой работы правоохранительных органов на железнодорожных, водных и воздушных видах транспорта. Так, потерпевшими и свидетелями по расследуемым уголовным делам нередко становятся иногородние граждане или лица, длительное время отсутствующие (моряки, проводники в поездах дальнего следования), в связи с чем затрудняется производство расследования в установленный законом срок.

Однако одной из самых распространенных в настоящее время причин затягивания предварительного расследования и нарушения разумного срока уголовного судопроизводства является злоупотребление правом, предусмотренным ст. 217 УПК РФ, а именно правом на ознакомление подозреваемого, обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Поскольку часть 2 ст. 162 УПК РФ включает в срок предварительного следствия время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением, затягивание ознакомления приводит к последующему продлению сроков предварительного следствия.

Согласно ч. 3 ст. 17 и ст. 52 Конституции РФ, осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать прав и свобод других граждан, включая право потерпевшего на судебную защиту и доступ правосудию. Подчеркнем, что назначением уголовного судопроизводства является прежде всего защита прав и законных интересов потерпевших от преступления. Таким образом, злоупотребление обвиняемым и его защитником их правами, закрепленными в ч. 3 ст. 217 УПК РФ, противоречит требованиям основного закона – Конституции Российской Федерации.

Исходя из содержания указанных норм, можно сделать вывод, что потерпевший, в случаях затягивания обвиняемым и его защитником времени ознакомления с материалами уголовного дела, вправе на законных основаниях защищать свои права от недобросовестных действий обвиняемого, его защитника и законного представителя путем подачи жалобы на действия указанных лиц в органы прокуратуры или в суд либо путем непосредственного обращения к следователю с ходатайством об ограничении времени ознакомления, а также выступать на судебных заседаниях в целях защиты своих законных прав при решении и рассмотрении вопроса об ограничении ознакомления обвиняемого, его защитника и законного представителя с материалами уголовного дела.

Однако на практике потерпевшие от преступления часто не знают своих прав, а в иных случаях и вовсе боятся обращаться с такими обращениями либо относятся к такому праву безразлично.

Между тем нередко в целях дальнейшего ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователю приходится продлевать срок предварительного следствия свыше шести, девяти месяцев, а порой и свыше 1 года, а в случае нахождения обвиняемого под стражей, соответственно продлевать и сам срок указанной меры пресечения, а в некоторых случаях и вовсе выпускать обвиняемого из мест содержания под стражей, тем самым изменяя последнему меру пресечения.

Так, например, во Владивостокском линейном управлении МВД России на транспорте в период с 2011 по 2015 г. расследовалось уголовное дело по факту крупного мошенничества с недвижимостью. В организованную преступную группу, создавшую на территории Приморского края финансовую пирамиду, входили лица, ранее неоднократно привлекавшиеся к уголовной ответственности, которые ввели в заблуждение более 100 граждан, являющихся потерпевшими по данному уголовному делу. Пытаясь дестабилизировать работу сотрудников транспортной полиции, 10 обвиняемых более 3 лет знакомились с материалами уголовного дела, оттягивая любыми способами его рассмотрение в суде. При ознакомлении с материалами уголовного дела сторона защиты не раз возвращалась к ранее изученным томам уголовного дела, переписывала содержание мате-

риалов уголовного дела от руки, несмотря на то, что следователь предлагал воспользоваться на безвозмездной основе копировальными техническими средствами. Имело место и систематическое уклонение стороной защиты от ознакомления с уголовным делом. Следователь с согласия руководителя следственного органа более 20 раз выходил с ходатайством перед судом об ограничении ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела и установлении конкретного срока ознакомления. Однако суд из 20 заявленных ходатайств следователя 17 отклонил, ссылаясь на законное право обвиняемого и его защитника знакомиться по окончании предварительного расследования с материалами уголовного дела [3].

Для решение данной проблемы предлагается исключить время, предусмотренное законом для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, из общего срока предварительного расследования. Это может существенно изменить поведение обвиняемого и его защитника при ознакомлении с материалами уголовного дела, так как смысла затягивать ознакомление с материалами уголовного дела попросту не будет, что приведет к значительному сокращению нарушений сроков предварительного расследования.

Используемые источники

1. Информационное письмо Следственного департамента МВД РФ о состоянии качества предварительного следствия и законности по итогам работы за 2015 год от 12 декабря 2015 г. № 1/10009.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней. Офиц. пер. на рус. яз. в ред. 2001 г. / сост. Г.В. Игнатенко, Л.А. Лазутин. Екатеринбург, 2001.
3. Протокол межведомственного совещания при Приморском транспортном прокуроре от 10 февраля 2016 г.
4. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (в ред. от 29.06.2015) // Российская газета. 2010. 4 мая.

УДК 343.1

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ – ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ОСНОВЕ ЕЖЕГОДНЫХ ДОКЛАДОВ)

Овчинников Ю.Г., доцент кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

На основе ежегодных докладов омбудсмена в период 2004-2015 гг. автор обращается к ключевому моменту в деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ – обеспечению прав участников уголовного процесса, имеющих в деле личный интерес, в досудебном производстве.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в РФ; омбудсмен; уголовный процесс; досудебное производство; потерпевший; подозреваемый; обвиняемый.

ENSURING RIGHTS OF THE PARTICIPANTS OF CRIMINAL LITIGATION IN PRETRIAL PROCEEDINGS AS THE IMPORTANT ASPECT OF THE ACTIVITIES OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE BASIS OF ANNUAL REPORTS)

Ovchinnikov Y.G., chair associate professor of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law, associate professor

Based on the annual reports of the Ombudsman in the period 2003-2015, the author highlights key points that the Commissioner for human rights in the Russian Federation pays considerable attention to the violation of the rights of parties to criminal proceedings in pre-trial proceedings has in fact a personal interest.

Keywords: Commissioner for human rights in the Russian Federation; ombudsman; criminal proceedings; pre-trial proceedings; victim; suspect; accused.

Современное Российское государство, защищая права и свободы человека и гражданина, создает новые государственные учреждения по контролю, охране и защите таковых. Так, учреждена должность

Уполномоченного по правам человека в РФ (далее – Уполномоченный) [16], образован Совет при Президенте РФ [14], Общественная палата РФ [17] с широким кругом полномочий, в рамках которой образована общественная наблюдательная комиссия в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания [18].

Одним из институтов, показавших свою эффективность во многих странах мира, стал институт уполномоченного по правам человека (омбудсмена), который открыл новую главу в отношениях между государством и личностью. Этот институт справедливо считается важным фактором укрепления законности и правовой основы в деятельности исполнительной власти, формой внесудебного контроля [13, с. 33].

Уполномоченный призван осуществлять на территории России контроль над соблюдением прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ, законами и другими нормативными актами, а также международными пактами, соглашениями, ратифицированными или утвержденными Россией.

Очень важной формой реагирования является ежегодный доклад Уполномоченного о своей деятельности, который по окончании календарного года направляется Президенту РФ, в Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Генеральному прокурору РФ и Председателю Следственного комитета РФ. Анализ ежегодных докладов омбудсмена в период 2004-2015 гг. [1-11] позволяет прийти к выводу, что практически в каждом отчетном документе (в большей либо меньшей степени – в зависимости от реакции общества к правоохранительным органам в отчетном году) уделяется внимание нарушению прав граждан в сфере уголовного процесса, в том числе и досудебному производству.

В первую очередь следует подчеркнуть, что от общего количества жалоб, поступивших в аппарат Уполномоченного за указанный период, 30-32% составляют жалобы на действия сотрудников, совершенные при проведении оперативно-розыскных мероприятий и в ходе предварительного расследования. Нередко они фальсифицируют доказательства. Задержанным подбрасывают наркотические средства, оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, после чего в отношении их незаконно возбуждаются уголовные дела и применяется мера пресечения в виде заключения под стражу. Имеют место жестокое обращение и другие унижающие достоинство личности поступки.

По данным неправительственных правозащитных организаций, в период 1995-2005 гг. масштабы милицейского насилия значительно выросли. Предпринимаемые меры по противодействию этим нетер-

пимым, антизаконным явлениям пока дают весьма ограниченный эффект [1; 2; 4; 10]. В 2014 г. правозащитники также неоднократно инициировали резонансные кампании против применения насилия, унижения достоинства со стороны некоторых сотрудников правоохранительных органов [10]. В 2015 г. ситуация коренным образом не изменилась – треть всех жалоб касалась именно уголовного процесса.

В ежегодных докладах Уполномоченный акцентирует внимание на нарушениях права:

- *на неприкосновенность частной жизни (неприкосновенность жилища);*

- *затягивание сроков предварительного следствия [11];*

- *компенсацию вреда, причиненного государством (лицам, в отношении которых постановление о прекращении уголовного дела и о возмещении вреда вынесено следователем на стадии досудебного производства) [6];*

- *свободу и личную неприкосновенность (незаконное задержание и заключение под стражу, необоснованный личный обыск и обыск в жилище, немотивированное продление сроков содержания под стражей, нарушение сроков содержания в следственных изоляторах);*

- *доступную квалифицированную юридическую помощь (в случае работы адвоката по назначению, без оплаты его услуг он фактически не защищает клиента, даже в случаях внесения гонорара адвокат может провести дело без особых усилий, т.к. как не отвечает за конечный результат; несвоевременное предоставление защитника, когда лицо, подвергнутое уголовному преследованию, не располагает возможностью заключить соглашение с адвокатом по выбору; проблемы предоставления адвокатам свиданий с находящимися под стражей обвиняемыми (подозреваемыми); невозможность передачи адвокатами ходатайств и заявлений следователю; проблемы свободного допуска адвоката в помещения полиции и следственных органов) [11];*

- *доступ к правосудию (отказ в принятии заявлений о готовящихся или совершенных преступлениях, нарушение сроков и порядка рассмотрения этих заявлений, сокрытие преступлений от учета и регистрации, нерассмотрение их в уголовно-процессуальном порядке) [1; 4; 7; 8; 10].* Статистика нередко отражает не истинное количество совершенных преступлений, а порочную практику их регистрации. Отсутствие регистрации преступлений ведет к тому, что правонарушения не расследуются, а лица, их совершившие, не привлекаются к уголовной ответственности [2].

С каждым годом все больше внимания Уполномоченный уделяет анализу *реализации прав потерпевших* в уголовном судопроизводстве. Если в 2004 г. он лишь писал: «Некоторые положения УПК РФ

нарушают принцип равенства граждан перед законом и судом, гарантированный Конституцией, ставят обвиняемого порой в более благоприятное положение, нежели потерпевшего» [1]; в 2005 г. отмечал: «нормы УПК нарушают права потерпевших на получение квалифицированной юридической помощи» [2]; то в 2007 г. правам потерпевших посвящается уже отдельный раздел «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью» [3]; а в 2008 г. готовится развернутый специальный доклад «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений», в котором омбудсмен рекомендует внести изменения и дополнения в ряд законов в целях эффективной реализации прав потерпевшего и гражданского истца, а также акцентирует внимание на реализации процессуальных и организационных мер безопасности в отношении потерпевшего [15, разд. 4, 5]. В докладе за 2014 г. Уполномоченным поднимается проблема прав потерпевших от преступлений, в части возмещения вреда, которая нуждается в дополнительной защите со стороны государства (например, когда причастное лицо не установлено или скрывается от органов предварительного расследования) [10].

Ежегодно Уполномоченный в специальном разделе своего доклада поднимает наиболее болезненный для России вопрос, касающийся *прав человека в местах принудительного содержания*. В этом срезе наблюдается устойчивая тенденция к росту доли жалоб (в среднем до 3 тыс. в год) на нарушения прав человека в процессе уголовного судопроизводства, дознания и предварительного следствия, а также на условия содержания в изоляторах временного содержания и в следственных изоляторах, которые сами по себе могут рассматриваться как близкие к пыточным и унижающим человеческое достоинство (переполнение камеры, отсутствие спальных мест и свежего воздуха, ненадлежащая медицинская помощь) [1-11]. Россия занимает малочетное третье место в мире (после США и КНР) по количеству лиц, содержащихся в местах лишения свободы. В период 2004-2009 гг. «армия» осужденных и задержанных неуклонно росла, составив на 1 января 2009 г. 887,6 тыс. человек, что явно превышает возможности государства по размещению их в мало-мальски сносных условиях [5].

В своем заявлении и докладе за 2011 г. относительно смерти больных в следственных изоляторах Уполномоченный подчеркивал, что «содержание под стражей потеряло свою исключительность и продолжает применяться в подавляющем большинстве случаев, превратившись еще со времен Советского Союза в инструмент давления на подозреваемого со стороны органов дознания и предварительного следствия» [10; 12], «следственные органы и суды "по привычке" рассматривают заключение под стражу как единственную меру пресечения, крайне редко утруждая себя доказыванием оснований для ее применения» [7]. При наличии малейших оснований для приме-

нения меры пресечения на практике сразу избирается максимально строгая мера – заключение под стражу, а при отсутствии таких оснований вообще – более мягкая, например, подписка о невыезде [9]. Продолжая рассуждения в данном спектре, В.П. Лукин в докладе за 2012 г. отметил: «Предположение о том, что обвиняемый скроется или воспрепятствует производству по уголовному делу, не может подтверждаться только тяжестью возможного приговора или предъявленных обвинений. В основу решения о продлении срока содержания под стражей должна быть положена оценка конкретных фактов, не просто подтверждающих его необходимость, но и *перевешивающих необходимость соблюдения принципа свободы личности*» [8].

Таким образом, деятельность омбудсмена в части рассмотрения и опубликования конкретных решений по уголовным делам оказывает существенное влияние на работу органов государства, занимающихся расследованием преступлений. Хотя эта деятельность и осуществляется в определенных границах, она все же способствует совершенствованию правозащитных механизмов в уголовном процессе. Институт Уполномоченного по правам человека в России является важным шагом в развитии демократических процессов, направленных на укрепление статуса личности, гарантий реализации прав и свобод человека.

Используемые источники

1. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2004 г. // Российская газета. 2004. 28 июля.
2. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2005 г. // Российская газета. 2005. 31 марта.
3. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 г. // Российская газета. 2007. 13 апреля.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2008 г. // Российская газета. 2008. 14 марта.
5. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2009 г. // Российская газета. 2009. 17 апреля.
6. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2010 г. // Российская газета. 2010. 28 мая.
7. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2011 г. // Российская газета. 2011. 13 мая.
8. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2012 г. // Российская газета. 2012. 6 марта.
9. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2013 г. // Российская газета. 2013. 29 марта.
10. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2014 г. // Российская газета. 2014. 9 апреля.
11. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2015 г. // Российская газета. 2015. 7 мая.

12. Заявление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2011. 17 октября.
13. Корабельникова Ю.Л. Взаимодействие уполномоченного по правам человека в РФ и федеральных органов исполнительной власти в сфере восстановления прав и свобод граждан // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 1.
14. Положение о Совете при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека: утв. Указом Президента РФ от 6 ноября 2004 г. № 1417 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 46 (ч. II). Ст. 4511.
15. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений» // Российская газета. 2008. 4 июня.
16. Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.
17. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате РФ» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.
18. Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

УДК 343.9

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – ГАРАНТ ДОСТИЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ

Осипова Т.В., доцент кафедры Пятого факультета повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены вопросы привлечения специалиста и использования специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела. Подчеркивается, что чем раньше лицо, производящее предварительное расследование, будет владеть заключением эксперта по криминалистически значимой информации, которая свидетельствует о совершении преступления, тем раньше будет установлена объективная истина по уголовному делу.

Ключевые слова: объективная истина; специалист; специальные познания; криминалистическая информация; исследование.

EXPERT OPINION AT THE STAGE OF INITIATION
OF CRIMINAL PROCEEDINGS – GARANT ACHIEVE
OBJECTIVE TRUTH

Osipova T.V., associate professor of the Fifth faculty of advanced training IPK Academy of the IC of Russia (Khabarovsk)

The article discusses the involvement of the expert and the use of special knowledge in stage of initiation of criminal proceedings. Underlines that the sooner a person conducting a preliminary investigation, will hold an expert opinion on forensically relevant information that is evidence of the commission of a crime, the sooner will be set an objective truth in a criminal case.

Keywords: objective truth; specialist; special knowledge; forensic; analysis.

Гарантом объективной истины при расследовании уголовных дел должна выступать деятельность органов предварительного следствия, соответствующая правовой процедуре досудебного производства.

Выявление обстоятельств конкретного преступления означает восстановление картины происшедшего во всех его существенных деталях, в познании его механизма и установлении объективной истины. Что касается истины объективной, то она отражает объективную действительность, и на обеспечение ее установления направлены широкие права на участие в доказывании всех участников процесса.

Следователь, дознаватель, руководитель следственного отдела, прокурор, судья, иные указанные в законе лица являются субъектами познания в уголовном судопроизводстве [2].

Познание в уголовном судопроизводстве осуществляется в форме, установленной уголовно-процессуальным законом, который регламентирует порядок собирания, проверки, оценки, использования собранных доказательств, круг участников познавательной деятельности, их полномочия.

В УПК РФ строго определен перечень поводов и оснований для возбуждения уголовного дела [5]. Наличие оснований, которые определяются в законе как «достаточные данные, указывающие на признаки преступления», в соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК РФ – не

что иное, как получение криминалистически значимой информации, которая свидетельствует о совершении преступления. Однако чаще всего получение такой информации невозможно без применения специальных познаний и участия специалистов.

Первоначальная редакция УПК РФ не предусматривала использование специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела. Однако Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ [6] в УПК РФ был введен новый вид доказательств – заключение и показания специалиста.

Следы, предметы, объекты, обнаруженные и изымаемые в ходе таких следственных действий, как осмотр места происшествия, обыск, выемка и другие, несут значительный объем информации о событии преступления, механизме и субъекте, его совершившем. Большей частью эта информация имеет латентный (скрытый) характер, которая требует исследования и оценки [1].

Особая трудность при решении вопроса о возбуждении уголовного дела возникает у следователя по таким преступлениям, которые имеют свою специфику и требуют знаний в определенной сфере деятельности. Примером могут служить преступления в сфере экономической деятельности. При расследовании таких преступлений следователь сталкивается с изучением документов, требующих выявления подделок, подчисток, поддельных подписей, искажения компьютерных программ [3]. В такой ситуации следователь должен воспользоваться помощью сотрудников экспертно-криминалистических подразделений.

Обычно сведения о таких преступлениях поступают из различных источников. Независимо от их характера, необходимость в проверке информации возникает всегда, когда без получения дополнительных данных невозможно правильно решить вопрос о возбуждении уголовного дела. Основным источником информирования компетентных органов связан со сферой деятельности оперативно-розыскных и контролирующих органов. В частности, значительная часть экономических преступлений совершается под видом (посредством) банковских и хозяйственных операций, внешнеторговых сделок и иных форм регулирования имущественных отношений в обществе. В подобных случаях преступный замысел, признаки преступления распознаются с трудом, ибо внешне такое экономическое преступление мало чем отличается от обычной сделки. К тому же, в большей своей части это преступления без потерпевших, без видимых последствий. Поэтому, в отличие от многих других категорий деяний, эти преступления обнаруживают, как правило, или оперативно-розыскные, или контролирующие органы (налоговые инспекции, органы валютного контроля и т.д.).

Следователь обязан проверить и изучить поступившие материалы, которые могут представлять собой акты ревизий, докумен-

тальных и иных проверок, специальных расследований, заключения аудиторов и т.д., и здесь без специальных познаний, исследований и заключения специалиста-криминалиста не обойтись.

Прежде всего надлежит выяснить, есть ли признаки уголовно наказуемого деяния, достаточные для возбуждения уголовного дела. Как правило, в материалах содержатся сведения, указывающие на возможное совершение преступления (например, сведения о противоправном характере сделки, ее фиктивности, о подлоге в бухгалтерских или иных учетных документах, о регистрации фирмы на подставных или вымышленных лиц, о причиненном ущербе и иных признаках, характерных для объективной стороны экономического преступления). Но этого зачастую недостаточно, чтобы обоснованно возбудить уголовное дело, так как по признакам объективной стороны не всегда можно разграничить гражданско-правовой деликт и экономическое преступление.

Такая информация становится явной после проведения исследования в рамках судебной экспертизы, и в настоящее время это стало возможным до возбуждения уголовного дела с вступлением Федерального закона от 9 марта 2010 г. № 19 [7], который внес в ч. 1 ст. 144 УПК РФ соответствующие изменения, позволяющие при проверке сообщения о преступлении производить исследование различных объектов и предметов с участием специалиста.

Заключение специалиста позволяет следователю принять законное и обоснованное решение по материалу проверки.

Схожие положения закреплены и в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (п. 18 ч. 1 ст. 12, п. 17 ч. 1 ст. 13) [8].

Однако некоторые вопросы по применению специальных познаний на стадии возбуждения уголовного дела, а также по их фиксации и дальнейшему использованию полученных результатов в процессе расследования так и остались неурегулированными.

Например, до сих пор в УПК РФ не урегулирован вопрос о привлечении специалиста к участию в производстве следственных и иных процессуальных действиях. В частности, в ст. 168 УПК РФ законодатель не предусмотрел вынесение специального постановления для его участия. Также не предусмотрена ответственность за дачу заведомо ложного заключения, которое специалист составляет и в котором имеются данные, имеющие доказательственное значение для дела.

В результате на практике часто объективность заключения специалиста ставится под сомнение, хотя при получении показаний специалиста в ходе производства его допроса он предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ.

Согласно п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, заключение специалиста допускается в качестве доказательств. Следовательно, такое заключе-

ние возможно использовать в качестве доказательства. Формально – да, однако судебная практика свидетельствует об обратном.

Так, согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», справки, акты, заключения и иные формы фиксации результатов ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы [4].

На основании Постановления Пленума ВС РФ и требований ч. 2 ст. 74 и ст. 84 УПК РФ можно сделать вывод, что после проведения исследования в целях получения допустимого доказательства необходимо назначать и проводить судебную экспертизу.

Окончательно данный вопрос разрешился на законодательном уровне только в марте 2013 г. Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [8] в Уголовно-процессуальный кодекс РФ были внесены изменения, позволяющие производить судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела, поскольку преимущества, которые дает немедленное использование ее результатов, очевидны.

В процессе доказывания лицо, ведущее производство по уголовному делу, должно выяснить, что же произошло на самом деле, и чем раньше это лицо будет владеть заключением эксперта с криминалистически значимой информацией, которая свидетельствует о совершении преступления, тем раньше будет установлена объективная истина по уголовному делу.

Следовательно, цель доказывания и заключается в установлении истины, т.е. полного, точного отражения обстоятельств совершенного преступления. Достигается данная цель или нет – это другой вопрос, однако стремиться к ее достижению необходимо.

Подводя итог, следует отметить, что на этапе проверки сообщения о преступлении заключение специалиста способствует не только устранению ложной информации, но и содействует установлению фактов, соответствующих объективной действительности.

Используемые источники

1. Егоров Н.Н. Вещественные доказательства в следственной и экспертной практике. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
2. Печников Г.А. Диалектическая проблема истины в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005.
3. Расследование преступлений в сфере экономики: руководство для следователей / под общ. ред. И.Н. Кожевникова. М., 1999.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». URL: <http://www.vsrf.ru/second.php>

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 21.07.2011) // Российская газета. 2011. 26 июля.
6. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. (в ред. от 01.07.2011) № 3-ФЗ «О полиции». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.35

ПРЕДМЕТ НЕЦЕЛЕВОГО РАСХОДОВАНИЯ
БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ И СРЕДСТВ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Пастушенко А.А., аспирант юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права

В статье рассматривается вопрос содержания предмета нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, проблемы несовершенства правовых норм. Проведен сопоставительный анализ уголовного, административного и бюджетного законодательства. Предложены варианты устранения выявленных недостатков.

Ключевые слова: предмет; бюджетные средства; нецелевое расходование бюджетных средств; бюджет.

SUBJECT MISUSE OF BUDGET FUNDS AND STATE BUDGET

Pastushenko A.A., post graduate law faculty of the Khabarovsk State University of Economics and Law

The article discusses the contents of the subject no-purpose expenditure of budgetary funds and state extra-budgetary funds, the problems of imperfection of legal norms. Comparative

analysis of criminal, administrative and fiscal legislation. Proposals for elimination of identified deficiencies.

Keywords: object; budget; misappropriation of budget funds; the budget and budget estimates.

При квалификации преступления особое значение имеет правильное определение предмета преступного посягательства. Правовая природа предмета преступления напрямую зависит от тех общественных отношений, которые затронуты при его совершении.

Наглядным примером зависимости специфики предмета преступления от общественных отношений, которым причинен вред, является предмет составов преступлений, предусмотренных ст. 285.1 и 285.2 УК РФ [6].

Предметом нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, исходя из диспозиции ст. 285.1 и 285.2 УК РФ, являются бюджетные средства и средства государственных внебюджетных фондов (далее – средства фондов).

Данные понятия в законодательстве не раскрываются. Однако, сопоставляя понятие «бюджет» (ст. 6 Бюджетного кодекса РФ [1] (далее – БК РФ) и категорию «бюджетные средства», можно прийти к выводу о том, что под бюджетными средствами следует понимать денежные средства, сформированные в соответствующем бюджете и предназначенные для финансового обеспечения функций государства и местного самоуправления.

Аналогичным образом, под средствами фондов необходимо понимать денежные средства, формируемые в бюджетах государственных внебюджетных фондов, предназначенные для решения задач фондов.

Каждый из этих элементов имеет самостоятельную форму образования. Как уже было отмечено, бюджетные средства образуются в форму бюджета (бюджета соответствующего уровня), средства же фондов содержатся в бюджетах специальных фондов. Так, в п. 2 Постановления Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» [4] закреплено, что денежные средства фонда не входят в состав бюджетов соответствующих уровней, других фондов. Это, среди прочего, указывает на самостоятельность категории «средства фондов».

Бюджетные средства, так же, как и средства фондов, имеют свои источники образования. Так, в ст. 41 БК РФ установлено, что к доходам бюджетов относятся налоговые доходы, неналоговые доходы и безвозмездные поступления.

Источники формирования средств фондов напрямую связаны со спецификой самого государственного внебюджетного фонда.

Например, средства Фонда обязательного медицинского страхования формируются за счет следующих источников: страховых взносов на обязательное медицинское страхование; недоимок по взносам, налоговым платежам; начисленных пени и штрафов и других источников (ст. 21 Федерального закона от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [7]).

Одной из существенных характеристик бюджетных средств и средств фондов является их целевой характер использования. Это является не только одним из признаков их бюджетно-правовой природы, но и имеет важное уголовно-правовое значение. Так, диспозиции анализируемых составов преступлений указывают на необходимость установления их целевого значения. При отсутствии достоверно установленной цели бюджетных средств и средств фондов невозможно говорить об их нецелевом характере использования.

Для бюджетных средств целевым назначением в самом обобщенном виде является финансовое обеспечение задач и функций государства и местного самоуправления. Целевое назначение средств фондов также напрямую зависит от назначения самого фонда.

В соответствии с ч. 1 ст. 285.1 и ч. 1 ст. 285.2 УК РФ нецелевым расходованием бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов будет являться их расходование в крупном размере. В качестве квалифицирующего состава предусмотрено расходование в особо крупном размере (п. «б» ч. 2 ст. 285.1 и п. «б» ч. 2 ст. 285.2 УК РФ).

В примечании к ст. 285.1 УК РФ законодатель раскрывает признак «крупный размер» и «особо крупный размер» для исследуемых составов. Крупным является сумма бюджетных средств, превышающая 1,5 млн рублей, а особо крупным размером – 7,5 млн руб. Совершение противоправных действий на сумму менее 1,5 млн руб. влечет наступление административной ответственности. Соответственно, единственной гранью схожих по признакам противоправных деяний является размер использованных средств.

Действующие нормы уголовного и административного законодательства не смогут учесть специфику каждого случая нецелевого расходования бюджетных средств. Избрание в качестве разграничительного критерия только сумм денежных средств носит формальный и обобщенный характер. Так, вполне допустимы случаи, когда использование средств не по целевому назначению на сумму менее 1,5 млн руб. может повлечь куда более серьезные последствия, чем нецелевое расходование на сумму более 1,5 млн руб.

Кроме того, необходимо учитывать разницу в мерах ответственности за схожие по содержанию правонарушения. Санкция ст. 15.14 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] (далее – КоАП РФ), в отличие от ч. 1 ст. 285.1 УК РФ, предусматривает только наложение административного штрафа на должностных

лиц в размере от 20 до 50 тыс. руб. или дисквалификацию на срок от 1 года до 3 лет.

При этом судебная практика по ст. 15.14 КоАП РФ содержит примеры, когда для квалификации деяния как преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, не хватало некоторой суммы средств, используемой по нецелевому назначению.

Так, проверкой, проведенной Территориальным управлением Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Мурманской области, установлено нецелевое использование в 2011 г. министерством труда и социального развития Мурманской области бюджетных средств в общей сумме 1 274 131,30 руб., поскольку министерством за счет средств субсидий на оздоровление детей в указанной сумме осуществлено финансовое обеспечение мероприятий профильной смены «История моей страны» (Псков – Изборск – Печоры – Пушкинские Горы) для детей Мурманской области, находящихся в трудной жизненной ситуации, проходившей в учреждениях, на базе которых не создавались детские оздоровительные лагеря. Постановлением от 21 декабря 2012 г. № 145-У министерство признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 15.14 КоАП РФ, и ему назначено наказание в виде административного штрафа в размере 40 000 руб. [3; 5].

Указанная проблема имеет два пути решения:

1. Отмена административной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств и исключение из диспозиций ч. 1 ст. 285.1 и 285.2 УК РФ ссылок на размер нецелевого расходования.
2. Снижение сумм нецелевого расходования бюджетных средств для признака «крупный размер».

Анализ судебной практики по ст. 15.14 КоАП РФ показал, что в большинстве случаев суммы финансово-бюджетных нарушений (в части нецелевого использования бюджетных средств) не превышают 100 000 руб.

Учитывая указанный факт, а также принимая во внимание принцип экономичности при осуществлении процессуального производства, целесообразнее пойти по второму пути. Иными словами, необходимо снизить размер суммы, которая подпадает под категорию «крупный размер», например до 100 000 руб.

Сложнее ситуация обстоит с нецелевым расходованием средств фондов, поскольку отсутствует административная ответственность за их нецелевое расходование. Фактически неправомерные действия со средствами фондов на сумму менее 1,5 млн рублей не являются правонарушениями административного или уголовно-правового характера. В целях усиления правовой охраны средств фондов полагаем возможным установление административной ответственности за нецелевое расходование средств фондов.

Подводя итог, отметим, что предложенные изменения законодательства, прежде всего, направлены на профилактику нарушений

в финансово-бюджетной сфере, усиление превентивных способов воздействия на нарушителя и, кроме того, могут упростить процесс применения ст. 285.1 и 285.2 УК РФ.

Используемые источники

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря.
3. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 ноября 2013 г. № ВАС-16107/13 по делу № А42-8543/2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 12 февраля 1994 г. № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 22 февраля.
5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 августа 2013 г. по делу № А42-8543/2012.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

УДК 343.131

ХАРАКТЕРНЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Пахарьков К.А., преподаватель кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

На основе изучения материалов архивных уголовных дел автор анализирует нарушения, допускаемые дознавателями при расследовании уголовных дел в форме дознания, и акцентирует внимание на нарушениях принципа законности.

Ключевые слова: дознание; дознаватель; форма предварительного расследования; принцип законности.

SPECIFIC VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL INVESTIGATIONS IN THE FORM OF INQUIRY

Paharkov K.A., lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Based on the study of archival materials of criminal cases the author analyzes the violations permitted interrogators to performance during the investigation of criminal cases in the form of inquiry and focuses on violations of the principle of legality.

Keywords: inquiry; the investigator; the shape of the preliminary investigation; the principle of legality.

Одной из основных задач правоохранительных органов Российской Федерации является создание профессиональной основы, состоящей из квалифицированных специалистов в области предварительного расследования. С учетом значительного омоложения личного состава органов предварительного расследования, произошедшего в результате последних реформ, обозначилась острая проблема обеспечения должного качества предварительного расследования в целом и дознания, в частности.

Проблемы, возникающие в процессе расследования уголовных дел в форме дознания, вызваны не только несовершенством законодательства, регламентирующего уголовно-процессуальные отношения, но и невысокой квалификацией самих сотрудников подразделения дознания, что закономерно приводит к нарушению принципа законности. Обозначенные факты подтверждают результаты изучения архивных уголовных дел* и результаты тестирования дознавателей, проходивших курсы повышения квалификации во Владивостокском филиале Дальневосточного юридического института МВД России.

Нарушения принципа законности при производстве дознания можно классифицировать следующим образом: нарушения процессуальных сроков, принятие незаконных решений, нарушения требований составления процессуальных документов, нарушения процессуального порядка производства следственных и процессуальных действий, нарушения законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства и иных лиц, применение дознавателями физического и психического насилия в отношении подозреваемых.

Рассмотрим эти нарушения подробнее.

* Материалы уголовных дел из архива отдела полиции № 2 по г. Владивостоку (№ 348121, 528121, 236121, 316321, 278421, 243321, 327121, 690321, 120421).

Нарушения процессуальных сроков при производстве дознания состоят из несоблюдения временного периода, отведенного для производства дознания, нарушения времени содержания под стражей, производства следственных действий и др. Подобного рода нарушения при производстве дознания фундаментально нарушают институт гражданских прав и свобод человека и требуют безотлагательной реакции со стороны руководства и надзирающего органа.

В повседневной деятельности подразделений дознания встречаются случаи нарушения принципа законности, которые заключаются в принятии незаконных решений дознавателями. Любое действие или решение дознавателя принято на основе совокупности фактов, имеющих в уголовном деле. Решения, принимаемые в ходе расследования уголовного дела в форме дознания, должны соответствовать предусмотренным в законе условиям. Отсутствие фактических условий и оснований для вынесения определенного решения является основанием признания принятого решения незаконным. Так, например, при анализе архивных уголовных дел был выявлен факт приостановления дознания на основании п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, однако это основание было применено не к подозреваемому или обвиняемому, как этого требует закон, а к свидетелю [2]. По данному факту в рамках осуществления прокурорской проверки приостановленных уголовных дел было вынесено требование «Об отмене постановления о приостановления дознания и об устранении нарушений требований федерального законодательства». Конечно, подобные ситуации встречаются нечасто, но все же они есть.

Факты искусственного создания благоприятных условий, необходимых для органов дознания, также имеют место. Инициаторами подобных нарушений могут выступать как должностные лица стороны обвинения, так и участники со стороны защиты. Наглядным примером является факт прекращения расследования по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, при установлении факта недостаточности суммы ущерба, указанного в примечании к ст. 158 УК РФ. Подобное возможно при намеренном снижении стоимости и предоставлении сфальсифицированных справок или иных сведений о стоимости похищенного имущества.

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ внесено изменение, согласно которому утратила силу глава 57 УПК РФ [3], содержащая перечень бланков процессуальных документов. Однако в нормах уголовно-процессуального законодательства остались требования к их форме и содержанию. Тем не менее, даже в сложившейся благоприятной для органов предварительного расследования ситуации дознаватели допускают различного рода нарушения при составлении процессуальных документов.

Так, в протоколах следственных действий нередко отсутствуют подписи участвующих лиц, не указаны даты и время составления протокола. Наиболее часто в протоколах осмотра места происшествия указано, что при поведении следственного действия не применялись средства технической фото-, видеофиксации и участвовали понятые, но подписи понятых при этом отсутствуют [2]. Подобные факты свидетельствуют о невнимательности или небрежности дознавателей, в производстве которых находились уголовные дела.

Требования, предъявляемые к протоколам следственных действий, распространяются и на процессуальные действия, зафиксированные в постановлениях. В процессуальных действиях дознаватель отражает решение, принятое им в процессе расследования, например о наделении лица каким-либо процессуальным статусом. Несоблюдение требований к оформлению, незаполнение реквизитов в подобных случаях влекут признание принятого решения незаконным. Примером этого может служить архивное уголовное дело № 278421, в котором дознаватель пренебрег правилами оформления постановления о признании потерпевшим и не указал отчество, а также дату рождения потерпевшего [2].

Следующим видом нарушений, встречающихся при производстве дознания, является нарушение процессуального порядка производства следственных действий. Наиболее распространены нарушения, допущенные при производстве такого следственного действия, как осмотр места происшествия. Происходит это вследствие стремления быстро провести данное следственное действие, труднодоступности места происшествия, плохих условий освещенности и т.п. Встречаются и более грубые нарушения, например, дознаватель грубо нарушил требования УПК РФ, проведя допрос лица в качестве подозреваемого до возбуждения уголовного дела, о чем свидетельствуют разные даты, указанные в протоколе допроса и постановлении о возбуждении уголовного дела [2]. Но еще более вопиющий факт был выявлен при анализе архивного уголовного дела № 327121, в котором дознаватель допрашивал М в качестве свидетеля, но из содержания допроса видно, что допрошен М был на самом деле в качестве подозреваемого, соответственно этим было нарушено право М на защиту, так как никакой защитник не участвовал. Впоследствии данное уголовное дело было приостановлено по п 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ [2]. Юридической силы результаты данных следственных действий не имеют.

Можно отметить и нарушения принципа законности при производстве обысков. Например, по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 228 УК РФ в отношении Б., дознавателем был проведен обыск по месту жительства подозреваемого без участия понятых, обязательное присутствие которых закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве [2].

С обыском имеет много общего такое следственное действие, как выемка, которое заключается в изъятии дознавателем искомого объекта из заранее известного места. Ввиду этого при вынесении соответствующего постановления дознаватель должен иметь основания, однозначно подтверждающие точное нахождение предмета. Нарушением принципа законности будет являться подмена выемки последующим проведением обыска. Естественно, может возникнуть ситуация, при которой выемка не даст требуемых результатов. В этом случае следует выносить новое постановление, проводить обыск с последующим уведомлением в течение 24 часов судьи. Однако дознаватели не всегда выполняют указанное требование, что является серьезным нарушением принципа законности [1].

Нередко встречаются случаи нарушения порядка производства следственных действий, а именно производства следственных действий не уполномоченным на то субъектом. Так, в ходе устной беседы с дознавателями ОП № 2 по г. Владивостоку были выявлены случаи поручения производства следственных действий лицам, проходящим стажировку в подразделении дознания, но при этом не состоящим в должности дознавателя и не имеющим соответствующих должностных инструкций.

Из примеров, приведенных выше, можно сделать вывод, что для обеспечения принципа законности при производстве следственных действий дознавателям необходимо помнить, что существуют требования к составлению протоколов и постановлений, проводят следственные действия только уполномоченные должностные лица с обязательным соблюдением установленной процедуры.

Подобный порядок осуществления следственных действий гарантирует сбор доказательств, соответствующих требованиям допустимости. Нарушение установленных правил может повлечь утрату доказательств в отдельности или доказательственной базы в целом.

подавляющее большинство нарушений законности взаимосвязано с самой личностью дознавателя. Именно он проводит расследование и принимает соответствующие решения, отсюда нельзя исключать «человеческий» фактор. Например, дознаватель, не желая того, нарушает права подозреваемого на защиту. Так, например, по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 158 УК РФ в отношении Л., без участия защитника был проведен целый ряд следственных действий, тем самым дознавателем было проигнорировано требование закона об обязательном участии защитника [2]. При анализе архивных уголовных дел были выявлены случаи неознакомления участников производства дознания с их законными правами.

Нельзя не упомянуть и о формах проявления физического и психического давления на подозреваемых, обвиняемых. Целью данных противоправных действий должностных лиц подразделения дознания является желание добиться нужной линии поведения, как

правило, от лица, подозреваемого в совершении преступления. В ходе устной беседы с дознавателями ОП № 2 по г. Владивостоку были выявлены случаи применения «легкого» насилия со стороны дознавателей в отношении подозреваемых, например, некоторые дознаватели позволяют себе некорректные высказывания или применение необоснованной физической силы, когда нет угрозы самому дознавателю, но необходимо склонить подозреваемого к даче показаний.

В связи с указанной проблемой возникает вопрос о пределах применения принуждения при производстве по уголовному делу. В рамках уголовного судопроизводства возможно применение психического принуждения для обеспечения выполнения участниками уголовного судопроизводства своих обязанностей. Например, такое психическое принуждение будет заключаться в разъяснении должностным лицом правовых последствий отказа от исполнения законных требований. В то же время указанное принуждение не должно приобретать вид угрозы.

Незаконное применение физического и психического насилия со стороны сотрудников правоохранительных органов во многом обусловлено необходимостью получения хороших количественных показателей работы, неумением дознавателей иным образом обеспечить судебную перспективу уголовного дела, низким уровнем правовой культуры граждан, часто неспособных реализовать свои законные права [1].

Справедливо ради отметим, что, согласно результатам опроса, проводимого среди дознавателей, большинство опрошенных отрицают возможность нарушения ими уголовно-процессуального закона при производстве дознания.

Используемые источники

1. Гришин Д.А. Реализация принципа законности при производстве дознания: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2009.
2. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
3. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 8 июня.

УДК 343.13

ПРАВОМЕРЕН ЛИ ОТКАЗ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО
ДЕЛА ПРИ ОТСУТСТВИИ ДОСТАТОЧНЫХ ДАННЫХ,
УКАЗЫВАЮЩИХ НА ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ?

*Пилушин И.П., доцент кафедры кандидат юридических наук,
доцент;*

*Павлов А.В., доцент кафедры кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России)*

В результате правовой неопределенности ч. 1 ст. 148 УПК РФ в теории уголовного судопроизводства и в правоприменительной практике сформировался неоднозначный подход к системе оснований отказа в возбуждении уголовного дела. В частности, остается открытым вопрос о признании отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельного основания для отказа в возбуждении уголовного дела. В статье представлены аргументы двух авторов, которые по-разному интерпретируют данное положение закона.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела; достаточные данные; признаки преступления; основания отказа в возбуждении уголовного дела.

IS IT RIGHT TO REFUSAL IN EXCITATION
OF CRIMINAL CASE IN THE ABSENCE
OF SUFFICIENT DATA INDICATING SIGNS OF A CRIME?

*Pilyushin I.P., chair associate professor Kandidat nauk degree
in Law, associate professor;*

*Pavlov A.V., chair associate professor Kandidat nauk degree in Law
(Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia)*

As a result of legal uncertainty part 1 of article 148 of the criminal procedure code of the Russian Federation in the theory of criminal justice and law enforcement organized remained ambiguous approach to the system of grounds for refusal in excitation of criminal case. In particular, it remains an open question about the recognition of the absence of grounds for criminal prosecution as independent grounds for refusal in excitation of criminal case. The article presents the arguments of two authors who have been variously interpreted-ensure the provision of the law.

Keywords: criminal case; sufficient data; evidence of a crime; grounds for refusal to initiate criminal proceedings.

Аргументы автора в обоснование самостоятельного основания для отказа в возбуждении уголовного дела - отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела. Основания для отказа в возбуждении уголовного дела предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ. В данной норме сформулированы определенные обстоятельства, которые обязывают правоприменителя принять вышеуказанное процессуальное решение. В теории основания разделяют на материально-правовые, например, отсутствие в деянии состава преступления, и процессуальные, например, отсутствие заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе, как по его заявлению. Материально-правовые основания имеют уголовно-правовую сущность, поскольку констатируют отсутствие основания уголовной ответственности, т.е. отсутствие деяния, содержащего признаки состава преступления. Процессуальные основания обуславливаются некоторыми процедурными обстоятельствами, которые не позволяют возбудить уголовное дело, несмотря на то, что преступление, возможно, имело место.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 148 УПК РФ в возбуждении уголовного дела следует отказывать, если отсутствует основание для возбуждения уголовного дела, т.е., согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ, отсутствуют достаточные данные, указывающие на признаки преступления. В связи с этим возникает вопрос о том, является ли часть 1 ст. 148 УПК РФ самостоятельным основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Данная норма строится на противопоставлении ч. 2 ст. 140 УПК РФ, которая констатирует, что наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, является основанием для возбуждения уголовного дела. Из этого следует, что отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, влечет невозможность возбуждения уголовного дела. Следовательно, если для возбуждения уголовного дела данных недостаточно, то их достаточно для отказа в возбуждении уголовного дела.

В теории уголовного процесса прочно устоялась позиция, согласно которой для возбуждения уголовного дела данных достаточно, если их оценка позволяет лишь предположить, что совершено преступление, т.е. оценка может быть вероятностной. При отказе в возбуждении уголовного дела правоприменитель должен быть убежден, что преступления не было либо деяние не является преступлением, т.е. оценка должна быть достоверной. Такой подход справедлив лишь в определенной мере. Так, отказывая ввиду отсутствия в деянии состава преступления, следователь достоверно устанавливает, что отсутствует, например, такой признак, как субъек-

тивная сторона, поскольку в действиях лица усматривается необходимая оборона. Здесь правоприменитель имеет реальную возможность действительно и достоверно установить, что действия обороняющегося лица не превысили пределов необходимой обороны.

Вместе с тем, в случае отказа в возбуждении уголовного дела, например, ввиду отсутствия заключения суда о наличии признаков преступления в действиях одного из лиц, указанных в п. 2 и 2¹ ч. 1 ст. 448 УПК РФ, говорить о достоверности установления того, что преступления не было либо деяние не является преступлением, нельзя, поскольку здесь имеют место кардинально разные оценки материалов проверки сообщения о преступлении. Так, следователь Следственного комитета РФ усматривает основание для возбуждения уголовного дела в отношении одного из таких лиц, в то же время коллегия из трех судей Верховного Суда РФ не находит такого основания, что влечет отказ в возбуждении уголовного дела. Таким образом, одна и та же совокупность данных оценивается следователем и судом прямо противоположно. Возникает вопрос о том, можно ли в такой ситуации быть убежденным в том, что преступления действительно не было, что данное основание для отказа в возбуждении уголовного дела является достоверным. Полагаем, что ответ на данный вопрос очевиден.

Возвращаясь к анализу ч. 1 ст. 148 УПК РФ, представляется, что отсутствие основания для возбуждения уголовного дела также является основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Однако данный тезис требует уточнения. В части 2 ст. 140 УПК РФ законодатель использует выражение «признаки преступления». В статье 8 УК РФ, посвященной основанию уголовной ответственности, применена несколько иная формулировка «признаки состава преступления», к которым в теории уголовного права относят объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону. Таким образом, для возбуждения уголовного дела необходимы данные, указывающие именно на признаки состава преступления, поскольку в соответствующем постановлении следует приводить статью Особенной части уголовного закона. Так, данных достаточно, если они указывают хотя бы на объект и объективную сторону состава преступления.

Однако, как быть, если таких данных недостаточно, например, не удалось установить, было ли преступное посягательство и какие общественные отношения им нарушены. Здесь показателен следующий пример. Из медицинского учреждения поступило сообщение о том, что в состоянии алкогольного опьянения был доставлен гражданин Сорокин, у которого обнаружена рана на голове. Он пояснил, что распивал спиртные напитки с неизвестным мужчиной, что было потом, не помнит. Когда протрезвел, обнаружил отсутствие денег и куртки. Других данных в ходе проверки поступившего сообщения получить не удалось. Орган дознания отказал в возбуждении уго-

ловного дела, поскольку нет оснований считать, что в отношении Сорокина было совершено преступление. Придерживаясь той позиции, что при отказе в возбуждении уголовного дела должно быть достоверно установлено, что преступления не было, а при возбуждении уголовного дела достаточно лишь предполагать, что преступление совершено, решение органа дознания следует признать незаконным и необоснованным, необходимо было возбудить уголовное дело.

Действительно, можно лишь предположить, что в отношении Сорокина не было совершено преступление. В то же время для возбуждения уголовного дела имеющихся данных явно недостаточно, поскольку неясно, было ли преступление, и на признаки какого состава преступления имеющиеся данные указывают. Складывается пограничная ситуация. Получается, если нельзя отказать, то следует возбудить уголовное дело. Однако, поскольку данных, указывающих на признаки преступления, недостаточно, то решение о возбуждении уголовного дела будет противоречить ч. 2 ст. 140 УПК РФ, следовательно, будет незаконным и необоснованным. В этом случае необходимо руководствоваться именно ч. 1 ст. 148 УПК РФ, в соответствии с которой следует отказать в возбуждении уголовного дела. В этой связи придется признать, что решение органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела по факту обращения Сорокина соответствует закону. Однако полагаем, что отказ в возбуждении уголовного дела при отсутствии основания для его возбуждения допустим при условии, что были приняты исчерпывающие меры по установлению данных, указывающих на признаки преступления.

Аргументы автора в обоснование правомерности отказа в возбуждении уголовного дела исключительно по основаниям, предусмотренным в ст. 24 УПК РФ. Подход, основанный на буквальном толковании норм УПК РФ, несмотря на его внешнюю привлекательность, следует признать не соответствующим духу закона. В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. На досудебном производстве защита интересов потерпевших осуществляется посредством того, что следователь, орган дознания и дознаватель в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). При наличии признаков преступления деятельность правоохранительных органов по установлению события преступления и изобличению лица осуществляется в пределах сроков давности, предусмотренных ст. 78 УК РФ. Если в рамках стадии возбуждения уголовного дела не представилось возможным установить событие преступления, но и достоверно опровергнуть наличие призна-

ков преступления, следует переходить к следующей стадии уголовного процесса. Возможно, что использование всего комплекса уголовно-процессуальных средств позволит установить обстоятельства происшествия и защитить интересы пострадавших лиц.

К.Б. Калиновский, А.Е. Чечетин обоснованно обращают внимание на то, что понимание этой нормы (ч. 1 ст. 148 УПК РФ) в отрыве от ст. 24 УПК РФ открывает «лазейку» для нарушения принципов публичного уголовного преследования и невыполнения обязанности следственных органов по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в его совершении [1].

Подобным же образом указанное правило толкует Д.Е. Панкратов. Обратившись к формулировке второго предложения ч. 1 ст. 148 УПК РФ (отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, допускается лишь в отношении конкретного лица), а также к названию ст. 24 УПК РФ – «Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела», он приходит к выводу, что основания для отказа в возбуждении уголовного дела четко определены в ст. 24 УПК РФ и их перечень является исчерпывающим [2].

Сущность и значение уголовно-процессуальных отношений в процессе восстановления нарушенных интересов личности, защиты общества и государства от противоправных деяний обуславливает разный подход к характеру знаний при принятии решений об отказе и о возбуждении уголовного дела. Возбуждается уголовное дело на основе вероятностных сведений о том, что возможно было совершено преступление. Решение же об отказе продолжить уголовно-процессуальные отношения может быть принято исключительно на основе достоверных сведений, указывающих на наличие оснований, предусмотренных ст. 24 УПК РФ. Например, для того чтобы принять обоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела в смоделированной оперативно-следственной ситуации по факту причинения телесных повреждений Сорокину, пропажи его денег и куртки, следует установить, что указанные последствия наступили не в связи с криминогенными обстоятельствами:

– получение телесных повреждений (вследствие действий лица, которому причинен вред; в рамках необходимой обороны; независимо от чьей-либо воли, например, в результате стихийных сил природы);

– утрата денег и куртки (утерял, израсходовал, отдал, продал и др.).

Установить, по сути, означает доказать; соответственно, в отказном материале должны быть сведения, указывающие на отсутствие противоправных (преступных) действий в отношении Сорокина. Например, объяснение лица, которому он добровольно выдал куртку, осмотр куртки и др. Наличие одних предположений следователя об отсутствии признаков преступления не позволяет судить об об-

стоятельствах происшествия и не может выступать в качестве оснований для отказа в возбуждении уголовного дела.

Продолжить уголовное судопроизводство в подобной ситуации необходимо не только в целях защиты интересов конкретного пострадавшего, но и для того, чтобы установить лицо, совершившее преступление, с тем, чтобы не допустить им совершения новых преступлений.

То, что сотрудники правоохранительных органов не смогли получить достаточно данных, свидетельствующих о признаках преступления, само по себе не исключает того, что в действительности преступление могло быть совершено. Событию объективной действительности, ставшему предметом проверки, в порядке ст. 144 УПК РФ в условиях информационной неопределенности сложно дать правовую оценку. Не исключено, что это было преступление, возможно, оно вызвано и некриминогенным поведением иных субъектов, а также действий самого пострадавшего лица.

При разрешении данной ситуации следует учитывать, какое из решений (возбудить уголовное дело или отказать) в большей степени позволяет защитить интересы потерпевшего, общества и государства в целом. В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела уголовно-процессуальные отношения прекращаются, из чего следует, что работа правоохранительных органов по установлению обстоятельств происшествия на этом заканчивается. Соответственно, если гипотетически допустить, что все-таки было совершено преступление, оно фактически останется без надлежащего реагирования со стороны государства. Не исключено, что данное преступление может быть раскрыто и в ходе работы по другим уголовным делам, но мы не можем ставить в зависимость расследование одного преступления за счет другого.

В свою очередь, следует обратить внимание на возможные негативные последствия, которые могут наступить при возбуждении уголовного дела и доказывании в ходе его расследования отсутствия события преступления. В этом случае уголовное дело прекращается, в контексте нашего исследования данное решение не ограничивает доступ граждан к правосудию и не нарушает интересы лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Однако прекращение уголовного дела в связи с отсутствием события преступления крайне отрицательно сказывается на ведомственных показателях. Именно данное обстоятельство и является определяющим негативным фактором при выборе этого решения в практической деятельности. Читатель волен сам выбирать подход, который, по его мнению, позволяет верно интерпретировать волю законодателя и правильно применить уголовный закон. В то же время при разрешении конкретной оперативно-следственной ситуации следователь в условиях правовой неопределенности должен принимать решение, прежде всего, с учетом инте-

ресов пострадавшего, защиты общества и государства от противоправных деяний.

Используемые источники

1. Калиновский К.Б., Чечетин А.Е. Защита прав потерпевших от преступлений в стадии возбуждения уголовного дела российского уголовного процесса // Российский следователь. 2015. № 9.
2. Панкратов Д.Е. О сущности оснований для отказа в возбуждении уголовного дела // Российский следователь. 2008. № 15.

УДК 343.544

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 240.1 УК РФ

Пляс Д.Г., преподаватель Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России

В работе исследуется объект уголовно-правовой охраны и преступного посягательства, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ (Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего).

Ключевые слова: половая мораль; нравственность несовершеннолетних; половая свобода; материальное вознаграждение.

OBJECT OF CRIME UNDER ART. 240.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Plyas D.G., lecturer of the Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article examines the object of criminal law protection and criminal assault under Art. "Obtaining sexual services of a minor" 240.1 of the Criminal Code.

Keywords: sexual morality; the morality of minors; sexual freedom; financial reward.

Значение определения объекта уголовно-правовой охраны, в первую очередь, обусловлено построением Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). В зависимости от объекта преступного посягательства законодатель

включает преступление в тот или иной раздел, а также главу уголовного закона.

Так, включенная в декабре 2013 г. в УК РФ статья 240.1, предусматривающая ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего лицом, достигшим совершеннолетнего возраста, помещена в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Это обусловлено тем, что, во-первых, целью принятия указанной нормы является борьба с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних и сексуальной эксплуатацией женщин и детей, а во-вторых, новелла направлена на уголовно-правовую защиту общественной нравственности, предотвращение аморального антиобщественного поведения, связанного с нарушением общепринятых норм половой морали, и наказание за такое поведение.

Однако в научной литературе высказывается мнение о том, что расположение ст. 240.1 УК РФ в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» является ошибочным.

Так, например, М.С. Семикина утверждает, что это не дает возможности в достаточной мере обеспечить защиту несовершеннолетних потерпевших от сексуальной эксплуатации. Автор ссылается на то, что первостепенную роль в рассматриваемой уголовно-правовой норме играет несовершеннолетний возраст потерпевшего и при совершении указанного преступления вред причиняется нравственности несовершеннолетнего. Именно поэтому, по мнению автора, очевидна необходимость введения ст. 240.1 в главу «Преступления против личности», где объектом уголовно-правовой охраны являются блага и интересы несовершеннолетнего [4, с. 77].

Нам представляется не совсем обоснованным и целесообразным данное предложение. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть понятие такого элемента состава преступного деяния, как объект преступления.

В настоящее время теорией уголовного права выработано большое количество концепций относительно объекта преступления. В юридической науке встречается понятие объекта как общественных отношений, как совокупности общественных отношений, правовых благ и интересов. Придерживаясь мнения о том, что объектом преступления являются общественные отношения, блага и интересы, видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ, следует определить общественные отношения, возникающие в сфере общественной нравственности. Непосредственным объектом выступают общественные отношения в области половой морали.

Согласно определению, данному С.И. Ожеговым, нравственность – это внутренние, духовные качества, которыми руководству-

ется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами [3, с. 420]. Именно совокупность общепринятых правил поведения человека в обществе и по отношению друг к другу, этических норм, норм морали и духовности определяет общественную нравственность и затрагивает все сферы жизнедеятельности общества. Указанные нормы способствуют нормальному развитию общества, устанавливаются им, но закладываются и воспитываются в детском и подростковом возрасте. Устанавливая уголовно-правовой запрет на вступление в сексуальные контакты за вознаграждение, законодатель создает препятствие для нарушения норм половой морали и безнравственного поведения. Аморальным считается удовлетворение своих сексуальных потребностей за вознаграждение (или обещание вознаграждения), так как в первую очередь такое поведение субъекта преступления и лица, предоставляющего сексуальные услуги, причиняет вред духовным ценностям, подрывает авторитет институтов семьи и брака. Сексуальный контакт в данном случае выступает примитивной формой удовлетворения своих сексуальных потребностей виновным и материальных потребностей несовершеннолетним, оказывающим такие услуги. Отсутствие духовно-эмоциональной вовлеченности между партнерами, сведение полового акта к чисто телесному процессу и будет нарушением норм общественной нравственности.

Указание же в ст. 240.1 УК РФ на несовершеннолетний возраст потерпевшего свидетельствует о наибольшей степени общественной опасности такого деяния по сравнению со вступлением в аналогичные сексуальные отношения с совершеннолетним, так как дополнительным объектом выступает нравственное развитие несовершеннолетнего. Но определение возраста потерпевшего играет роль для уголовно-правовой квалификации в части установление умысла виновного, относится к субъективным причинам совершения лицом рассматриваемого преступления и не имеет решающего значения для определения объекта преступного посягательства.

Говоря об уголовно-правовой категории потерпевшего, следует отметить, что в юридической литературе встречается определение объекта как физического лица, которому причиняется вред в результате совершения преступления как субъективного права. В этом понимании объекта первостепенную роль играет определение личности потерпевшего.

В связи с этим можно согласиться с мнением Е. Дрожжиной, что понимание объекта как физического лица, которому причиняется вред в результате совершения преступления, как субъективного права, а в некоторых случаях и как правового блага, предполагает индивидуальную принадлежность такого объекта преступления лицу, тесную связь с личностью последнего. В то же время, как отмечает Е. Дрожжина, учитывая сложившуюся практику квалификации пре-

ступлений, можно сделать вывод о безотносительности объекта преступления и конкретной личности потерпевшего; объект преступления рассматривается абстрактно, в целом, а не через принадлежность кому-либо конкретно. При таком понимании объекта преступления в случае ошибки в личности потерпевшего значение приобретает факт направленности умысла виновного на нарушение объекта преступления и тот факт, что объект преступления пострадал в результате действий виновного [1, с. 33]. Исходя из этого, несовершеннолетнего потерпевшего в ст. 240.1 УК РФ следует рассматривать не как объект преступного посягательства, а как признак объекта, а его возраст как признак, характеризующий общественную опасность преступления.

В принятой норме акцент законодателем сделан именно на защиту видového объекта, на недопустимость нарушения норм общественной нравственности в целом путем причинения вреда непосредственному объекту, нравственности в сфере половых отношений. Половая свобода несовершеннолетнего в данной статье дополнительным объектом не выступает. Половая свобода – это свобода сексуального самоопределения человека, то есть право самостоятельно и без принуждения выбирать сексуальных партнеров, форму интимных отношений и т.д. В преступлениях против личности половая свобода лица выступает как основной объект преступного посягательства, причинения вреда половой свободе как неотъемлемому благу личности происходит путем физического или психического воздействия на потерпевшего. Статьями гл. 18 УК РФ устанавливается запрет на вторжение в сферу сексуальных отношений детей и подростков. При совершении преступлений, связанных с насильственными посягательствами на половую свободу несовершеннолетних, половой акт осуществляется против воли несовершеннолетнего путем применения насилия или угрозой его применения. В отличие от ст. 131-132 УК РФ, при получении сексуальных услуг несовершеннолетний обладает определенной свободой выбора. Он распоряжается своей половой свободой в целях удовлетворения своих низменных потребностей, часто материальных. Делает это осознанно и добровольно. Вступление в сексуальный контакт за вознаграждение исключает любое насилие над потерпевшим. Вознаграждение или обещание вознаграждения со стороны лица, получающего сексуальные услуги, не выступает средством ограничения воли потерпевшего, «при котором он (она) не может в полной мере действовать в соответствии со своими намерениями, и в результате таких действий виновного нарушается половая свобода потерпевшего (потерпевшей)» [2, с. 13], как, например, в ч. 2 ст. 133, где речь идет об использовании материальной или иной зависимости несовершеннолетнего в целях вступления с ним в сексуальный контакт.

Таким образом, в преступлениях против личности, где обязательным признаком объекта преступления выступает несовершеннолетний потерпевший, законодатель устанавливает запрет на вторжение в сферу сексуальных отношений несовершеннолетних, запрет посягательства на половую свободу несовершеннолетнего как его неотъемлемое благо. Преступлением, предусматривающим ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от 16-ти до 18-ти лет, законодатель установил запрет на вторжение в сферу общественной нравственности и такого ее элемента, как нравственность несовершеннолетних и половая мораль. В связи с этим следует вывод о том, что посягательство на личные права и свободы несовершеннолетнего, его половую свободу отсутствует.

Исходя из вышесказанного, отметим, что включение ст. 240.1 в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» целесообразно и оправданно. Во-первых, это обусловлено целью принятия указанной нормы – борьбой с детской проституцией и сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних, а не защитой половой свободы несовершеннолетнего как неотъемлемого блага личности. Несовершеннолетний возраст потерпевшего указан в связи с повышенной степенью общественной опасности такого деяния по отношению к действиям, связанным с получением сексуальных услуг от лиц, достигших 18-летнего возраста, и играет роль лишь для определения направленности умысла виновного и характеристик его личности. Во-вторых, вступление в сексуальные контакты с несовершеннолетним за вознаграждение (или обещание такового), безусловно, причиняет вред общественным отношениям в сфере нравственности. На аморальность такого поведения указывает цель совершения рассматриваемого преступления. Удовлетворение своих низменных потребностей как лицом, получающим сексуальные услуги, так и несовершеннолетним, их предоставляющим, способным в полной мере распоряжаться своей половой свободой в силу достижения 16-летнего возраста и отсутствия какого бы то ни было физического или психического воздействия на личные права и свободы несовершеннолетнего, свидетельствует об отсутствии духовного контакта между субъектом преступления и потерпевшим, что недопустимо и аморально в любом обществе, и причиняет вред таким элементам общественной нравственности, как нравственность несовершеннолетних, духовность и половая мораль.

Используемые источники

1. Дрожжина Е. Объект преступления и его влияние на квалификацию преступлений // Уголовное право. 2015. № 3.

2. Котельникова Е.А. Насильственные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1991.
4. Семикина М.С. Совершенствование законодательства, устанавливающего ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2015.

УДК 343.132

К ВОПРОСУ О ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА

*Прохорова Т.Л., преподаватель;
Рымарева Н.В., старший преподаватель
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

В статье комментируется порядок производства одного из основных следственных действий в российском уголовном процессе – допроса. Рассматривается проблема продолжительности его производства при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: допрос; продолжительность допроса; порядок производства следственного действия.

ON THE ISSUE OF DURATION OF INTERROGATION

*Prokhorova T. L., lecturer;
Rymareva N. V., senior lecturer
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russia)*

The article commented on the procedure for the production of a major investigation in the Russian criminal trial – questioning. The problem of the length of its production in order in the investigation of criminal cases.

Keywords: an interrogation; the duration of the interrogation; the order of an investigative action

Общеизвестно, что допрос является одним из самых часто проводимых в процессе расследования преступления следственных действий. Это процессуальное действие, проводимое на стадиях судебного и предварительного следствия, представляющее собой познавательную и удостоверительную деятельность специально уполномоченных должностных лиц с использованием не противоречащих закону способов, посредством которого могут быть получены и проверены с точки зрения их относимости и достоверности фиксируемые в установленном законом порядке показания лиц, осведомленных о совершенном преступлении, а также относящиеся к делу сведения.

В большинстве случаев в теории уголовного процесса о допросе говорят как о следственном действии, суть которого состоит в получении от допрашиваемого лица информации о событиях, которые входят в предмет доказывания по делу, или в получении следователем показаний по обстоятельствам, важным для дела [2, с. 11].

Уголовно-процессуальный кодекс РФ ограничивает время непрерывного допроса. В частности, допрос взрослого без перерыва может длиться не более 4 часов. Продолжение допроса разрешается после перерыва для отдыха и принятия пищи не менее чем на один час. Общая длительность допроса на протяжении дня не может быть более 8 часов [1].

Если имеются медицинские показания, длительность допроса определяется согласно врачебному заключению. Однако законодатель не представляет никакого списка диагнозов, оставляя решение этой проблемы на врачебное усмотрение. Вместе с тем законодатель прямо не утверждает, а только подразумевает, что в такой ситуации может быть снижение длительности допроса. Полагаем, что необходимость в получении заключения врача об установлении продолжительности допроса возникает только в тех случаях, когда решается вопрос о необходимости снижения длительности допроса, а не об увеличении, например, на основании заключения врача об идеальном здоровье.

Не просто так законом устанавливается максимальная продолжительность допроса без перерывов аналогично длительности рабочего времени. Общеизвестно, что продолжительность рабочего дня обычно тоже 8 часов, причем длительность первой половины дня (в большинстве случаев, это время с 9.00 ч. по 13.00 ч.) – 4 часа. Именно в этот временной отрезок установлена нормальная работоспособность как потенциальная возможность лица исполнять целесообразную деятельность на заданном уровне эффективности. В последующем появляется утомление, которое выражается в уменьшении производительности труда, снижении скорости и точности работы, росте инерционности в динамике нервных процессов, нарушении внимания, памяти, интеллектуальных процессов, сдвиге в эмоционально-мотивационной сфере.

Однако статья 187 УПК РФ несколько категорично устанавливает предельную продолжительность допроса. Предположим ситуацию, когда допрашиваемое лицо выражает желание давать показания и спустя 4 часа непрерывного допроса. При этом информацию, которую оно предоставляет, имеет существенное значение для дальнейшего расследования уголовного дела, а промедление с их фиксацией и проверкой вызовет невозполнимую утрату доказательств. Таким образом, представляется целесообразным законодательно уточнить, что допрос может проходить с согласия допрашиваемого лица без перерывов более 4 часов. Соответственно, на следователя необходимо возложить функцию спустя 4 часа непрерывного допроса уточнить у допрашиваемого лица, желает ли оно продолжить давать показания, или ему нужен перерыв. При этом, если лицо желает продолжить давать показания, следователю необходимо разъяснить, что в любой момент по его желанию допрос может быть приостановлен.

Таким образом, допрос является самым распространенным следственным действием, играющим весомую роль при расследовании преступления. Однако законодатель не в полной мере учел накопленный практический опыт и научные разработки относительно вопросов, связанных с несовершенством регламентации допроса в процессуальном законодательстве.

Используемые источники

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Б.Т. Безлепкина. М., 2014.
2. Конева С.И. Допросы в уголовном суде. Н. Новгород, 2013.

УДК 343.3

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРЕДУСМОТРЕННОЕ СТ. 322.2 УК РФ

Самойлюк Н.В., доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

В статье на основе действующего российского законодательства и анализа судебной практики проводится исследование объективных и субъективных признаков состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за фиктивную регистрацию в жилом помещении в Российской Федерации.

Ключевые слова: фиктивная регистрация; место жительства; жилое помещение; гражданин Российской Федерации; иностранный гражданин.

QUESTIONS CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES UNDER ART.322 OF THE CRIMINAL CODE

Samoylyuk N.V., chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law

On the basis of current Russian legislation and judicial practice analysis conducted research of objective and subjective signs of an offense criminalizing fictitious registration in a residential area in the Russian Federation.

Keywords: fictitious registration; location; living room; a citizen of Russian Federation; foreign citizen.

В связи с принятием Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ [4] уголовное законодательство Российской Федерации дополнено, в том числе, ст. 322.2 «Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации», что обуславливает необходимость разъяснения уголовной ответственности за указанное преступление.

Новая статья помещена в гл. 32 «Преступления против порядка управления» разд. X «Преступления против государственной власти».

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, является установленный федеральным законодательством порядок регистрации граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства или по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации.

Объективная сторона рассматриваемого преступления состоит:

1) в фиктивной регистрации по месту пребывания или по месту жительства гражданина Российской Федерации в жилом помещении в Российской Федерации;

2) в фиктивной регистрации по месту жительства иностранного гражданина или лица без гражданства в жилом помещении в Российской Федерации.

Диспозиция ст. 322.2 УК РФ является бланкетной. Для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо обратиться к ряду источников, таких как Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [2], Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5], Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [3] и ряду других.

Под фиктивной регистрацией гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства понимается регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства на основании представления заведомо недостоверных сведений или документов для такой регистрации либо его регистрация в жилом помещении без намерения пребывать (проживать) в этом помещении, либо регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства без намерения нанимателя (собственника) жилого помещения предоставить это жилое помещение для пребывания (проживания) указанного лица.

Так, мировым судьей судебного участка № 4 судебного района города окружного значения Новый Уренгой признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, Б., который, являясь гражданином Российской Федерации, в период времени с 3 февраля по 16 июля 2014 г. через паспортный стол передавал должностным лицам ОАО «Управляющая жилищная компания» заполненные лично им и заверенные его подписью заявления соответствующего образца, подтвердив тем самым свое согласие на регистрацию в его квартире граждан РФ: А М.М., Б С.М., Б Х.А., Б Ж.Н., Г А.С., Д Ф.М., К Д.А., М А.А., Ф Р.М., Х А.М., при этом достоверно знал, что данные граждане по указанному адресу пребывать и проживать не будут и фактически жилое помещение по указанному адресу гражданам предоставляться не будет [7].

Фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации включает в себя аналогичные действия.

Так, мировым судьей судебного участка № 3 г. Торжка Тверской области признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, М., которая, являясь собственником жилого помещения, заключила с гражданкой республики Азербайджан договор безвозмездного пользования жилым помещением, фактически не имея намерения предоставить последней указанное жилое помещение для проживания [6].

Под местом пребывания понимается гостиница, санаторий, дом отдыха, пансионат, кемпинг, туристская база, медицинская организация или другое подобное учреждение, учреждение уголовно-исполнительной системы, исполняющее наказания в виде лишения свободы или принудительных работ, либо не являющееся местом жительства гражданина Российской Федерации жилое помещение, в которых он проживает временно.

Под местом жительства понимается жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда (служебное жилое помещение, жилое помещение в общежитии, жилое помещение маневренного фонда, жилое помещение в доме системы социального обслуживания граждан и другие) либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства.

Под жилым помещением, согласно Жилищному кодексу РФ, понимается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан, отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства [1].

Так, З.В.В. совершила фиктивную регистрацию Ю.А.Т. в квартире, которая для проживания не была пригодна, технический паспорт, составленный в 2008 г. на жилой дом, отражал общий износ жилого дома на тот период, и информация, указанная в нем, не была актуальной, о чем было известно З.В.В. [8].

По конструкции объективной стороны исследуемый состав является формальным, считается оконченным с момента оформления фиктивной регистрации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации.

Субъективная сторона выражена виной в форме прямого умысла.

Субъектом преступления могут быть как граждане Российской Федерации, так и иностранные граждане и лица без гражданства, которые предоставили в соответствующие органы заведомо недостоверные сведения или документы для фиктивной их регистрации по месту жительства или по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации либо зарегистрировавшиеся по месту жительства или пребывания без намерения пребывать (проживать) в соответствующем жилом помещении, а также собственники (наниматели) жилого помещения, зарегистрировавшие указанных лиц без намерения предоставлять им жилое помещение для проживания.

Анализ законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ, а также судебной практики по

делам, возбужденным по признакам исследуемого состава, показал, что применение новой статьи затрудняет бланкетность ее нормы, поскольку для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо изучить значительный массив законодательства в сфере миграции населения.

Используемые источники

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 31.01.2016). Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
2. Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.
3. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.
4. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 51. Ст. 6696.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
6. URL: <http://sudact.ru/magistrate> (дата обращения: 04.03.2016).
7. URL: <http://sudact.ru/magistrate> (дата обращения: 04.03.2016).
8. URL: <http://sudact.ru/magistrate> (дата обращения: 04.03.2016).

УДК 343.12

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Супрун С.В., начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В настоящей статье исследуется проблема реализации гражданского иска о возмещении вреда, причиненного бюджетной системе государства налоговым преступлением, при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Ключевые слова: предварительное расследование; налоговые преступления; гражданский иск.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE CIVIL SUIT ON CRIMINAL CASES ABOUT TAX CRIMES

Suprun S.V., chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law, associate professor

In the real work the problem of implementation of the civil suit about indemnification caused to the budgetary system of the state by a tax crime at investigation and consideration of criminal cases is investigated.

Keywords: preliminary investigation; tax crimes; civil suit.

В достижении назначения уголовного судопроизводства большое значение имеет принцип защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ст. 6 УПК РФ). При расследовании преступлений данный принцип может быть реализован посредством заявления исковых требований о возмещении вреда, причиненного преступлением, в форме гражданского иска. Так как в УПК РФ говорится о лицах, которые вправе его предъявлять (ст. 44 УПК РФ), то это означает, что гражданский иск имеет место в уголовном судопроизводстве.

По общему правилу, на этапе предварительного расследования уголовного дела лицо вправе предъявить иски о возмещении имущественного вреда при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. При расследовании отдельных категорий уголовных дел, в частности налоговых преступлений, возникает проблема, связанная с правом налогового органа на заявление гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением.

Проблема заключается в том, что существуют отдельные противоречия, содержащиеся в нормах действующего межотраслевого законодательства, регулирующего основания и порядок заявления и рассмотрения гражданского иска по налоговому преступлению. Обозначим и рассмотрим некоторые из них. Начнем с норм налогового законодательства. Нормами НК РФ (ч. 1 ст. 2) регулируются властные отношения по установлению, взиманию и введению налогов и сборов в Российской Федерации, а также отношения, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения. Пункт 3 ст. 2 ГК РФ запрещает органам предварительного следствия, прокуратуры и суда применять к имущественным отношениям, основанным на административном или ином

властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, нормы гражданского законодательства.

Судебная практика показывает обратное. При расследовании уголовных дел налоговые органы заявляют гражданские иски о возмещении вреда, причиненного преступлением государству. При рассмотрении гражданского иска по налоговому преступлению применяются нормы уголовно-процессуального, гражданского и налогового законодательства в совокупности и взаимосвязи [1].

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 28 декабря 2006 г. № 64 разъяснил, что при расследовании налоговых преступлений истцами по гражданскому иску могут выступать налоговые органы (п. 16 п. 1 ст. 31 НК РФ) или органы прокуратуры (ч. 3 ст. 44 УПК РФ) [4]. В указанном Постановлении Верховный Суд Российской Федерации настоятельно рекомендует органам предварительного следствия, прокуратуре и суду при установлении вида и размера вреда, причиненного государству налоговым преступлением, применять нормы гражданского законодательства. Но если полномочия прокурора четко прописываются в УПК РФ и логически вписываются в правовую ткань уголовного судопроизводства, то право налоговых органов заявлять иск при расследовании налоговых преступлений уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено.

Анализ судебно-следственной практики по возмещению вреда, причиненного государству налоговым преступлением, показывает, что органы предварительного следствия, прокуратуры и суда признают налоговые органы гражданскими истцами в уголовном судопроизводстве, что противоречит ч. 1 ст. 44 УПК РФ и ч. 2.14 ст. 31 НК РФ. В подтверждение изложенного нами выше приведем следующие примеры.

Приговором Куйбышевского районного суда г. Омска от 26 февраля 2008 г. гражданин Б. был осужден по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. Налоговым органом был предъявлен гражданский иск к гражданину Б. о взыскании с него суммы неуплаченных налогов, который был частично удовлетворен [3].

Гражданин С. осужден по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ. По гражданскому иску налогового органа с гражданина С. судом взыскан ущерб в полном объеме в пользу Российской Федерации [2].

Исходя из содержания ч. 1 ст. 44 УПК РФ, обязательным критерием появления гражданского истца в уголовном деле является наличие вреда, причиненного ему непосредственно преступлением. При совершении налогового преступления имуществу и деловой репутации налогового органа как юридического лицу вред не причиняется. Из этого следует, что налоговый орган не вправе заявлять гражданский иск и приобретать процессуальный статус гражданско-

го истца при расследовании уголовного дела. По нашему мнению, при расследовании уголовного дела налоговый иск должен подаваться налоговым органом, который и должен признаваться следователем Следственного комитета Российской Федерации налоговым истцом по уголовному делу.

На основе проведенного комплексного правового анализа норм, образующих межотраслевой институт возмещения вреда, причиненного налоговым преступлением, можно утверждать, что проблема применения гражданского законодательства (п. 3 ст. 2 ГК РФ) для регулирования налоговых отношений в сфере уголовного судопроизводства до настоящего времени остается актуальной. Налоговый орган при расследовании налогового преступления не должен приобретать процессуальный статус гражданского истца и реализовать право на заявление гражданского иска.

В связи с этим представляется целесообразным дополнить нормы УПК РФ положениями о процессуальном порядке предъявления налогового иска и правовом положении налогового органа в уголовном процессе с предоставлением ему юридического статуса налогового истца. Это дополнение позволит более четко обозначить правовое положение налогового органа в уголовном процессе и наделить его необходимыми процессуальными правами для эффективной защиты финансовых интересов государства.

Используемые источники

1. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2014 г. № 3-УДп142. Доступ из СПС «Гарант».
2. Кассационное определение Московского областного суда от 17 января 2013 г. по делу № 22к-89 «Ходатайство заместителя руководителя следственного органа о наложении ареста в виде запрета распоряжения на имущество подозреваемого удовлетворено, поскольку данное решение принято в установленном законом порядке, нарушений уголовно-процессуального закона не допущено». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 16 апреля 2009 г. № 442-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барилова Петра Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьей 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.348

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ
«КЛАДБИЩЕНСКИЕ ЗДАНИЯ» КАК ПРЕДМЕТЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 244 УК РФ

Тертышниковна Е.М., преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

В статье излагается специфика понятия «кладбищенские здания» в контексте анализа предметов преступления ст. 244 УК РФ. Автор, учитывая наименование, приведенное в диспозиции ст. 244 УК РФ, выделяет критерии, позволяющие разграничить указанные предметы посягательства, приводит их толкование.

Ключевые слова: кладбище; крематорий; колумбарий; уничтожение; повреждение.

TO THE QUESTION OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT
«CEMETERY BUILDINGS» AS THE SUBJECT OF A CRIME
UNDER ART. 244 OF THE CRIMINAL CODE

Tertyshnikova E.M., lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article describes the specifics of the concept of «the cemetery of the building», in the context of the analysis of objects of crime of Article 244 of the Criminal Code. The author considering denomination, given in the disposition of Art. 244 of the Criminal Code, identifies criteria to distinguish between these items assault leads their interpretation.

Keywords: cemetery; crematorium; columbarium; destruction; damage.

Согласно ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», к предметам, в отношении которых осуществляется преступное посягательство, относятся: тела умерших, места захоронения, надмогильные сооружения, кладбищенские здания, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением.

В целях недопущения ошибок правоприменителей считаем необходимым рассмотреть понятие «кладбищенские здания» в контексте анализа предметов преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ.

Обратим внимание, что диспозиция указанной нормы уголовного закона является бланкетной. Для того чтобы в полном объеме определить круг предметов преступного посягательства, указанных в ст. 244 УК РФ, следует обратиться за разъяснением к статьям Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [3], а также к Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации [2]. В данных актах приведены основные понятия, термины и определения, которые сформулированы в соответствии с Инструкцией о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации, утвержденной приказом Минжилкомхоза РСФСР от 12 января 1979 г. № 25, Большой советской энциклопедией и справочником «Ритуальное обслуживание». Однако законодатель не разъясняет, что следует считать «кладбищенскими зданиями». Более того, заметим, что нигде, кроме как в ст. 244 УК РФ, это понятие не используется и законодательно не определяется.

Исходя из наименования, приведенного в диспозиции ст. 244 УК РФ, предполагаем, что основными критериями для разграничения указанных предметов служат:

1. Расположение зданий строго на территории кладбища.
2. Предназначение зданий для осуществления поминовения умерших или связь с погребением умершего.

Согласно Рекомендациям, к таковым относятся:

- здания траурных гражданских обрядов (здания ритуального назначения, строящиеся по типовым проектам, предусматривающим соответствующее внешнее и внутреннее оформление, и включающие приемную-регистратуру, комнату руководителя обряда и оформления документов, вестибюль, зал ожидания, комнату для родственников, комнату формирования почетного караула, комнату подготовки к обряду, траурный зал, комнату персонала, гардероб, курительную комнату, реквизит и технические помещения (вентиляционная, электрощитовая, отделение холодильных установок, холодильная камера, помещение для хранения тележек).

- похоронные дома (объект похоронного назначения, обеспечивающий полный комплекс услуг по организации и проведению похорон);

- крематории [2].

Примечательно, что в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [3] крематории наравне с кладбищами относятся к местам погребения. На наш взгляд, рассматриваемая позиция законодателя неверна, так как крематорий представляет собой ритуальное сооружение, предназначенное для предания тел (останков) умерших огню (кремации), но никак не погребению. Местом погребения урн с прахом умерше-

го будет являться колумбарная ниша, расположенная в колумбарной стене или колумбарии.

Вне сомнения, функциональное значение ранее указанных зданий связано с похоронным обслуживанием, однако не всегда эти объекты расположены на территории кладбища. При этом их расположение за пределами кладбища не влияет на их принадлежность к объектам похоронного значения. Как верно замечает Р.А. Исмагилов, ритуал похорон нередко растягивается не только во времени, но и в пространстве, начинаясь в траурном зале морга или больницы и заканчиваясь захоронением покойного в кладбищенскую могилу. Вместе с тем поминовение умершего в ритуальном здании вне кладбища является не менее значимым этапом церемонии похорон, чем прощание с покойным у могилы, а значение такого здания как объекта похоронной культуры ничуть не меньше, чем домов траурных обрядов и крематориев, расположенных на территории самого кладбища [1, с. 68].

Учитывая вышесказанное, считаем возможным к предметам преступления ст. 244 УК РФ отнести все вышеперечисленные здания ритуальных назначений, местоположение которых находится не на территории кладбища. Также обратим внимание, что к ритуалам погребения относятся санитарно-гигиенические и косметические процедуры (бальзамирование и обмывание тела, бритье, стрижка волос), облачение тела в заранее принесенную одежду и укладывание его в гроб, которые в настоящий период времени осуществляются работниками морга или останкохранилища. При этом данные объекты похоронного значения чаще всего находятся вне пределов кладбища. Вместе с тем объекты похоронного значения могут занимать не только целые здания, но и отдельные помещения, которые входят в состав патолого-анатомических отделений, лечебных и иных учреждений. К таковым следует отнести морг, останкохранилище/трупохранилище. В ходе реализации преступного умысла перечисленные здания могут быть уничтожены, повреждены или осквернены, поэтому считаем важным включить их в круг предметов преступления ст. 244 УК РФ.

Думается, что справедливым будет предложение заменить в части диспозиции ст. 244 УК РФ словосочетание «кладбищенские здания, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением» на «ритуальные здания и помещения, предназначенные для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением». По нашему мнению, представленная редакция лаконично отражает специфику проведенного анализа и приведет к устранению некоторых пробелов в конструкции состава преступления о надругательстве над телами умерших и местами их захоронения, способных также негативно влиять на уровень преступности указанного вида.

Используемые источники

1. Исмагилов Р.А., Шарапов Р.Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: монография. М., 2014.
2. Рекомендации о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации (протокол Госстроя России от 25 декабря 2001 г. № 01-НС-22/1). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Трубчик И.С., декан Пятого факультета повышения квалификации ИПК Академии СК России (г. Хабаровск) заслуженный юрист Российской Федерации

В статье рассматриваются вопросы производства допроса подозреваемого в ночное время. Подчеркивается, что такие допросы проводятся в исключительных случаях и к ним предъявляются особые процессуальные требования.

Ключевые слова: задержание подозреваемого; случаи, не терпящие отлагательства; недопустимость доказательств.

FEATURES OF THE RIGHTS OF A SUSPECT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Trubchik I.S., dean of the of the Fifth faculty of advanced training IPK Academy of the IC of Russia (Khabarovsk) honoured lawyer of the Russian Federation

The article deals with the production of the suspect's interrogation at night. It is emphasized that these interrogations are carried out in exceptional circumstances, these are special procedural requirements.

Keywords: arrest of the suspect; cases of urgency; the inadmissibility of evidence.

Задержание подозреваемого – это мера процессуального принуждения, применяемая органам дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления [2, с. 309].

Срок задержание не может превышать 48 часов до судебного решения о применении судьей меры пресечения в виде заключения под стражу либо продления срока задержания в порядке п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания. В момент фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, ему должно быть разъяснено право иметь защитника (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ), но нередко возможность реализовать это право предоставляется с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю.

УПК РФ детально регламентирует порядок задержания подозреваемого, что является важной гарантией законности и обоснованности задержания и обеспечения прав задержанного. В каждом случае задержания подозреваемый должен быть допрошен в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 46, ст. 189 и 190 УПК РФ не позднее 24 часов с момента фактического задержания (ч. 4 ст. 92 УПК РФ).

Следственной практике известны случаи, когда следователь принимает решение о производстве допроса подозреваемого в ночное время. Между тем часть 3 ст. 164 УПК РФ не допускает производство следственного действия в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. В соответствии с п. 21 ст. 5 УПК РФ ночное время – промежуток времени с 22 часов до 6 часов по местному времени. Таким образом, в каждом конкретном случае следователь должен принимать решение о возможности или невозможности производства следственного действия до наступления дневного времени.

В частности, не терпящими отлагательства случаями следует считать ситуации, когда необходимо срочно пресечь или предотвратить совершение преступления, когда промедление с производством следственного действия может привести к безвозвратной утрате доказательств, а также помешать отысканию предметов преступного посягательства, позволить заинтересованным лицам скрыть следы преступления, уничтожить либо фальсифицировать доказательства по уголовному делу или позволить подозреваемому и его соучастникам скрыться и т.п. К исключительным случаям может быть отнесена и сложившая следственная ситуация, когда следственное действие, начатое в дневное время суток, из-за продолжительности невозможно закончить до 22 часов.

В Кассационном определении Верховного Суда РФ от 18 июня 2013 г. № 73-О13-8СП отражена правовая позиция, согласно которой наличие случая, не терпящего отлагательства, при производстве следственного действия можно мотивировать в указаниях руководителя следственного органа, которые обязательны для исполнения следователем.

Порядок и условия содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей регламентируются Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [3]. В главе 2 «Права подозреваемых и обвиняемых и их обеспечение» в п. 10 ст. 17 закреплено, что подозреваемые и обвиняемые имеют право на 8-часовой сон в ночное время, в течение которого запрещается привлечение их к участию в процессуальных и иных действиях, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ.

В такой ситуации необходимо при наступлении 22 часов приостановить производство следственного действия, разъяснить (при необходимости повторно) его участникам требования уголовно-процессуального закона и затем продолжить (при согласии участников) либо отложить его окончание до наступления дневного времени, что отражается в установленном порядке в протоколе следственного действия.

Для предупреждения (и последующего разрешения) сомнений в обоснованности проведения того или иного следственного действия в ночное время целесообразно и разумно разъяснить причину всем участникам, которые привлекаются к его производству, и отразить это в протоколе следственного действия.

В судебной практике при оценке допустимости доказательств суд учитывает в первую очередь соблюдение гарантированных законом конституционных прав подозреваемых и обвиняемых на защиту, а также соблюдение процессуальной формы при получении и закреплении доказательств.

Так, приговором Приморского краевого суда, поставленным на основании вердикта коллегии присяжных заседателей, гр. Ф. оправдан в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 131, п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ, за отсутствием событий преступления, а в совершении преступления, предусмотренного п. «в», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, – за непричастностью.

Суд признал недопустимыми доказательствами протокол явки с повинной гр. Ф., а также его допросы в качестве подозреваемого, в которых он признал совершение изнасилования, насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетней падчерицы К. и ее убийство.

Принимая решение о недопустимости протокола явки с повинной, суд указал, что исследованными доказательствами не подтвержден ее добровольный характер, не представлено убедительных доводов того, что имелись основания перемещать гр. Ф. с одного населенного пункта в другой.

Кроме того, мотивируя решение о признании недопустимым доказательством протокола допроса гр. Ф. в качестве подозреваемого суд пришел к выводу, что предусмотренных законом оснований для

проведения его допроса в ночное время суток не имелось в силу следующих причин. Все доказательства по делу были обнаружены и изъяты до задержания гр. Ф. Проведены все осмотры, отобраны образцы, необходимые для производства экспертиз. У следствия была возможность допросить гр. Ф до наступления ночного времени. Также суд указал, что следователь в протоколе допроса либо в отдельном постановлении не привел убедительных оснований проведения допроса гр. Ф. в ночное время.

Кроме того, по нашему мнению, в случае производства следственных действий в ночное время следователь должен получить мотивированное ходатайство участника уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, др.) о его проведении в ночное время, которое рассмотреть и разрешить в порядке ст. 121-122 УПК РФ. При этом в постановлении об удовлетворении ходатайства в обязательном порядке следует указать, какие именно обстоятельства расследования конкретного уголовного дела не терпят отлагательства. Если такое ходатайство отсутствует, следователь должен предварительно истребовать от подозреваемого заявление о согласии на участие в проведении соответствующего следственного действия в ночное время, составленное собственноручно. При этом в заявлении должно быть отражено состояние здоровья подозреваемого и то, что он не нуждается в отдыхе. Заявление должно быть подписано подозреваемым, адвокатом и иными лицами, которые принимают участие в проведении следственного действия (законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого).

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что обоснованность проведения того или иного следственного действия в ночное время будет законным и обоснованным тогда, когда не будут нарушены права и законные интересы подозреваемого.

Используемые источники

1. Уголовно-процессуальное право: учебник для вузов / под общ. ред. В.М. Лебедева. М.: Юрайт, 2013.
2. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

УДК 343.2/.7

ФОРМУЛА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОМПРОМИССА,
ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ПРИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
МОШЕННИЧЕСТВА

*Тулиглович М.А., заместитель начальника института
(по научной работе) кандидат юридических наук, доцент;
Муסיнова М.А. преподаватель
(Дальневосточный юридический институт МВД России)*

На примере дифференциации уголовной ответственности за мошенничество авторы предлагают определить формулу установления компромисса уголовно-правовых норм, определяют его структуру и содержание. Авторами делается вывод о том, что компромисс как форма урегулирования конфликта может нести в себе, в зависимости от способа его реализации, как разрушительную, так и созидательную силу.

Ключевые слова: компромисс; формула компромисса; дифференциация мошенничества.

THE FORMULA OF LEGISLATIVE COMPROMISE,
USED IN THE DIFFERENTIATION OF FRAUD

*Tuliglovich M.A., deputy head, scientific Kandidat nauk degree
in Law, associate professor;
Musinova M.A., lecturer
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Russia)*

The example of differentiation of criminal responsibility for fraud, the authors propose to determine the formula for establishing the compromise of criminal law, determine its structure and content. The authors concluded that the compromise as a form of conflict resolution may carry, depending on the method of its implementation, as destructive and creative force.

Keywords: compromise; compromise; differentiation of fraud.

Пойти на компромисс с лицом, совершившим преступление, непросто. Еще сложнее представить компромисс, санкционированный государством в отношении лица, совершившего мошенничество. Однако действующее уголовное законодательство настойчиво

демонстрирует вектор развития подобного регулирования конфликтных отношений. Внимание к вопросам дифференциации уголовной ответственности за мошенничество не ослабевает в юридической литературе [5; 6; 10; 4; 9; 2] с момента официального опубликования Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ [8]. Причем изначальный высокий градус критики постепенно сменяется осознанием неизбежной необходимости дать так нужные для практиков рекомендации по применению законодательных нововведений и определить возможные пути дальнейшего изменения уголовного закона по подобному сценарию.

Исследуя причины трансформаций, происшедших с составом мошенничества, Н.А. Лопашенко, основываясь на анализе пояснительной записки к проекту федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации», представленному Комитетом Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству [7], выделила три основные цели, преследуемые законодателем при дифференциации мошенничества: 1) необходимость учета в уголовной ответственности за мошенничество новых преступных схем обманного получения имущества; 2) дальнейшая дифференциация уголовной ответственности за мошенничество; 3) обеспечение на должном уровне защиты интересов пострадавших от мошенничества граждан [6, с. 505].

Вместе с тем анализ предписаний, закрепленных в ст. 159.1-159.6 УК РФ, свидетельствует об изначальном диссонансе между целями и средствами, используемыми для их достижения. Так, например, обеспечение на должном уровне защиты интересов пострадавших от мошенничества граждан возможно несколькими способами. Во-первых, профессиональными действиями сотрудников правоохранительных органов, которые, благодаря оптимизации правовой нормы (в данном случае выделением самостоятельных видов мошенничества), получают возможность повысить эффективность правоприменения, добиваясь максимальной реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности. Во-вторых, влиянием общей и специальной превенции, формируемой, в том числе, строгостью наказания.

Однако, несмотря на то, что разработчики законопроекта, обосновывая актуальность дифференциации уголовной ответственности за отдельные виды мошенничества, указывали на повышенную общественную опасность данных деяний, преобладающее совокупное количество именно этих видов мошенничеств и большой экономический ущерб, наносимый объектам посягательства, вместо ужесточения санкций смягчают их в пользу лиц, совершивших мошенничество, по сравнению с родовым составом (ст. 159 УК РФ). В этой свя-

зи результативность обеспечения на должном уровне защиты интересов пострадавших от мошенничества граждан справедливо ставится под сомнение [6, с. 505].

Любое преступление является конфликтным правоотношением. В его основе лежит конфликт не только между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, но и конфликт правонарушителя с интересами общества и государства. Резюмируя либерально-позитивную направленность вышеуказанных норм уголовного закона, можно предположить, что законодатель умышленно идет на смягчение уголовно-правовых условий регулирования конфликтных отношений, демонстрируя тем самым одну из форм компромиссного поведения со сложным субъектным составом. Учитывая, что компромисс в конечном итоге служит фактором, способствующим консервации конфликта до более благоприятного его разрешения, этот процесс можно сравнить с процессом переговоров участников конфликтных правоотношений.

«Формула переговоров, – пишет Л.И. Донец, – содержит ряд взаимосвязанных элементов: достижение того или иного результата; мера компромиссности; мера твердости позиции; фабула переговоров (определение сюжетной линии от завязки до разрешения конфликта), постановка переговоров (система проекций тех или иных этапов фабулы переговоров в конкретных переговорческих актах, их тактике и методике) и, наконец, социодрама переговоров, выражающаяся в рекомендациях поведенческого характера, управления и оптимизации поведенческих актов в рамках реализации цели» [3].

Проекция данных положений на предписания, содержащиеся в ст. 159.1-159.6 УК РФ, позволяет нам выделить возможные элементы формулы компромисса, положенные в основу дифференциации уголовной ответственности за мошеннические действия. К ним можно отнести фабулу компромисса, меру компромиссности, интересы субъектов компромисса, формализацию (правовую проекцию) взаимного соглашения, уступки сторон, социодраму, развивающуюся как событие, predetermined социальной позицией главных участников отношений, прогноз результата. Хочется отметить, что данный перечень элементов не является исчерпывающим или универсальным. В зависимости от сложности компромисса, вида и формы его реализации, можно выделить и другие значимые элементы. Представленная формула компромисса является рекомендательной абстракцией – скелетом выявления и описания компромиссности уголовно-правовой нормы.

Фабула компромисса заключается в легитимированной соразмерности санкций статьи, действий по выполнению объективной стороны мошенничества, а также психическому отношению лица к совершенному деянию и его последствиям.

Мера компромиссности, на наш взгляд, представляется одно-векторным элементом. Уступки государства (смягчение санкции, помимо гарантии конституционных прав) значительно перевешивают уступки лица (в контексте общественного договора) – нести уголовную ответственность за нарушение интересов и прав других лиц.

Что касается интересов субъекта компромиссов, то разумность и целесообразность интересов законодателя нами уже были поставлены под сомнение. Можно сказать, что скрытые интересы определенно есть, однако они вуалируются общественными интересами, придающими описываемому компромиссу многоуровневый, иногда мнимый характер*. Интерес лиц, совершивших мошенничество, заключается в минимизации уголовной ответственности и наказания за совершенное ими деяние. Желания потерпевшей стороны также очевидны – максимально объективно возможное достижение справедливости, восстановление нарушенных прав, привлечение преступника к ответственности. В большинстве норм уголовного закона интересы государства и потерпевших лиц совпадают, однако в данной ситуации государство переносит интересы потерпевшей стороны в ряд уступок компромисса. Такая позиция, безусловно, вызывает ощущение нарушения принципа справедливости в уголовном праве.

Формализация (правовая проекция) соглашения по урегулированию конфликтных отношений собственности в данном случае есть не что иное, как закрепление законодателем соответствующей нормы в тексте уголовного закона.

Последние два предложенные нами элемента – социодрама и прогноз результата – имеют сильное взаимообуславливающее влияние. Направленность прогноза (позитивная или негативная) будет прямо пропорциональна той поведенческой позиции, которую выберет мошенник, исходя из предложенных законодателем условий.

Технология компромиссов достаточно сложна, во многом уникальна, но все же в ее структуре есть нечто повторяющееся. Использование таких элементов позволяет выявить общие ценности, обнаружить совпадение или различие взглядов по тем или иным вопросам, помогает вскрыть завуалированные позиции, выработать в конечном итоге взаимоприемлемое соглашение, нормы и методы дальнейших действий с той целью, чтобы обеспечить надлежащий для функционирования общества и государства баланс интересов и тем самым урегулировать конфликтную ситуацию.

В завершение приходим к выводу о необходимости при конструировании и реализации уголовно-правовых компромиссных норм постановки четких целей, учета явных взаимных интересов всех сторон, соответствия внедряемой нормы критериям целесооб-

* О мнимых компромиссах см. у Х.Д. Аликперова [2].

разности, разумности, законности, допустимости и достаточности. Компромисс как форма урегулирования конфликта – обычно одна из наиболее приемлемых для противоборствующих сторон линия переговоров. Но он может нести в себе, в зависимости от способа его реализации, как разрушительную, так и созидательную силу.

Используемые источники

1. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992.
2. Гаухман Л. Мошенничество: новеллы уголовного законодательства // Уголовное право. 2013. № 3.
3. Донец Л.И. Методический подход к реализации интерактивных технологий обучения. URL: <http://precon.donnuet.dn.ua/pdf/donets/donets11.pdf>
4. Карпов И.П. Новые способы мошенничества // Законность. 2014. № 4.
5. Кошаева Т.О. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Журнал российского права. 2016. № 5.
6. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. Т. 9.
7. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» (Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству). URL: http://www.true-justice.net/wp-content/uploads/2012/04/02_Poysnitelnay_zapiska.pdf
8. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.
9. Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2.
10. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 3.

УДК 343.13

ДЕФОРМАЛИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: PRO ET CONTRA

Федулов А.В., докторант Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье критически анализируется научный подход по деформализации досудебного производства в отечественном уголовном процессе. На основе выявленных существующих несоответствий и противоречий автор предлагает основные направления их преодоления.

Ключевые слова: деформализация досудебного производства; уголовный процесс; стадия возбуждения уголовного дела; уголовно-процессуальные доказательства; полицейское расследование; альтернативные уголовному преследованию формы; процессуальные соглашения.

DEFORMALIZATION PRE-TRIAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PRO ET CONTRA

Fedulov A.V., doctoral candidate of the Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Internal Affairs of Russia Kandidat nauk degree in Law, associate professor

In article analyzes the performance of critical scientific approach deformalization pre-trial proceedings in the domestic criminal proceedings. On the basis of the identified existing inconsistencies and contradictions of the author offers the basic directions of their overcoming.

Keywords: deformalization pre-trial proceedings; criminal process; stage of a criminal case; criminal procedure evidence; politsieyskoe investigation; alternative forms of criminal prosecution; procedural agreement.

Сегодня в уголовно-процессуальной науке происходит переосмысление отечественной модели уголовного процесса, в которой центр тяжести смещен со стадии судебного на стадию досудебного производства, что обуславливает вторичный, ревизионный характер судебного следствия перед предварительным расследованием [1, с. 199].

Один из вариантов разрешения этой ситуации ученые видят в деформализации досудебных стадий уголовного процесса и придании им характера полицейского расследования [4, с. 7].

Акцентируем внимание на концептуальных проблемах, лежащих в основе идеи деформализации досудебного производства в уголовном процессе, которые ее сторонники выставляют в качестве аргументов обоснованности.

Во-первых, конструкция уголовно-процессуальной технологии, когда полученные в ходе досудебного производства сведения приобретают характер законных доказательств, является порочной. Это формирует у судей предвзятое убеждение в виновности подсудимого и способствует вынесению обвинительных приговоров.

Во-вторых, существующая досудебная уголовно-процессуальная форма обуславливает высокие финансовые расходы на судопроизводство. По оценке ученых, стоимость расследования одного уголовного дела следователями Следственного комитета РФ в 2012 г. составляла 248 781 руб. [2, с. 82].

В-третьих, отмечается массовое нарушение прав потерпевших в виде незаконных отказов в приеме сообщений о преступлении и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, обусловленных стремлением правоохранительных структур к стабильным показателям, связанным с раскрываемостью преступлений [5, с. 8]. Доследственная проверка, по терминологии авторов Концепции судебной реформы РСФСР, является «суррогатом расследования» и не содержит надлежащих гарантий для лиц, в отношении которых она проводится [7].

В-четвертых, работа следователя носит бюрократический характер и «умение грамотно оформлять документы он ставит куда выше умения устанавливать преступника» [6, с. 17]. При этом следователь является приверженцем одной обвинительной версии и все аргументы стороны защиты рассматривает как попытку обвиняемого уйти от уголовной ответственности, не проверяя их в соответствии с требованиями УПК РФ.

Решение этих проблем ученые видят в ликвидации не только уголовно-процессуального института возбуждения уголовного дела, но и стадии предварительного расследования. Раскрытие и расследование преступлений, по их мнению, должно осуществляться полицейскими структурами. Материалы, которые содержат убедительные сведения о совершении лицом преступления, передаются прокурору для формулировки обвинения и дальнейшего направления в суд. В свою очередь, стороне защиты предоставляется полная свобода в неформализованном порядке собирать доказательства правоты своей позиции [4, с. 7].

Проанализируем аргументы сторонников идеи деформализации досудебного производства.

Описываемые недостатки стадии возбуждения уголовного дела действительно имеют место, но они лежат не в уголовно-процессуальной плоскости, а в организационно-управленческой, связанной с оценочными показателями. Вместе с тем в доследственной проверке есть и положительные стороны. Этот этап уголовного процесса позволяет рассмотреть и отобрать только те сообщения, в которых содержатся признаки преступления. Например, в 2014 г. органами внутренних дел было зарегистрировано 2 928 000 сообщений о происшествиях, 2 166 400 (7,3%) позиционированы как сообщения о преступлениях. В результате было возбуждено 1 728 600 уголовных дел (5,9%) [8].

Тезис о массовой отмене прокурорами решений следователя об отказе в возбуждении уголовного дела преувеличен. Данные статистики показывают, что к числу зарегистрированных преступлений, в среднем, отменяется не более 3% вынесенных решений об отказе в возбуждении уголовного дела [3, с. 40]. Более того, при проведении доследственной проверки работает целая команда сотрудников полиции при информационном взаимодействии со следователем, что позволяет в установленные сроки (до 10-ти суток) принять соответствующие решения.

Вывод ученых о том, что следователь – это бюрократ, по нашему мнению, некорректен. В соответствии с Конституцией РФ обязанность доказывания обвинения, которое затем будет представлено суду, лежит на стороне обвинения. В отечественной уголовно-процессуальной технологии доказательства собираются при помощи следственных действий, что придает полученной информации характер законности. Что изменится, если информацию о преступлении и лице, его совершившем, будет собирать не следователь, а оперативный сотрудник в рамках полномочий, предоставленных ему законом? Информация от этого будет более логична, чем у следователя? Нет, правила логики универсальны. Информация будет более законная, чем у следователя? Нет, законность, как принцип, един для всех. Эта информация будет более компактна и небюрократична? Полагаем, что нет. Она будет такого объема, который необходим для ее объективного осмысления, независимо от того, получена ли с помощью следственных действий или иными законными способами. Другой вопрос – должен ли судья иметь материалы уголовного дела и, соответственно, обвинительные тезисы при принятии им решения по существу?

Считаем, что введение полицейского расследования не сможет удешевить досудебное производство. Упразднение института следователей повлечет за собой расширение штатов государственных обвинителей.

Снижение себестоимости уголовного процесса и повышение его эффективности нам видится не в деформализации, а в необходимости

сти внедрения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, в расширении практики прекращения уголовного преследования в рамках процессуальных соглашений о примирении в досудебных стадиях, в исключении влияния оценочных факторов, а также в изменении правосознания судей.

Используемые источники

1. Аппарат власти следственной / А.Р. Белкин [и др.]; под общ. ред. Н.А. Колоколова. М., 2016.
2. Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1.
3. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008.
4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М., 2015.
5. Панях Э.Л., Титаев К.Д. От милиции к полиции: реформа системы оценки деятельности органов внутренних дел. СПб., 2011.
6. Титаев К.Д., Шклярчук М.С. Российский следователь: 12 эмпирических фактов. СПб., 2015.
7. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=221794> (дата обращения: 20.04.2016).
8. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/2994866/> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 343.13

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОЗНАНИЯ ИЛИ ПЕРЕСОСТАВЛЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Хисматуллин И.Г., заместитель начальника кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

В статье рассматриваются проблемные вопросы возвращения уголовных дел прокурором для производства дополнительного дознания или пересоставления обвинительного акта. Предлагается авторская редакция ч. 6 и 7 ст. 226 УПК РФ.

Ключевые слова: дознаватель; дополнительное расследование; прокурор; прокурорский надзор; уголовное дело.

RETURNING OF CRIMINAL CASE FOR PRODUCTION
OF ADDITIONAL INQUIRIES OR REDRAWING
UP AN INDICTMENT: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Khismatullin I.G., deputy chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law

The article deals with problematic issues of returning criminal cases by the Prosecutor to produce additional inquiries or redrawing up an indictment. The author's version of part 6 and 7 of article 226 Code of Criminal Procedure.

Keywords: inquirer; additional investigation; prosecutor; public prosecutor's supervision; criminal case.

Возвращение прокурором уголовного дела для производства дополнительного дознания является одним из эффективных процессуальных способов устранения нарушений закона, допускаемых дознавателем при производстве по уголовному делу, и служит своеобразной преградой для поступления в суд материалов, которые не должны быть предметом судебного разбирательства [7, с. 45].

Вместе с тем, как показывает практика, прокуроры нередко злоупотребляют своими полномочиями для улучшения статистических показателей работы прокуратуры и допускают необоснованные возвращения уголовных дел для производства дополнительного дознания или пересоставления обвинительного акта. Это не отрицают и сами представители прокуратуры [3, с. 44].

Так, например, одной из причин возвращения уголовного дела по обвинению гражданина С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, для дополнительного дознания послужило «отсутствие наступательной техники». Уголовное дело по обвинению К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, было возвращено надзирающим прокурором в связи с тем, что дознаватель не ознакомил подозреваемого и его защитника с протоколом допроса свидетеля (эксперта) и нарушил право ходатайствовать о проведении дополнительной либо повторной судебной экспертизы. Однако в своих показаниях эксперт не разъяснял результаты экспертизы, а давал показания в качестве специалиста, не связанные с проведенной им судебной экспертизой. По окончании дознания подозреваемый и его защитник были ознакомлены со всеми материалами уголовного дела. Никаких ходатайств заявлено не было. Таким образом, законность возвращения уголовного дела прокурором нами ставится под сомнение.

Другие примеры. Дознавателю линейного отдела на ст. Уссурийск было возвращено для пересоставления обвинительного акта уголовное дело по обвинению гражданина Т. в связи с тем, что в обвинительном акте искажена информация об органе, выдавшем паспорт обвиняемому (в документе – отдел, в акте – отделение). По причине наличия опечатки в обвинительном акте в подразделение дознания ЛОП на ст. Биробиджан прокурором возвращено уголовное дело по обвинению гражданина Б. в совершении преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела, обвиняемый Б. обнаружил кусты марихуаны 25.07.2015, а в обвинительном акте дата совершения преступления указана 27.07.2015.

Еще одно уголовное дело было возвращено прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, который соответственно в дальнейшем направил его в подразделение дознания линейного отдела на ст. Уссурийск для пересоставления обвинительного акта. Причина – отсутствие в указанном процессуальном документе подписи дознавателя*.

Полагаем, многие недостатки, выявленные прокурорами, а также судом могли быть устранены без возвращения уголовных дел. «Палочная система», которая, к сожалению, существует и в органах прокуратуры, негативно отражается на работе органов и подразделений дознания, приводит к возникновению конфликтов между надзирающими прокурорами и сотрудниками подразделений дознания.

В связи с этим мы поддерживаем мнение, высказанное А.П. Кругликовым, который в целях предотвращения конфликтов, возникающих при возвращении уголовных дел для дополнительного расследования, предлагает разработать единые основания для возвращения уголовных дел прокурором и закрепить их в УПК РФ. Следует отметить, что в УПК РСФСР была статья 232 о возвращении дела судом на дополнительное расследование [5, с. 58].

Независимо от формы выражения требование прокурора должно указывать на конкретные факты нарушения федерального законодательства и должностных лиц, допустивших нарушения. Мотивировка вынесения требования прокурора должна быть ясной, грамотной, аргументированной. В ней обязательно указываются нарушенные правовые предписания материального и процессуального законодательства, последствия, которые наступили или могут наступить в результате допущенных нарушений (признание доказательств недопустимыми, возвращение уголовного дела на дополнительное расследование и др.). Наконец, в требовании прокурора должны излагаться конкретные предложения начальнику органа до-

* Материалы служебной документации отделения по организации дознания Управления на транспорте МВД России по ДФО.

знания или начальнику подразделения дознания по устранению допущенного нарушения [6, с. 66].

В связи с изложенным предлагается ст. 226 УПК дополнить ч. 6 и 7 в следующей редакции:

«6. Прокурор вправе возвратить уголовное дело со своими письменными указаниями для производства дополнительного дознания в порядке, предусмотренном пунктом 2 части 1 настоящей статьи, в следующих случаях:

1) неполнота дознания* и невозможность восполнить ее в ходе судебного разбирательства;

2) если дознавателем были допущены существенные нарушения требований настоящего Кодекса;

3) неправильная квалификация деяния, предусмотренного уголовным законом;

4) если при ознакомлении обвиняемого с материалами уголовного дела ему не были разъяснены права, предусмотренные частью пятой статьи 217 настоящего Кодекса, либо допущены иные нарушения прав участников уголовного судопроизводства.

7. В постановлении о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания прокурор указывает, по какому основанию возвращается дело и какие процессуальные действия необходимо провести».

Представляется, что нормы ч. 4 ст. 40¹, п. 1² ч. 3 и ч. 4 ст. 41 УПК РФ о праве обжалования указаний прокурора, начальников органа и подразделения дознания имеют в основном чисто декларативный характер и вряд ли реализуются дознавателями во всех случаях, когда возникают для этого основания.

На наш взгляд, осуществление прокурорского надзора не должно препятствовать производству дознания. Тем более, что первое (дознание) называют в юридической литературе «прокурорским дознанием» [1, с. 66]. «Междоусобицы среди органов уголовного преследования на досудебном производстве, – по мнению К.А. Бабина, – порождают разумное сомнение в законности, обоснованности обвинения, а значит, создают заведомо проигрышную позицию для обвинителя в суде» [2, с. 8]. С этим А.И. Ивенский, который полагает, что прокурор и дознаватель изначально выполняют различные процессуальные обязанности и разногласия между ними не следует трактовать как «междоусобицы». Напротив, заранее разрешая возникающие спорные вопросы, обвинение усиливается, поскольку недоказанные надлежащим образом элементы либо получают дополнительную аргументацию, либо исключаются [4, с. 63].

* Неполнота дознания заключается в отсутствии в уголовном деле достаточных доказательств, обосновывающих обвинение и позволяющих принять законное решение по делу.

Вместе с тем, полагаем, должны быть разумные пределы в осуществлении прокурорского надзора за производством дознания, чтобы он (надзор) не перерастал в псевдонадзор.

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и дознавателей не должен превращаться в ведомственный контроль прокурора и дублировать существующий в каждом органе дознания аналогичный процессуальный контроль начальников органа и подразделения дознания. Излишний надзор только создает препятствия ускоренному производству расследования в форме дознания путем его затягивания.

Тем не менее, при всех недостатках прокурорского надзора он не может и не должен быть полностью исключен и заменен ведомственным процессуальным контролем.

Используемые источники

1. Александров А., Белов С., Кухта А. Реформа предварительного расследования // Уголовное право. 2007. № 5.
2. Бабин К.А. Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
3. Васильев Д. Полномочия дознавателя при возвращении уголовного дела прокурором // Законность. 2010. № 1.
4. Ивенский А.И. Отзыв на автореферат диссертации К.А. Бабина «Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России» // Следователь. 2008. № 11.
5. Кругликов А.П. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования руководителем следственного органа или прокурором // Российская юстиция. 2009. № 2.
6. Крюков В.Ф. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам: современность и перспективы // Журнал российского права. 2007. № 10.
7. Материалы служебной документации отделения по организации дознания Управления на транспорте МВД РФ по ДФО.
8. Мичурина О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

УДК 343.1

ПРИМИРЕНИЕ СТОРОН – «ДВОЙНОЙ КОМПРОМИСС»

Чепик М.М., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

В статье процедура примирения сторон рассматривается как один из видов компромисса. На основе определенного алгоритма раскрывается его сущность и структура.

Ключевые слова: компромисс; примирение сторон; взаимные уступки; всесторонность; полнота; объективность.

CONCILIATION – «DOUBLE COMPROMISE»

Chepik M.M., post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

In the article conciliation procedure is regarded as a kind of compromise. Based on an algorithm reveals its essence and structure.

Keywords: compromise; conciliation; trade-off; comprehensive; full; objective.

Вектор развития современного уголовного судопроизводства ориентирован на поиск наиболее оптимальных и эффективных методов борьбы с преступностью. Наряду с мерами государственного принуждения все чаще используются альтернативные механизмы по урегулированию конфликта, возникшего между государством и лицом, совершившим преступление.

Анализ мнений ученых-процессуалистов позволяет констатировать, что в научной среде существует устоявшееся понимание, какие процедуры, закрепленные в УПК РФ, представляют собой компромисс [1, с. 3-9; 2, с. 73-83; 3, с. 173-183; 4, с. 117-130; 5, с. 145-150].

В настоящее время к ним можно отнести институты примирения сторон (ст. 25 УПК РФ); деятельного раскаяния (ст. 28 УПК РФ); прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ); сокращенного дознания (гл. 32.1 УПК РФ); особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ); досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

В рамках данной статьи мы подробнее остановимся на институте примирения сторон.

Для исследования компромиссных процедур необходимо выстроить определенный алгоритм их анализа. При построении такого алгоритма мы будем исходить из того, что каждый правовой компромисс имеет свойственную ему структуру, включающую такие элементы, как лица – участники компромисса (субъекты) и содержание их взаимных уступок.

Анализируя содержание ст. 25 УПК РФ, регламентирующей исследуемый вид компромисса, приходим к выводу, что участниками конфликта являются: 1) суд; 2) следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, прокурор, потерпевший и его законный представитель, представляющие собой сторону обвинения; 3) подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, а также их защитники. Основу такого примирения составляют взаимные уступки сторон обвинения и защиты, а именно потерпевший и органы, осуществляющие уголовное преследование, не возражают против прекращения уголовного дела в обмен на примирение и возмещение лицом, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, причиненного вреда.

Следует отметить, что процедура примирения сторон состоит из двух взаимосвязанных этапов, каждый из которых также является компромиссом. Первым этапом является получение уступки от потерпевшего либо его представителя, выражающейся в письменном заявлении о прекращении уголовного дела в ответ на встречные действия подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, направленные на возмещение ущерба и принятие других действий в целях примирения с потерпевшим. К таким действиям, в частности, могут относиться возмещение имущественного и морального вреда, причиненного потерпевшему преступлением, извинение перед потерпевшим за свои действия и так далее. Спектр действий может быть различным в зависимости от конкретной ситуации и взаимных претензий между конфликтующими сторонами. По нашему мнению, основная масса потерпевших, соглашающихся на упомянутую процедуру прекращения уголовного дела, больше всего желают возмещения причиненного ущерба со стороны лица, совершившего преступление, иначе потерпевший более всего заинтересован в рассмотрении уголовного дела в общем порядке, следствием которого является применение в отношении обвиняемого реального наказания.

Вторым этапом процедуры примирения сторон являются действия субъекта расследования уголовного дела (следователя, руководителя следственного отдела, дознавателя, прокурора), а также органа, осуществляющего рассмотрение уголовного дела по существу (суда), направленные на прекращении уголовного дела и уголовного преследования в обмен на ранее полученное подозреваемым, обвиняемым, подсудимым от потерпевшего или его представителя согла-

сия на примирение с ним, основой которого является возмещение последствий совершенного преступления.

Следует отметить, что аналогичной позиции придерживается Я.Ю. Янина, именуя рассматриваемое нами явление «двойным компромиссом» [2; 6].

Дополнительным условием применения положений ст. 25 УПК РФ является совершение преступлений определенной категории (небольшой или средней тяжести), а также совершение указанных преступлений впервые.

Исходя из анализа правоприменительной практики, а также буквального толкования рассматриваемой дефиниции, достижение указанного компромисса возможно без полного и всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела, поскольку нет необходимости в их установлении – достаточно обстоятельств, указанных в ст. 25 УПК РФ и 76 УК РФ, а также документального подтверждения соответствующих условий – достижения «двойного компромисса». В такой ситуации возникает возможность злоупотребления рассматриваемым правом. Речь, в частности, идет о введении в заблуждение органами, осуществляющими уголовное преследование, лица, привлекаемого к уголовной ответственности, относительно имеющихся в деле доказательств и склонении его к прекращению уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного следствия.

Используемые источники

1. Бахта А.С. Компромиссы в уголовном процессе // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 1 (26).
2. Волчецкая Т.С., Янина Я.Ю. Использование компромисса в разрешении конфликтных ситуаций уголовного судопроизводства: основные предпосылки // Воронежские криминалистические чтения: сб. науч. тр. Воронеж, 2006.
3. Ищенко Е.П. Об опасных компромиссах, содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ // Эволюция государства и права: история и современность: сб. науч. ст.: в 3 ч. Курск, 2012.
4. Кувалдина Ю.В. Уголовно-процессуальный компромисс как способ урегулирования уголовно-правового конфликта // Библиотека криминалиста. 2013. № 1 (6).
5. Салпагаров С.И. Прекращение уголовного дела (преследования) в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием как компромиссные процедуры в судопроизводстве (история становления и развития уголовно-процессуального законодательства) // Общество и право. 2014. № 1 (47).
6. Янина Я.Ю. Теоретические и практические аспекты применения компромиссов для разрешения конфликтов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007.

УДК 343.1

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ПРОИЗВОДСТВУ
ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

*Чердынцева И.А., доцент кафедры Омской академии МВД
России кандидат юридических наук*

В статье обозначается проблема производства дознания в сокращенной форме при наличии оснований для производства судебной экспертизы в целях установления наличия или отсутствия заболевания наркоманией.

Ключевые слова: сокращенное дознание; производство судебной экспертизы; наркомания.

LEGISLATIVE OBSTACLES TO THE PRODUCTION
OF AN INQUEST IN ABBREVIATED FORM

*Cherdyntseva I.A., chair associate professor of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia Kandidat nauk degree in Law*

The article is indicated by the issue of the inquiry in an abbreviated form in the presence of grounds to produce forensic evidence to establish the presence or absence of diseases of addiction.

Keywords: abbreviated inquest; forensic; drug production.

Введение института сокращенного дознания было призвано снизить нагрузку на подразделения дознания по тем преступлениям, которые возбуждались в отношении конкретного лица, и сторона защиты не оспаривала сведений, собранных в основном на этапе проверки сообщения о преступлении. К таким уголовным делам можно отнести уголовные дела, возбужденные по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, подследственным органам дознания. Однако изменения, внесенные в 2013 г. в уголовный и уголовно-процессуальный законы, явились препятствием к производству дознания в сокращенной форме по такой категории уголовных дел.

Статья 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) Федеральным законом от 25 ноября 2013 г. № 313-ФЗ была дополнена п. 3.2, предусматривающим еще один случай обязательного назначения и производства судебной экспертизы: для установления психического или физического состояния

подозреваемого или обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией.

Согласно ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», наркоманией является заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества. Больной наркоманией – лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах», поставлен диагноз «наркомания».

Статья 44 названного федерального закона регламентирует порядок медицинского освидетельствования. Так, лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача либо новое потенциально опасное психоактивное вещество, может быть направлено на медицинское освидетельствование. Такое медицинское освидетельствование проводится на основании постановления органов дознания, органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, следователя и других должностных лиц. Судебная практика основывается на том, что предположениями о наличии обстоятельств, являющихся основаниями для направления лица на медицинское освидетельствование, могут быть как внешние признаки и следы, свидетельствующие об употреблении наркотиков, так и поведенческие признаки, характерные для наркотического опьянения [2].

Следовательно, в настоящее время два федеральных закона регламентируют вопросы определения наличия или отсутствия диагноза «наркомания». Один предусматривает достаточным производством для этого медицинского освидетельствования в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О наркотических средствах и психотропных веществах», другой – производство судебной экспертизы в порядке, предусмотренном ст. 196 УПК РФ. Каким же образом следует решать вопрос о выборе средства установления наличия или отсутствия заболевания наркоманией?

Предполагается, что следует исходить из приоритета уголовно-процессуального закона, так как именно он регулирует уголовно-процессуальные отношения, в частности, порядок назначения и производства судебной экспертизы. Однако именно это и служит препятствием для производства дознания в сокращенной форме.

Для определения наличия или отсутствия заболевания наркоманией назначается и производится судебно-психиатрическая экспертиза, т.к. наркомания по медицинским критериям Всемирной организации здравоохранения относится к психическим расстройствам и расстройствам поведения [1].

Производство дознания в сокращенной форме предусматривает особые правила доказывания (ст. 226⁵ УПК РФ). Согласно пп. «в» п. 3 ч. 3 ст. 226⁵ УПК РФ, дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением случаев, когда имеются основания для обязательного назначения судебной экспертизы.

Таким образом, дознаватель при производстве сокращенного дознания по преступлениям о незаконном обороте наркотических средств, когда имеются сведения полагать, что лицо страдает наркоманией, обязан назначить судебно-психиатрическую экспертизу. Срок производства такой экспертизы может быть от 30 до 90 суток, если лицо необходимо наблюдать в стационарных условиях. Однако проблема длительности сроков производства судебно-психиатрической экспертизы для установления факта заболевания наркоманией связана с другими факторами. В первую очередь, это незначительный штат судебных экспертов, которые вправе производить такие экспертизы. В связи с этим от момента назначения экспертизы до ее производства соответствующей комиссией экспертов проходит около одного-полутора месяцев (по данным опроса дознавателей Омской, Новосибирской, Тюменской областей).

Поскольку на производство дознания в сокращенной форме законом отводится 15 суток, то при назначении судебно-психиатрической экспертизы для установления наличия или отсутствия психического расстройства – наркомании – становится невозможным данная форма производства дознания.

Используемые источники

1. Международная классификация болезней (МКБ-10) на русском языке. Официальный текст МЗ РФ, адаптированный для применения в РФ, разрешенный к копированию и печати. URL: www.rusmedserv.com/psychsex/isd10.shtml
2. Постановление Курганского областного суда от 28 ноября 2013 г. по делу № 4-А-348/2013 // Подборка судебных решений за 2013 год. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.13

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЫ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Черкасов В.С., адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

Рассматривается проблема института доказывания в российском уголовно-процессуальном праве. Раскрываются значительные сложности и противоречия в получении доказательств по уголовному делу, а также «двойные» стандарты в институте доказывания.

Ключевые слова: институт доказывание; свойства доказательств; виды доказательств; парадигма.

PROBLEMS OF EVIDENTIARY PARADIGM IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Cherkasov V.S., post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Considers the problem of the evidentiary Institute in Russian criminal procedure law. There is considerable complexity and contradictions in obtaining evidence in a criminal case, as well as "double" standards of the proof Institute.

Keywords: evidentiary Institute; properties of evidence; types of evidence; the paradigm.

Следует признать, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [5] (далее – УПК РФ) содержит большое количество противоречий и пробелов. Об этом свидетельствует тот факт, что в период с 2013 по 2015 г. включительно в УПК РФ была внесена 71 поправка. Это практически 2 поправки в месяц, что говорит о нестабильности уголовно-процессуального законодательства. По справедливому утверждению Л.В. Головки, «вместо того чтобы сконструировать в России новую современную и отвечающую сегодняшним задачам стабильную модель уголовного процесса, УПК РФ фактически «заморозил» российский уголовный процесс в некоем «транзитном» (переходном) состоянии, скорее характерном для стран третьего мира» [2, с. 75].

Фундаментальная проблема доказательственной парадигмы заключается в чрезмерной структурированности и ограниченности

источников доказательств, при отсутствии единых требований к их юридическим свойствам в различных институтах уголовно-процессуального производства.

Сущность указанной проблемы заключается в следующем. Часть 2 ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень источников доказательств. Исходя из ч. 1 ст. 88 УПК РФ, каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, достаточности. Остановимся подробнее на таких свойствах доказательств, как допустимость и достоверность.

Так, В.Т. Томин считает, что допустимость доказательств подразумевает, что доказательство должно быть получено: 1) надлежащим субъектом, правомочным по данному делу проводить то процессуальное действие, в ходе которого получено доказательство; 2) только из источников, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК, а в указанных в законе случаях – из источника определенного вида (ст. 196 УПК); 3) с соблюдением правил проведения процессуального действия, в ходе которого они добыты; 4) с соблюдением всех требований закона при фиксации хода и результата следственного действия [4].

В свою очередь, под достоверностью доказательств понимаются сведения, устанавливаемые доказательствами, которые могут быть оценены как соответствующие объективной истине, т.е. тому, что было в действительности. Критерий достоверности применим как к отдельным доказательствам, так и к их совокупности [4].

Качественные требования к таким свойствам доказательств, как допустимость и достоверность, различны, во-первых, для источников доказательств, напрямую указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, во-вторых, для доказывания вины в различных институтах досудебного и судебного производства. Кроме того, чрезмерная формализованность следственных действий ограничивает методы по их производству. Например, в век информационных технологий, исходя из УПК РФ, должностное лицо, ведущее предварительное расследование, не может произвести допрос посредством систем связи (видеосвязь), который по существу не отличается от обычного допроса.

Данные обстоятельства создают двойные стандарты при доказывании вины лица, проблемы в применении определенных источников доказательств.

Так, часть 2 ст. 74 УПК РФ предусматривает в качестве источника доказательств заключение и показания эксперта, а также заключение и показания специалиста. При этом формально сконструированные в УПК РФ требования к достаточности и достоверности данных источников доказательств различны. В статьях 57, 80, 195-207, 269, 282-283 УПК РФ предусматриваются порядок допроса эксперта, основания производства экспертизы, порядок назначения и проведения экспертизы, форма экспертного заключения, права, обязанности и ответственность эксперта. В то же время УПК РФ не преду-

смачивает формы заключения специалиста, порядка привлечения специалиста для дачи заключения [3, с. 145], а также ответственности за дачу ложного заключения, несмотря на то, что ст. 307 УК РФ предусмотрена ответственность специалиста за дачу заведомо ложных показаний.

Таким образом, для заключения специалиста такое свойство доказательств, как допустимость, имеет менее строгие критерии, что является наглядным примером формального закрепления в УПК РФ неравного подхода к определению свойств доказательств.

Следующий пример свидетельствует о различном подходе к пониманию допустимости и использованию доказательств, направленных на установления вины лица в различных институтах уголовного процесса.

Так, статья 150 УПК РФ предусматривает три формы предварительного расследования: дознание, дознание в сокращенной форме и предварительное следствие. Согласно ст. 215 УПК РФ, по окончании предварительного следствия составляется обвинительное заключение, в котором в качестве доказательств вины используются показания потерпевшего и свидетеля, которые в соответствии с ч. 5 ст. 164 УПК РФ и ст. 307 и 308 УК РФ предупреждаются об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний. Аналогичная ситуация и в дознании, которое завершается составлением обвинительного акта.

Свидетель и потерпевший несут уголовную ответственность за свои показания, что увеличивает достоверность показаний для доказывания вины. В то же время непредупреждение данных участников уголовного процессе об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний влечет недопустимость доказательств, что является довольно строгим критерием допустимости доказательств.

Теперь вернемся к дознанию в сокращенной форме. Согласно п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем.

Следует отметить, что при дознании в сокращенной форме в обвинительное постановление могут быть положены объяснения, полученные на предварительной проверке сообщения о преступлении. Но на этой стадии еще нет участников, которые находятся в процессуальном статусе свидетеля и потерпевшего, что соответ-

ственно не налагает на лиц, которые дают объяснения, ответственности, предусмотренной ст. 307 и 308 УК РФ, и не требует от дознавателя разъяснения данной ответственности в порядке ч. 5 ст. 167 УПК РФ.

Таким образом, УПК РФ для различных форм предварительного расследования (институтов) при доказывании вины предусматривает разные критерии допустимости и достоверности для показаний лиц, раскрывающих обстоятельства уголовного дела, что представляется недопустимым.

Данными примерами хотелось обозначить некоторые проблемы института доказывания в уголовном праве. Необходимо отметить, что это лишь некоторые из них. Возникает вопрос: возможно ли совершенствовать недостатки института доказывания в уголовном процессе отдельными «точечными реформами» или стоит пересмотреть всю парадигму (концепцию) института доказывания?

С учетом недостатков института доказывания в уголовном процессе, думается, что логичнее изменить концепцию.

В данном контексте интересен зарубежный опыт законодательного регулирования. Так, в Англии и Америке доказательственное право является отдельной отраслью права. М.А. Верещагин считает, что «именно в этих странах доказательственное право, пригодное для состязательного процесса, разработано наиболее детально... Специфическим признаком английского и американского доказательственного права считается то, что доказательство считается допустимым не на основании закона и иных предписаний, а в случае его способности доказывать обстоятельства, подлежащие установлению в ходе судебного разбирательства. Таким образом, с точки зрения судьи, если доказательство не вызывает сомнения, пусть даже оно получено с нарушением процедуры и способно выполнять свою процессуальную миссию, связанную с выяснением обстоятельств дела для постановления приговора, то нет никаких причин отказываться от такого доказательства» [1, с. 37]. В то же время автор подчеркивает, что правила о допустимости доказательств основаны на многочисленных судебных решениях (прецедентах), каждое из которых имеет ряд исключений.

Так как правовая система России не принадлежит к англосаксонской правовой семье и судебные решения не образуют правовой нормы, подобная модель не может быть принята за основу. Однако интересна сама концепция доказывания. Допускается приводить доказательства из любых источников, в том числе с нарушением формы его получения, при этом выдвигаются строгие критерии к содержанию допустимости доказательств. Данный подход может уравнивать показания свидетеля и объяснения, взятые у лица на стадии проверки сообщения о преступлении, при условии соблюдения требований допустимости к доказательственным сведениям, повы-

свить эффективность такого доказательства, как заключение специалиста, а также расширить возможности по осуществлению следственных действий, в том числе способами, прямо не предусмотренными в УПК РФ, но не нарушающими требования допустимости, установленные законом. Например, производить следственные действия через информационные ресурсы, упростить использование результатов оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, институт доказывания в уголовно-процессуальном праве России нуждается в фундаментальных реформах. Однако остается существенный вопрос, как правильно их произвести, чтобы не ухудшить существующее положение? Данный вопрос требует проведения глубоких и фундаментальных исследований.

Используемые источники

1. Верещагин М.А. Институт допустимости доказательств по английскому и американскому уголовному доказательственному праву // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 18. Серия: Право. Вып. 15.
2. Головки Л.В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1.
3. Соколовская Н.С. Проблемы использования в уголовном процессе показаний и заключений эксперта и специалиста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2.
4. Томин В.Т., Поляков М.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. Доступ из СПС «Гарант».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.03.2016 № 78-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; Российская газета 2016. 1 апреля.

УДК 343.13

О ПОРЯДКЕ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СВЯЗИ С ЗАБОЛЕВАНИЕМ
ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО

Чернова С.С., старший преподаватель Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России кандидат юридических наук

В статье рассматриваются правовые и организационные проблемы приостановления предварительного следствия (дознания) в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого или обвиняемого на основании п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Предложены пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: заболевание; приостановление; уголовное дело; подозреваемый; обвиняемый.

ABOUT THE PROCEDURE FOR THE SUSPENSION
OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON THE BASIS
OF THE DISEASE OF THE SUSPECT OR THE ACCUSED

Chernova S.S., senior lecturer of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russia Kandidat nauk degree in Law

In the article the legal and organizational problems of stopping of preliminary investigation (inquests) are examined in connection with a temporal, heavy disease suspected or accused on the basis of point 4 parts of a 1 article 208 UPK of Russian Federation. The ways of decision are offered, exposed problems.

Keywords: disease; stopping; criminal case; suspected; defendant.

Приостановление предварительного следствия (дознания) в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого или обвиняемого на основании п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ вызывает определенные сложности в деятельности сотрудников следственных подразделений (подразделений дознания). Проблемы у правоприменителей возникают в связи с несоответствием ряда норм института приостановления и возобновления предварительного следствия (дознания) другим нормам уголовно-процессуального законодательства и неоднозначностью их толкования. Так, исходя из буквального толкования п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, при наличии неизлечимого заболевания про-

изводство по уголовному делу не может быть приостановлено. В суд его направить также не представляется возможным, поскольку по состоянию здоровья подозреваемый или обвиняемый не может принять участие в следственных и иных процессуальных действиях.

Кроме того, в отдельных случаях имеют место пробелы в нормативном регулировании деятельности следователя (дознателя) при приостановлении и возобновлении предварительного расследования, что ведет к принятию соответствующих незаконных и необоснованных решений и к нарушению законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Принимая во внимание то обстоятельство, что в одной статье невозможно рассмотреть все проблемные моменты, возникающие при приостановлении предварительного следствия (дознания) в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого или обвиняемого на основании п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, считаем целесообразным остановиться на анализе совокупности данных, которые прямо указаны в п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Так, в случае заболевания подозреваемого или обвиняемого в качестве основания приостановления предварительного следствия (дознания) следует рассматривать совокупность следующих данных (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ):

- наличие у подозреваемого или обвиняемого временного тяжелого заболевания;
- временное тяжелое заболевание должно быть удостоверено медицинским заключением;
- заболевание должно препятствовать участию подозреваемого или обвиняемого в процессуальных действиях.

Остановимся на каждом из них подробнее.

1. Наличие у подозреваемого или обвиняемого временного тяжелого заболевания.

В пункте 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ имеется указание на такой признак заболевания, как «тяжесть», при котором предварительное следствие (дознание) может быть приостановлено, однако само понятие «тяжелое заболевание» законодателем не определено.

Представляется, что указанное понятие законодателем не может быть определено, поскольку «не всякое заболевание, тяжелое с точки зрения влияния на организм человека и возможности его излечения, то есть тяжкое с позиций медицинской науки, является таковым применительно к решению вопроса о приостановлении производства по делу» [1, с. 82].

Таким образом, заболевание подозреваемого или обвиняемого, при наличии которого предварительное следствие (дознание) может быть приостановлено, должно представлять опасность для жизни самого подозреваемого (обвиняемого) и для лиц, с которыми он кон-

тактирует, или исключать (затруднять) возможность подозреваемого (обвиняемого) передвигаться, совершать активные действия и т.п.

В обоснованность наших суждений приведем следующий пример. Люди, страдающие сахарным диабетом, сердечной недостаточностью, гепатитом и другими, безусловно, тяжелыми с медицинской точки зрения заболеваниями, в течение длительного периода времени ведут активный образ жизни и могут принимать участие в процессуальных действиях в качестве подозреваемых (обвиняемых), при условии своевременного получения лекарств.

Наряду с этим, такое расстройство здоровья, как дизентерия, не являющееся тяжелым с медицинской точки зрения, препятствует участию подозреваемого (обвиняемого) в процессуальных действиях. Кроме того, лицо, страдающее подобным заразным заболеванием, является источником распространения инфекции и представляет опасность для окружающих.

Таким образом, «тяжесть» заболевания не может являться основным критерием при принятии решения о приостановлении предварительного следствия (дознания) на основании п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

2. Заболевание должно препятствовать участию подозреваемого или обвиняемого в процессуальных действиях.

В пункте 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ имеется указание на такой признак заболевания, как препятствие участию подозреваемого или обвиняемого в процессуальных действиях. Данное обстоятельство, на наш взгляд, относится к юридическому критерию характеристики заболевания, служащего основанием приостановления дела в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, и играет решающую роль при принятии такого решения.

Таким образом, болезнь обвиняемого (подозреваемого), препятствующая его явке в орган предварительного следствия (дознания) или в суд, а также осуществлению им своих процессуальных обязанностей и реализации прав, является основным критерием при принятии решения приостановить предварительное следствие (дознание) по делу ввиду заболевания подозреваемого (обвиняемого).

3. Временное тяжелое заболевание должно быть удостоверено медицинским заключением.

В пункте 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ имеется указание на то, что факт заболевания должен удостоверяться медицинским заключением, однако само понятие «медицинское заключение» законодателем не определено.

В связи с этим сформировавшаяся правоприменительная практика допускает в качестве медицинского заключения справки и другие медицинские документы, в которых содержится информация о нетрудоспособности лица и указан диагноз болезни.

На наш взгляд, сложившаяся правоприменительная практика противоречит п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, поскольку должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу, интересуется не диагнозом подозреваемого или обвиняемого как таковой, а возможность или невозможность участия указанного лица в производстве по уголовному делу. Ответ же на этот вопрос относится к компетенции эксперта [2, с. 66].

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным рекомендовать правоприменителям приостанавливать предварительное следствие по основаниям, указанным в п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, только при наличии заключения судебно-психиатрической или судебно-медицинской экспертизы.

Таким образом, при принятии решения о приостановлении предварительного следствия (дознания) в связи с временным тяжелым заболеванием подозреваемого или обвиняемого необходимо анализировать и подтверждать всю совокупность необходимых данных, которые указаны законодателем в п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Подобный подход позволит решить часть проблем, возникающих у правоприменителей в связи с принятием решения о приостановлении предварительного следствия (дознания) на основании п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Используемые источники

1. Гранкин К.Б., Черкасова Е.К. Изменение правового регулирования приостановления и возобновления предварительного следствия // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России: сб. науч. тр. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД РФ, 2002.
2. Чернова С.С. Болезнь как юридический факт в уголовном судопроизводстве: монография. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2012.

УДК 343.2/.7

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ СТРАН СНГ

Чуприна Э.И., соискатель Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

В статье проанализированы нормы уголовного права ряда государств – участников Содружества Независимых Государств, устанавливающие основания и условия освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: гуманизация; возмещение ущерба; освобождение от уголовной ответственности.

THE INSTITUTE OF EXEMPTION FROM CRIMINAL
RESPONSIBILITY IN CASES OF CRIMES IN THE SPHERE
OF ECONOMIC ACTIVITY IN THE MODERN CRIMINAL
LAW OF THE UIS COUNTRIES

*Chuprina E.I., applicant of the National Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia*

The article analyzes the norms of criminal law of some States – participants of the Commonwealth of Independent States, establishing the grounds and conditions for exemption from criminal responsibility in cases of crimes in the sphere of economic activity.

Keywords: humanization; indemnification; the exemption from criminal liability.

Один из основных векторов развития российского уголовного законодательства направлен на его гуманизацию и либерализацию. В частности, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности».

В данной норме содержится два самостоятельных реабилитирующих вида императивного освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших перечисленные в указанной статье преступления в сфере экономической деятельности и возместивших причиненный ущерб либо перечисливших в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, а также соответствующее денежное возмещение, определяемое в зависимости от характера наступивших последствий [1, с. 3].

По содержанию рассматриваемая норма относится к поощрительным нормам, которые стимулируют позитивное постпреступное поведение и направлены на экономию репрессии в отношении виновного лица, предупреждение совершения новых преступлений, сокращение судебно-следственных расходов, а также пополнение бюджета РФ.

Следует отметить, что проблема гуманизации и либерализации уголовного законодательства, особенно в части ответственности за

совершение преступлений в сфере экономической деятельности, является актуальной как для российского права, так и для законодательства стран СНГ.

В связи с этим в статье будут проанализированы нормы уголовного права ряда государств – участников Содружества Независимых Государств, устанавливающие основания и условия освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Разделение освобождения лица от уголовно-правовых последствий совершенного деяния на освобождение от уголовной ответственности и освобождение от наказания свойственно исключительно российскому уголовному праву и уголовному праву отдельных стран СНГ. В иных уголовно-правовых системах закреплены виды освобождения от наказания или воздержания от назначения наказания. Тем не менее, в данном контексте это не имеет принципиального значения, поскольку нас интересуют выдвигаемые законодателем условия освобождения, а не его узкоуголовно-правовые следствия и уголовно-процессуальные механизмы.

Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. принят Модельный уголовный кодекс [2], положения которого во многом совпадают с нормами УК РФ 1996 г.

Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З [3] содержит ряд оснований освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономики как общего, так и специального характера. Специальная норма закреплена в ст. 88.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольными возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем», в соответствии с которой лицо, совершившее одно или несколько преступлений, повлекших причинение ущерба государственной собственности или имуществу юридического лица, доля в уставном фонде которого принадлежит государству, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно возместило причиненный ущерб (вред), уплатило доход, полученный преступным путем.

Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. [4] в ч. 3 ст. 68 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением» предусматривает следующие условия освобождения от уголовной ответственности, применимые, в том числе, к преступлениям в сфере экономической деятельности: «лицо, совершившее преступление, повлекшее причинение вреда охраняемым законом интересам общества и государства, освобождается от уголовной ответственности, если оно чистосердечно раскаялось и возместило причиненный вред».

Помимо этого в Особенной части УК Республики Казахстан содержится единственный специальный вид освобождения от уголовной ответственности. В частности, в примечании к ст. 236 (Уклонение от уплаты таможенных платежей и сборов) установлено, что «лицо, добровольно уплатившее сумму недоимки, начисленные пени, сумму штрафов, установленных законодательством Республики Казахстан, освобождается от уголовной ответственности по части первой настоящей статьи, если в его действиях не содержится состав иного преступления».

Таким образом, для уголовного законодательства ряда стран СНГ характерно наличие норм, устанавливающих освобождение от уголовной ответственности за налоговые преступления и преступления, связанные с уклонением от уплаты иных обязательных, а также таможенных платежей. При этом условием освобождения выступает полное погашение задолженности, включая штрафные санкции, и отсутствие в деянии признаков квалифицированного состава преступления.

Используемые источники

1. Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2014.
2. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт. Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. URL: <http://www.iacis.ru> (дата обращения: 25.03.2016).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by> (дата обращения: 25.03.2016).
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. URL: <http://online.zakon.kz> (дата обращения: 25.03.2016).
5. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

УДК 343.9.01

ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Шалагин А.Е., начальник кафедры Казанского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

В работе представлена криминологическая характеристика подростково-молодежной преступности, выделяются ее причины и условия. Предложены меры, направленные на минимизацию преступлений в молодежной среде.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних; молодежная преступность; личность преступника; причины и условия преступности; предупреждение преступности.

TEENAGE YOUTH CRIME AND CRIME PREVENTION

Shalagin A.E., chair head of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Kandidat nauk degree in Law, associate professor

The article presents the criminological characteristics of youth crime. The proposed measures aimed at minimizing the crimes in the youth environment.

Keywords: juvenile delinquency; youth crime; personality of a criminal; causes and conditions of crime; crime prevention.

Изучение преступности несовершеннолетних и молодежи представляет собой одно из приоритетных направлений в науке и практике. Значительная часть рецидивистов начинали свою преступную карьеру в несовершеннолетнем возрасте. Чем раньше лицо совершает свое первое преступление, тем выше уровень криминальной зараженности и вероятность повторения преступного поведения. Под подростково-молодежной преступностью следует понимать общественно опасное, социально-негативное, противоправное явление, представляющее собой систему уголовно наказуемых деяний, совершенных лицами в возрасте от 14 до 25 лет на определенной территории в тот или иной период времени и характеризующееся количественными и качественными показателями. Такого рода противоправная деятельность в последующем воспроизводит рецидивную, организованную и профессиональную преступность.

К признакам подростково-молодежной преступности относятся:

1. Совершение преступлений лицами в возрасте от 14 до 25 лет.
2. Групповой характер большинства преступлений.
3. Импульсивность, агрессивность, циничность преступлений.
4. Многообразие мотивов преступной деятельности (корысть, месть, хулиганские побуждения, желание самоутвердиться, ревность, удовлетворение сексуальных потребностей).
5. Совершение значительной части преступлений лицами, ранее состоящими на профилактических учетах, ведущими аморальный (антиобщественный) образ жизни, привлекавшимися к административной и уголовной ответственности.
6. Высокий уровень алкоголизации, наркотизации, проституции, участия в азартных играх.
7. Распространенность корыстных, насильственных, корыстно-насильственных преступных деяний, хулиганства, актов вандализма, наркопреступлений, надругательств над памятниками истории и культуры, преступлений экстремистской и террористической направленности.
8. Высокий уровень латентности отдельных преступлений, совершенных в подростково-молодежной среде (киберпреступления, изнасилования, карманные кражи, вымогательства, мошенничества, преступления против здоровья населения и общественной нравственности и др.).

В 2015 г. удельный вес преступности несовершеннолетних в Российской Федерации составил 4,9%; подростками или при их участии совершено каждое двадцатое преступление. Если несовершеннолетний совершает квартирную кражу, то он, как правило, бывает знаком с потерпевшим. При проникновении в жилище подростки нередко используют заранее похищенные ключи от входной двери. Грабежи ими совершаются в отношении сверстников, женщин, инвалидов. Они чаще, чем взрослые, в своей преступной деятельности используют холодное оружие и баллончики со слезоточивым газом [1, с. 50].

Одной из активных групп правонарушителей являются лица в возрасте от 18 до 25 лет. Среди таких лиц отмечается низкий уровень образования, лишь 22,3% на момент совершения преступления состояли в браке, более 50% нигде не работали, не имели постоянного источника дохода или занимались низкоквалифицированным и малооплачиваемым трудом [3, с. 765-771].

К негативным факторам, влияющим на подростково-молодежную среду, необходимо отнести:

- 1) семейное неблагополучие, которое приводит к упущениям в воспитании, обучении, развитии личности;

2) отрицательное влияние ближайшего окружения, вовлечение несовершеннолетних в противоправную и антиобщественную деятельность;

3) эмоциональная неуравновешенность, неустойчивость нервных процессов, повышенная возбудимость, резкая смена настроения, непринятие социальных и правовых запретов;

4) искаженное представление о важнейших нравственных категориях современного общества;

5) упущения и недостатки в педагогической, морально-психологической, культурно-просветительской деятельности;

6) распространение и замещение моральных ценностей элементами криминальной субкультуры и др.

Формированию криминогенной мотивации и активизации противоправных действий со стороны подростков и молодежи способствуют следующие обстоятельства:

- слабый контроль за поведением подростка со стороны родителей или законных представителей несовершеннолетнего;

- распад системы общедоступного досуга и времяпрепровождения;

- пьянство, наркомания, проституция, попрошайничество, тунеядство, беспорядочные половые контакты;

- несформированность институтов ювенальной юстиции;

- недостаточная эффективность профилактических и корректирующих мер по отношению к асоциальному (противоправному) поведению несовершеннолетних и молодежи;

- отсутствие службы пробации, оказывающей помощь на этапе адаптации (ресоциализации) после отбытия наказания в местах лишения свободы.

Предупреждение преступности – это многоуровневая система государственных и общественных мер, направленная на минимизацию причин и условий преступности, ее отдельных видов, недопущение вовлечения в преступную деятельность новых лиц, расширения сферы криминализации общественных отношений [2, с. 283].

Приоритетными задачами общего предупреждения преступлений и иных форм противоправного поведения подростков и молодежи являются:

- поддержание семейного благополучия, усиление социальной защищенности малообеспеченных слоев населения;

- противостояние различным формам экстремизма, радикализма, ксенофобии, национализма;

- минимизация занятости подростков и молодежи в теневом секторе экономики;

- пропаганда здорового образа жизни, отказа от вредных привычек;

- противодействие алкоголизации, наркотизации, азартным играм, проституции, порнографии, суицидальному поведению;
- установление в отношении несовершеннолетних определенных ограничений и запретов (на приобретение спиртных напитков, посещение увеселительных заведений в ночное время и др.);
- организация подросткового (молодежного) досуга, всестороннее и гармоничное развитие личности.

Субъектами общесоциального предупреждения подростково-молодежной преступности являются государственные и общественные структуры. В первую очередь к ним относятся учреждения образования, здравоохранения, культуры социальной защиты и занятости населения, органы опеки и попечительства, правоохранительные органы, средства массовой информации, общественные и религиозные организации, институты гражданского общества.

К индивидуальным мерам предупреждения преступлений и иных антиобщественных действий подростков и молодежи относятся: а) профилактическая беседа; б) разъяснение последствий неправомерного поведения; в) сообщение о противоправной деятельности (аморальном поведении) по месту учебы или работы; г) привлечение к профилактической работе квалифицированных специалистов (педагогов, психологов, социальных работников, общественных воспитателей) [4, с. 155]. В отдельных случаях к лицам, не поддающимся исправлению (коррекции), применяются следующие меры воздействия: 1) постановка на профилактический учет с последующим контролем; 2) помещение в центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей; 3) направление в специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типов; 4) привлечение к административной и уголовной ответственности.

Необходимо обратить внимание на то, что при хорошей проработанности мер предупреждения преступности несовершеннолетних недостаточное внимание уделяется противодействию молодежной преступности. Ее масштабы, интенсивность, высокая общественная опасность указывают на реальную угрозу общественной безопасности. Молодежная преступность концентрирует в себе криминальный потенциал, накопленный в более раннем (несовершеннолетнем) возрасте, присоединяет к нему собственный и передает его следующим возрастным группам, тем самым определяя уровень и характер взрослой преступности [5, с. 56]. Эффективность превентивных мер в отношении подростков и молодежи зависит от скоординированных действий государственных и общественных структур по улучшению материальных, образовательных, духовно-нравственных, культурных, досуговых и иных условий развития подрастающего поколения.

Используемые источники

1. Бельский А.И., Ягодин Р.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Российский следователь. 2015. № 15.
2. Долгова А.И. Криминология: краткие учеб. курсы. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013.
3. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Особенная часть: учебник. М.: Юрайт, 2011. Т. 2.
4. Шалагин А.Е. О приоритетных направлениях деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2.
5. Шаталов Е.А., Молдаванов К.В. Молодежная преступность и основные направления противодействия ей: монография. М.: Проспект, 2016.

УДК 343.3/.7

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОЦЕНКИ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ УБИЙСТВЕ

Швейгер А.О., старший преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук

В статье рассматриваются актуальные вопросы, касающиеся оценки беспомощного состояния потерпевшего при совершении убийства. Исследуются особенности состояния сна и состояния опьянения, а также возможность отнесения их к беспомощному состоянию. Также анализируется вопрос о квалификации действий виновного лица, которое привело в беспомощное состояние потерпевшего в процессе убийства.

Ключевые слова: убийство; беспомощное состояние; состояние опьянения; состояние сна; проблемы квалификации.

PROBLEMATIC ISSUES OF ASSESSMENT HELPLESS STATE OF THE VICTIM IN THE MURDER

Shveyger A.O., senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia Kandidat nauk degree in Law

The article considers the topical issues relating to the assessment of the helpless state of the victim during the murder. Examines the features of a state of sleep and intoxication, as well as the possibility of referring them to a helpless state. It also analyzes the question of qualification of actions of the guilty person, which resulted in a helpless condition of the victim during the murder.

Keywords: murder; helpless condition; intoxication; sleep; problems of qualification.

Квалифицированный вид убийства лица, находящегося в беспомощном состоянии, является относительно новым видом убийства. В УК РСФСР 1960 г. не была предусмотрена ответственность за подобный вид убийства, а лишение жизни потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, квалифицировались как убийство с особой жестокостью либо как простое убийство [3, с. 57].

Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, надлежит квалифицировать как умышленное причинение смерти потерпевшему, не способному в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство, а к лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, тяжелобольные и престарелые, малолетние дети, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее [7], в правоприменительной практике часто встречаются ошибки, связанные с неправильным толкованием данного оценочного признака.

Подобные ошибки связаны с неверным пониманием сущности рассматриваемого признака. Часто суды ошибочно вменяют данный признак в ситуациях, когда потерпевший в процессе убийства сначала приводился в бессознательное состояние виновным лицом, после чего лишался жизни.

Так, К., желая смерти потерпевшей, душил ее руками, а после того, как она потеряла сознание, нанес несколько ножевых ранений ей в сердце, в результате чего наступила смерть. Первоначально действия виновного были квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако Президиум Верховного Суда РФ переквалифицировал действия К. на ч. 1 ст. 105 УК РФ на том основании, что потерпевшая была приведена в бессознательное состояние в процессе лишения ее жизни [1, с. 7].

В другом случае между осужденным Г. и его матерью – потерпевшей Р. произошла ссора, в ходе которой он стал наносить потерпевшей множественные удары руками и ногами по различным ча-

стям тела, а после того как Р. потеряла сознание, осужденный нанес ей не менее трех ударов топором в голову, отчего наступила смерть потерпевшей.

Квалифицируя действия Г. по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, суд в приговоре указал, что потерпевшая потеряла сознание от ударов осужденного, в связи с чем заведомо для него находилась в беспомощном состоянии.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что по делу в отношении Г. данных, свидетельствующих о нахождении потерпевшей Р. во время убийства в беспомощном состоянии, не установлено. Поэтому действия Г. были переклассифицированы с п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ как убийство на почве личных неприязненных отношений [4].

Вместе с тем во втором случае Судебная коллегия неверно мотивировала переклассификацию действий Г., поскольку для него было очевидно, что потерпевшая в момент убийства находилась в беспомощном состоянии. Но поскольку он сам привел ее в такое состояние в процессе убийства, его действия содержат состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Действия виновного лица, направленные на приведение потерпевшего в состояние, лишаящее последнего возможности оказать сопротивление в процессе лишения жизни, являются частью объективной стороны состава убийства. Поэтому нельзя такие действия оценивать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Аналогично нельзя рассматривать как беспомощное состояние связывание потерпевшего, его удержание в процессе убийства.

По нашему мнению, прав профессор А.И. Коробеев, который считает, что «критерием разграничения рассматриваемых видов убийств служит момент возникновения беспомощного состояния потерпевшего. Этот момент должен предшествовать выполнению объективной стороны убийства, так как виновный еще до начала его совершения должен осознавать, что потерпевший не способен в силу физического или психического состояния защитить себя или оказать активное сопротивление» [3, с. 59].

Смежной проблемой с приведенными случаями являются факты убийства потерпевшего, находящегося в состоянии сна или опьянения. Поскольку Пленум Верховного Суда не решил данный вопрос в Постановлении «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», судебная практика содержит противоречивые подходы к оценке подобных ситуаций.

Во время ссоры с С. Подлужный со словами «Ты хочешь, чтобы я сел, ты хочешь трупа» взял кухонный нож, зашел в квартиру ... и нанес спавшему Л. несколько ударов ножом в область шеи и плеча, а

затем вернулся в квартиру к С. От полученных ранений потерпевший Л. скончался.

Подлужный был осужден по п. «в», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор был оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда РФ исключил из квалификации п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, переклассифицировав действия Подлужного на ч. 1 ст. 105 УК РФ, указав, что сон является жизненно необходимым и физиологически обусловленным состоянием человека и не может расцениваться как беспомощное состояние в том понимании, которое придается ему уголовным законом, как и состояние алкогольного опьянения, в котором находился потерпевший [8].

Однако ранее судебная практика придерживалась диаметрально противоположной точки зрения.

Например, Верховный Суд Республики Татарстан осудил Х. по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство Х-ва. В своем приговоре суд указал, что потерпевший Х-в в силу сильного алкогольного опьянения заведомо для виновного находился в беспомощном состоянии. В кассационных жалобах Х. и его адвокат не согласились с выводом суда о том, что потерпевший в момент лишения его жизни находился в беспомощном состоянии. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор суда оставила без изменения, не удовлетворив кассационные жалобы [2, с. 41].

Несмотря на то, что ранее правоприменитель связывал беспомощное состояние потерпевшего, в том числе, с состоянием сна и опьянения, в последнее время практика их таковыми не признает.

В теории уголовного права имеются различные точки зрения по этому поводу. Связано это с различным пониманием содержания повышенной общественной опасности анализируемого квалифицирующего признака.

Есть мнение, что, поскольку п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ связан с моральными категориями, повышенной опасности объекту такой способ убийства не представляет, и его следует исключить из ч. 2 ст. 105 УК РФ [9, с. 69].

Ряд авторов считает, что повышенная общественная опасность данного признака обусловлена тем, что жертва не способна в силу определенного состояния избежать смерти, оказать сопротивление, результат в виде смерти жертвы становится более вероятным для виновного. Поэтому данные ученые считают, что достаточно осознания беспомощности жертвы только преступником [2, с. 42; 6, с. 274].

Другие авторы, на наш взгляд, справедливо полагают, что необходимо осознание своей беспомощности и самим потерпевшим. Как правильно указывает А.И. Коробеев, «иная трактовка понятия «беспомощное состояние» может привести к нелепому выводу, что убийство с использованием дистанционных способов причинения смерти

(радиоуправляемый взрыв, выстрел из снайперской винтовки и т.п.) есть убийство потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии. Очевидно, что по степени внезапности и неожиданности для потерпевшего такие убийства ничем не отличаются от причинения смерти спящему человеку» [5, с. 184].

Поэтому судебная практика Верховного Суда РФ заняла верную позицию в последнее время относительно непризнания состояния сна и опьянения беспомощным состоянием. Однако, поскольку в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» отсутствуют соответствующие разъяснения, судами нижестоящих инстанций допускается большое количество ошибок в квалификации при оценке подобного рода состояний.

Для исключения судебных ошибок в рамках освещенных выше проблем, необходимо дополнить указанное постановление Пленума Верховного Суда РФ разъяснениями о том, что нельзя признавать беспомощным состоянием бессознательное состояние лица либо приравненные к нему состояния потерпевшего, если в такое состояние виновный сам привел потерпевшего в процессе совершения действий, направленных на убийство потерпевшего. Также необходимо указать, что нельзя признавать состояние сна и опьянения потерпевшего при убийстве беспомощным состоянием.

Такие разъяснения позволят снизить количество судебных ошибок и будут способствовать единообразию правоприменительной практики.

Используемые источники

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1.
2. Идрисова С.Ф., Молчанова С.В. Теоретические основы квалификации убийств: учеб. пособие. Ижевск: ИФ НА МВД России, 2002.
3. Коробеев А.И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: монография. М., 2012.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2011 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 2.
5. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 2: Преступления против личности. СПб., 2008.
6. Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в ред. от 03.12.2009) // Российская юстиция. 1999. № 4.
8. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 марта 2012 г. № 11-П12ПР. Доступ из СПС «Гарант». (дата обращения: 30.03.2016).
9. Стрельников А.И. Ответственность за убийство, совершенное при обстоятельствах, отягчающих наказание (ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.

Содержание

- Абубакиров Ф.М.** Уголовно-правовая оценка при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / 3
- Андрейкин А.А.** К вопросу о повышении качества предварительного расследования и усилении прокурорского надзора при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних / 8
- Антонов И.М., Бойко Н.В.** Общие начала назначения наказания: вопросы законодательной регламентации / 13
- Антонова Е.Ю.** Критерии общественной опасности деяния и их влияние на законотворчество / 19
- Арепьева Т.А.** Организационно-контрольная деятельность начальника подразделения дознания / 27
- Батрова Т.А.** Объективные признаки неправомерных действий при банкротстве физического лица / 31
- Беляева Л.И.** Посягательства на сотрудника полиции: причины и предупреждение / 36
- Буров Ю.В.** Об этапах окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения / 40
- Васильченко А.В., Гареев А.М., Лонцакова А.Р.** Вопросы противодействия причинению умышленного вреда своему здоровью в местах заключения / 44
- Габдрахманова Е.С.** Досудебное соглашение о сотрудничестве: предстоящие изменения / 47
- Галкин Д.В.** Состояние тяжкой насильственной преступности в Дальневосточном федеральном округе: анализ статистики за последние 10 лет / 51
- Гирийчук В.В.** Проблемы производства следственных действий с применением специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации / 55
- Горбунова Н.В.** Статья 282 УК РФ: проблемы конструкции состава преступления и вопросы квалификации / 60
- Загвоздкин Н.Н.** Об административных полномочиях дознавателей органов внутренних дел / 64
- Замалеева С.В.** К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ / 68
- Зотова М.В.** О возможности восстановления пропущенных сроков при дознании в сокращенной форме / 72
- Зубенко Е.В.** Тактические особенности подготовки и проведения допроса подозреваемого в дорожно-транспортном преступлении, сопряженном с оставлением в опасности / 75
- Илло Д.А.** Преступления, совершаемые лицами, находящимися в местах изоляции от общества / 80
- Кашапов Р.М.** Виды поведения, содействующего раскрытию и расследованию преступления, и их уголовно-правовые последствия / 84
- Кернаджук И.В.** Насильственная преступность несовершеннолетних / 88
- Корецкий В.П.** Разбой: историко-сравнительный анализ и вопросы совершенствования уголовного закона / 92
- Костенко К.А.** Освобождение от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 126 УК РФ: проблемы правоприменения / 95

- Кузора С.А.** О необходимости учета опыта развития уголовно-процессуального законодательства на постсоветском пространстве / 100
- Лошакова Н.Е., Маркелова Е.В., Манина Е.Л.** К вопросу о проблемах правоприменения при рассмотрении сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием средств мобильной связи / 103
- Мамошин М.А.** Куда движется отечественное уголовное судопроизводство? Обзорно-критический анализ / 109
- Манцурова Л.А.** Использование перспективных технических средств в ходе допроса, предшествующего предъявлению для опознания / 116
- Мартынюк С.Н., Косовский В.Б.** Обеспечение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Украины / 119
- Насонов А.А.** Классификация лиц, запрашиваемых для уголовного преследования / 123
- Насонова И.А.** Об одной из ступеней в эволюции теории уголовно-процессуального доказывания под влиянием информатизации в социальной сфере / 127
- Никитенко И.В.** Проблемы современной миграционной политики: криминологический обзор / 132
- Никонов К.О.** Совещательные органы в сфере противодействия экстремизму: проблемы реализации их функций / 138
- Нуриев И.Н.** Проблемы реализации разумного срока уголовного судопроизводства в ходе предварительного расследования / 141
- Овчинников Ю.Г.** Обеспечение прав участников уголовного процесса в досудебном производстве – важный аспект деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации (на основе ежегодных докладов) / 146
- Осипова Т.В.** Заключение специалиста на стадии возбуждения уголовного дела – гарант достижения объективной истины / 151
- Пастушенко А.А.** Предмет нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / 156
- Пахарьков К.А.** Характерные нарушения принципа законности при расследовании уголовных дел в форме дознания / 160
- Пилюшин И.П., Павлов А.В.** Правомерен ли отказ в возбуждении уголовного дела при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления? / 166
- Пляс Д.Г.** Объект преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ / 172
- Прохорова Т.Л., Рымарева Н.В.** К вопросу о продолжительности проведения допроса / 177
- Самойлюк Н.В.** Вопросы уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 322.2 УК РФ / 179
- Супрун С.В.** Проблемы реализации гражданского иска по уголовным делам о налоговых преступлениях / 183
- Тертышникова Е.М.** К вопросу о трактовке понятия «кладбищинские здания» как предмете преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ / 187
- Трубчик И.С.** Особенности соблюдения прав подозреваемого в уголовном судопроизводстве / 190

- Тулиглович М.А., Мусинова М.А.** Формула законодательного компромисса, используемая при дифференциации мошенничества / **194**
- Федулов А.В.** Деформализация досудебного производства в уголовном процессе: pro et contra / **199**
- Хисматуллин И.Г.** Возвращение уголовного дела для производства дополнительного дознания или пересоставления обвинительного акта: проблемы теории и практики / **202**
- Чепик М.М.** Примирение сторон – «двойной компромисс» / **207**
- Чердынцева И.А.** Законодательные препятствия производству дознания в сокращенной форме / **210**
- Черкасов В.С.** Проблемы доказательственной парадигмы в уголовно-процессуальном праве России / **213**
- Чернова С.С.** О порядке приостановления производства по уголовному делу в связи с заболеванием подозреваемого или обвиняемого / **218**
- Чуприна Э.И.** Институт освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности в современном уголовном праве стран СНГ / **221**
- Шалагин А.Е.** Подростково-молодежная преступность и ее предупреждение / **225**
- Швейгер А.О.** Проблемные вопросы оценки беспомощного состояния потерпевшего при убийстве / **229**

Научное издание

**Актуальные проблемы
юридической науки и судебной практики**

*Сборник материалов Всероссийской
научно-практической конференции*

30-31 мая 2016 г.

Редактор

В.К. Твердохлебова

Корректор

Н.Б. Хохлова

Подписано в печать 28.06.2016. Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 13,72. Тираж 120 экз. Заказ № 26.

Дальневосточный юридический институт МВД России.

Редакционно-издательский отдел. Типография.

680020, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.